

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

"НАУКА"

МОСКВА – 1999

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Е.В. Падучева (Москва). Принцип композиционности в неформальной семантике.....	3
В.Ю. Апресян (Москва). Уступительность в языке и слова со значением уступки..	24
А.В. Гладкий (Москва). набросок формальной теории падежа.....	45
И.Э.С. Рахманкулова (Москва). Модели предложения и семантика глаголов в диахронии.....	56
Г.П. Клепикова (Москва). К истории изучения славянской диалектной семантики (метод "семантического поля" Н.И. Толстого).....	64
М.М. Маковский (Москва). Мифопоэтика письма в индоевропейских языках.....	73
О.Г. Чупрына (Москва). Temprogit opinio в древнем языке и сознании.....	87
М.И. Шапир (Москва). К текстологии "Евгения Онегина" (орфография, поэтика и семантика).....	101

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

В.А. Плотникова (Москва). Две редакторские версии (из истории работы над "Словарем языка Пушкина").....	113
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р е ц е н з и и

Э.А. Харитончик (Минск). <i>Е.С. Кубрякова</i> . Части речи с когнитивной точки зрения.....	127
И.Б. Шатуновский (Дубна). <i>Е.В. Падучева</i> . Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива).....	130
В.В. Краснянский (Орехово-Зуево). Редкие слова в произведениях авторов XIX века. Словарь-справочник.....	138
Э. Трыярский (Варшава). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика.....	144
В.Б. Касевич (С.-Петербург). <i>А.И. Коваль, Б.А. Нялибули</i> . Глагол фула в типологическом освещении.....	147
Ж.Ж. Варбот (Москва). <i>W. Boryś, H. Popowska-Taborska</i> . Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. II. D-J.....	151

РЕДКОПЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов,
А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов,
А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский (отв. секретарь),
А.М. Молдован, Т.М. Николаева (зам. главного редактора),
Ю.В. Откупщиков, В.М. Солнцев,
О.Н. Трубочев (главный редактор), А.М. Щербак

Зав. отделами *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
 Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2
 Институт русского языка имени В.В. Виноградова, редакция журнала "Вопросы
 языкознания"
 Тел. 201-25-16

© 1999 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

ПРИНЦИП КОМПОЗИЦИОННОСТИ В НЕФОРМАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ*

Принцип композиционности (который называют иногда принципом Фреге), в самом общем виде, формулируется так: "Смысл языкового выражения является функцией от смыслов его частей и способов их синтаксического соединения" [Partee 1984]. Этот принцип играет большую роль в формальной семантике, но понимается в узком смысле, предполагающем некий изоморфизм между семантикой и синтаксисом¹. Между тем, как отмечено в [Partee 1984], при более широком понимании этот принцип должен найти себе место в любой теории языка (одна из первых лингвистических работ, посвященных проблеме композиционности, – [Weinreich 1966]; непосредственно относятся к делу правила зачеркивания в [Апресян 1974: 81] и правила сочетаемости значений в [Апресян 1995: 40]). В настоящей работе принцип композиционности понимается как установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, граммем, синтаксических конструкций, линейно-акцентной структуры и проч. в составе высказывания. Речь идет, таким образом, не столько о п р и н ц и п е композиционности, который принимается как данное, сколько о самих правилах композиции смыслов. Важный вклад в проблему композиции смыслов – книга [Богуславский 1996].

1. ПРАВИЛА КОМПОЗИЦИИ СМЫСЛОВ

Высказывание сопоставляет фрагменту реального мира некую семантическую структуру; это то, что говорящий видит в данном фрагменте мира. Семантические структуры содержат, среди прочего, информацию о логических свойствах предложения – позволяют устанавливать между предложениями отношения логического и семантического следования, противоречия, эквивалентности; именно возможность получения такой информации служит, наряду с прочим, критерием адекватности толкований слов и предложений.

Говоря о семантике предложения или текста, мы будем ориентироваться на понимание уже сделанного высказывания слушающим, а не на порождение текста говорящим; т.е. речь идет о законах интерпретации, а не о порождении текста. Мы исходим из того, что реально существует только такой смысл, который выражен текстом.

Композиционность как предпосылка о том, что в языковом тексте значение целого строится из значения частей, не может вызвать сомнений. Естественно, в то же время, что смыслы отдельных слов в составе предложения не просто "прикладываются" один к другому. Во-первых, смыслы взаимопроникают один в другой, притом в разных случаях по-разному. Во-вторых, при соединении в единое целое неизбежно происходит

* Работа выполнена при финансовой поддержке Международного фонда INTAS, проект 96-0085.

¹ Обратим внимание на то, что в логической формулировке композиционности нет упоминания ни о морфологии, ни о линейно-акцентной структуре; лингвистически скорректированная формулировка – "значение предложения складывается из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций" – была дана в работе [Падучева 1974: 12], где предложен один подход к описанию вклада семантики синтаксических конструкций в общую семантику предложения и приняты во внимание как морфология, так и актуальное членение. Данная работа посвящена лексическому аспекту композиционности.

преобразование смыслов частей. Можно полагать, однако, что такие преобразования опираются на общие правила – своего рода "семантические сандхи". Их тоже надо описать, чтобы обосновать принцип композиционности.

Правила композиции смыслов мыслятся здесь как преобразование исходного лексико-синтаксического в семантическое представление того же предложения. Каждое правило касается отдельного словосочетания, но существенна установка на возможность в конечном счете прийти к смыслу целого.

Два главных компонента исходного представления смысла предложения (о других носителях смысла будет сказано ниже) – это лексический состав предложения и синтаксическая структура; синтаксис задает на множестве лексем отношение подчинения (оно же – отношение зависимости), по которому, в принципе, можно выявить предикатно-аргументные отношения между оператором и операндом в семантической структуре.

Каждое правило композиции решает две проблемы: 1) оно указывает способ соединения смыслов отдельных слов в единое целое; 2) в явном виде представляет изменение значений слов под влиянием лексического и синтаксического контекста (и, возможно, наоборот, значение синтаксической конструкции, измененное в контексте данного лексического наполнения). Заметим, что концепция "строгой" композиционности в формальной семантике вообще не предусматривает возможности изменения смысла слова под влиянием контекста, см. об этом [Pustejovsky 1995: 59].

Говоря о композиционности, мы должны способы представления смысла отдельных слов и синтаксической структуры предложения принять за данное. Синтаксис мыслится как заданный деревом зависимостей (самого общего вида, см., например [Гладкий 1973]); а смыслы слов должны быть заданы словарем: предполагается, что есть словарь, который слову (а точнее лексеме, т.е. слову в данном его значении) сопоставляет толкование². Толкование слова в предикативном употреблении, например, глагола, состоит из отдельных компонентов предикативной структуры (предикат и его аргументы), с указанием коммуникативного статуса каждого компонента. Различаются статусы: ассерция, пресуппозиция, имплицатив, атрибутивный компонент, фон (о двух последних см. [Падучева 1996: 243]). Смысл слова ни в коей мере не исчерпывается его толкованием – словарное толкование может пополняться за счет смысла входящих в него слов; контекста текста и ситуации; коммуникативных постулатов и чего-то еще.

В основном рассматриваются смыслы таких сочетаний слов, в которых хотя бы один из компонентов – глагол. Просто потому, что описание семантики глагола имеет более давнюю традицию, так что имеющиеся у нас толкования глаголов достаточно надежны.

Глагол в каждом своем употреблении обозначает некую ситуацию. Толкование приписывает участникам ситуации (аргументам предиката) семантические роли, а предикату – категориальные предпосылки относительно каждого из участников; например, у глагола *подарить* в предложении

Отец подарил ему на день рождения рояль

1-й аргумент, в Номинативе, Агенс; 2-й, в Аккузативе, – Пациенс (участник, у которого меняется Поссessor); 3-й, в Дативе, – Адресат. У Агенса и Адресата категория 'лицо', у Пациенса – 'предмет'/'субстанция'.

З а м е ч а н и е . В "узлах" нашей исходной структуры стоят лексемы, т.е. слова, взятые в нужном значении. Было бы естественно, чтобы решение о том, какой своей лексемой слово представлено в данном предложении, принималось при участии правил, подобных правилам композиции. Так, в [Апресян 1974: 179] идет речь об "осциллирующем" значении слова *быстро*: 'с большой скоростью' и 'немедленно', т.е. 'через короткий срок'. Эти два значения *быстро*, действительно, легко переходят одно в другое, поскольку

² Наш подход к семантике лексики изложен в публикациях, посвященных системе "Лексикограф", см. [Кустова, Падучева 1994; Падучева 1998в]. Он существенно ориентирован на принципы Московской школы лексической семантики [Апресян 1974; Мельчук, Жолковский 1984] и семантическую концепцию Анны Вежицкой, см. [Wierzbicka 1980].

связаны друг с другом как причина и следствие: если движение имеет большую скорость, то результат наступит через короткий срок (а если глагол акцентирует начало, то действие *начнется* через короткий срок). Но не все глаголы, предполагающие результат, предполагают также и скорость; слово *быстро* "ищет" в семантике подчиняющего глагола подходящую для себя сферу действия, и от исхода поиска зависит его – контекстно обусловленное – значение. Можно было бы представить этот поиск как правило композиции – правило контекстного изменения значения *быстро*. Однако задачу установления значения слова по контексту мы здесь оставляем в стороне. Дело в том, что даже лексемы меняют смысл в контексте предложения, см. [Падучева 1999], так что проблема композиции остается и для лексем.

Кроме лексики и синтаксиса, есть еще такие важные слагаемые смысла, как несинтаксическая словоизменительная морфология – вид, время глагола; число существительного и т.д. (ее мы вправе не касаться) и коммуникативная, т.е. линейно-акцентная, структура. Роль линейно-акцентной структуры можно показать на примере (1). В (1а) предметом удивления служит все содержание придаточного, а в (1б), с главным ударением на *свои*, только то, что деньги, которые он отдал, были его собственные:

- (1) а. Меня удивило, что он дал тебе свои деньги;
б. Меня удивило, что он дал тебе СВОИ деньги.

Казалось бы, линейно-акцентная структура является отдельным фактором смысла, который можно тоже для начала оставить в стороне, не касаясь предложений типа (1б) с маркированной просодией. Однако коммуникативная структура часто неотделима от семантики лексики, поскольку слово может иметь "врожденную" просодию и даже предрасположение к порядку слов. Так, в [Апресян 1974: 81] приводится в доказательство неаддитивности сложения смыслов следующий пример (который интересовал еще Есперсена):

- (2) Бутылка не вмещает пяти литров.

По общим правилам предложение (2) должно означать 'вместимость бутылки не равна пяти литрам' = 'бутылка вмещает то ли меньше, то ли больше пяти литров'; между тем, смысл (2) – 'бутылка вмещает меньше пяти литров'.

Однако этот пример допускает иную интерпретацию, см. [Богуславский 1985: 29]. Дело в том, что смысл 'вмещает то ли меньше, то ли больше пяти литров' принадлежит не предложению (2), а предложению (2')

- (2') Бутылка вмещает не пять литров,

для которого исходным утвердительным служит

- (2'') Бутылка вмещает пять литров\.

А для (2) исходным утвердительным служит

- (2''') Бутылка вмещает\ пять литров,

с фразовым ударением на глаголе. Предложение (2''') имеет смысл 'вмещает пять литров или больше', так что нужный смысл (2) – 'меньше пяти литров' – получается композиционно из смысла исходного предложения и отрицания. Отсюда следует, однако, что линейно-акцентную структуру нам неизбежно придется принимать во внимание при формулировке правил композиции лексических смыслов в их синтаксическом контексте; о неотделимости семантической структуры от коммуникативной см. [Богуславский 1996: 121].

Итак, имеется исходная лексико-синтаксическая структура, которая содержит – хотя бы и в неэксплицитном виде – сведения о предикатно-аргументных отношениях на множестве толкований лексем, а также и некоторые сведения о коммуникативной структуре предложения. Можно различить три типа семантических взаимодействий глагола с другими лексемами в такой структуре; иначе – различить в предложении три способа соединения значений и, соответственно, три типа семантических стыков (junctures).

I. Смысл глагола соединяется с концептом одного из его актанта (аргументов). Общее правило, предлагаемое на этот счет формальной семантикой, состоит в том, что генерализованный квантор, см. [Bach 1989], с в я з ы в а е т одну из переменных в толковании глагола, т.е. либо фиксирует значение переменной, как в (а); либо квантифицирует ее, как в (b); либо связывает оператором вопроса, как в (с)³:

- (3) а. John walked = JOHN (x) (x WALKED);
б. Every student knows John = EVERY x: STUDENT (x) (x KNOWS John);
с. To whom did you give the bird = WHAT x: PERSON (x) (you GAVE the bird TO x).

В результате связывания переменной, участник ситуации, предполагаемый семантикой глагола, получает концепт (в (3) – лексему) и референциальный статус. (Согласно другой терминологии, здесь синтаксический актанта заполняет обязательную семантическую валентность предиката).

II. Смысл глагола соединяется с концептом / смыслом сирконстанта (адьюнкта). В простом случае дело обстоит так (см. [McCConnell-Ginet 1982; Филипенко 1998]): адьюнкт вводит соответствующего участника в ситуацию и идентифицирует или характеризует его. А именно, адьюнкт выявляет в толкованиях и актуализует – вытаскивает на свет – тот или иной параметр обозначаемой глаголом ситуации (логически необходимый, но не выявленный в толковании – время, место, скорость, громкость и т.п.), добавляя к толкованию глагола новый компонент, с новой переменной, и связывая эту переменную. Так, в (4) ДВИЖЕТСЯ – это компонент толкования глагола *бежать*, а движение обязательно имеет скорость; *быстро* идентифицирует скорость как большую:

- (4) *бежит быстро* = 'бежит & ДВИЖЕТСЯ СО СКОРОСТЬЮ x & БОЛЬШОЙ (x)'.
(х)'

О проблемах с сирконстантами будет подробнее сказано ниже.

III. Смысл пропозиционального оператора (т.е. слова, которое имеет в семантической структуре одним из аргументов пропозицию) типа ЗНАТЬ, ДУМАТЬ, НЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, РАД, УДИВИТЕЛЬНО и под., соединяется со смыслом пропозиции, составляющей его сферу действия:

- (5) *Удивительно, что он все помнит* = УДИВИТЕЛЬНО (он все помнит).

Формальное отличие стыка типа III от I и II – в том, что здесь оператор пропозициональный, его аргумент – пропозиция, тогда как в I и II аргументы у предикатов были предметные. Пропозициональное значение имеет свою природу – например, несовместимо с квантификацией.

Синтаксической вершиной подчиненной пропозиции может быть либо глагол, как *помнит* в примере (5), либо другое слово, которое служит ремой предложения, как *свои* в примере (1б). Более того, пропозиция, составляющая сферу действия пропозиционального оператора, может быть лишь компонентом в семантическом разложении глагола. Например, в (6) семантическое представление должно выявить в семантических структурах глаголов *бояться* и *надеяться* ассерцию и пресуппозицию. Дальше действует общее правило о том, что отрицание воздействует на ассерцию, оставляя неизменной пресуппозицию. Так, в (6а) (пример – из [Wierzbicka 1969] и [Зализняк 1983]) отрицание имеет непосредственной сферой действия оценочный компонент, а в (6б) – вероятность, но в обоих случаях отрицается ассерция:

- (6) а. *не боюсь его прихода* = 'считаю ВЕРОЯТНЫМ; НЕ считаю плохим для себя';
б. *не надеюсь на его приход* = 'считаю хорошим для себя; НЕ считаю ВЕРОЯТНЫМ'.

³ В примерах (3)–(5) слева – фрагмент предложения, справа – фрагмент его семантической структуры.

Теперь мы можем яснее сформулировать нашу задачу. В исходной структуре имеются два (знаменательных) слова, подчиняющее и подчиненное (или слово и предложная группа; слово и предложение), каждое со своим смыслом. Правило композиции должно перевести их в пару (оператор, аргумент) и ответить на два вопроса.

1) Как происходит объединение смыслов? А именно, в какую часть толкования оператора "включается" смысл аргумента? Этот вопрос тривиально решается для случаев I и III, где у подчиняющего слова (оператора) есть валентность на подчиненное (аргумент), но составляет проблему для II. И далее, как вычленишь из смысла слова или предложения ту пропозицию, которая составляет сферу действия пропозиционального оператора? Это проблема для III.

2) Как изменяются смыслы одних слов в контексте других; например, существительного в контексте подчиняющего глагола; глагола в контексте связанного с ним наречия, и т.д. Контекстные сдвиги значения слов свойственны стыкам I и II.

Можно думать, что указанные три типа семантических стыков исчерпывают синтаксические связи между словами, основанные на лексических предпосылках одного из них, – т.е. ту область, где семантика синтаксиса сводима к предикатно-аргументным связям лексем. За пределами нашего рассмотрения остаются синтаксические конструкции типа *дом отца*, в которых – по крайней мере на первый взгляд – это не так.

З а м е ч а н и е. В [Борщев, Парти 1999] конструкция с примененным генитивом анализируется в рамках семантической концепции, ориентированной на интеграцию лексической семантики в духе Московской школы и формальной семантики Монтегю. Рассматриваются две возможности семантического представления совокупного значения сочетания: в одном случае подчиняющее имя изначально имеет реляционное значение, так что в его смысл входит предикат, выражающий семантику генитивного отношения (например, 'быть частью' для *ножка стола*); в другом случае генитив осуществляет смысловой сдвиг в значении подчиняющего имени, в силу которого оно из категориального становится реляционным, так что, например, слово *дом* означает 'дом, в котором живет (x)', и тогда сочетание *дом отца* становится неотличимо от *ножка стола*. В обоих случаях синтаксическая связь между словами интерпретируется как предикатно-аргументная, так что значение синтаксической конструкции предстает как вытекающее из лексических предпосылок.

Правила композиции смыслов – это моделирование тех семантических операций, которые осуществляет человек, понимающий смысл не только отдельных слов, но и целого предложения. Представляется, что именно такая система правил полнее всего моделирует семантическую компетенцию говорящего (в данном случае – в его роли слушающего).

Правила композиции должны давать возможность диагностировать аномалии. Например, они, "заодно", уловят аномальность фразы

(7) Петрович провозился с шинелью всего две недели (Гоголь. "Шинель"), где *провозился* имеет импликацию, что операция длилась слишком долго, а *всего*, напротив, наводит на мысль, что *две недели* – это немного.

Очевидный вызов (challenge) принципу композиционности составляет дейксис: у чисто референтного выражения, после того, как установлен его референт, сам смысл (способ отсылки к референту) становится безразличен для смысла целого – в других выражениях об этом писал еще Бертран Рассел. Иными словами, сложение смыслов некомпозиционно, см. пример (8а) из [Stalnaker 1972]:

(8) а. А ведь меня могло бы *здесь* не быть;

б. Я нахожусь *здесь*;

в. Я нахожусь *там*, где я нахожусь;

г. *Могло бы быть неверно, что я нахожусь *там*, где я нахожусь;

д. Для того места, где я нахожусь, могло бы быть неверно, что я *там* нахожусь.

Слово *здесь* по словарю означает 'там, где я сейчас нахожусь'. Если, однако, во фразе (8б) заменить слово *здесь* на это его толкование, мы получим фразу (8в), которая является аналитической истиной, и постановка ее в контекст контрфактической модальности дает фразу (8г) с противоречивым и аномальным смыслом. Между тем (8а) ничуть не аномально: *здесь* в (8а) просто обозначает место, а способ референции к

нему остается за пределами сферы действия оператора модальности: (8а) = (8д). Тем самым сложение смыслов в (8а) некомпозиционно: в синтаксической структуре дескрипция находится внутри сферы действия модальности, а в семантической – наоборот. Но дейксис – это особая область, которую мы вправе оставить в стороне.

2. АКТАНТЫ И СИРКОНСТАНТЫ; ПАРАМЕТРЫ И АТРИБУТЫ; ИНКОРПОРИРОВАННЫЕ УЧАСТНИКИ

Противопоставление стыков I и II апеллирует к отличию актанта от сирконстанта, граница между которыми не всегда проводится однозначно. Поскольку правила композиции предусмотрены для обоих типов участников, эта неоднозначность им не помеха. Скорее наоборот, задача композиции смыслов проливает свет на проблему актантов и сирконстантов, от решения которой зависит словарное описание глагола. Имеется несколько различительных критериев; ни один не дает однозначного ответа, но все так или иначе полезны.

1. Семантическая обязательность. В первом приближении актанты – это обязательные участники обозначаемой глаголом ситуации, а сирконстанты – факультативные. В [Богуславский 1996: 101] обязательные участники практически отождествлены с актантами (т.е. дополнениями, аргументами), а необязательные – с сирконстантами (обстоятельствами, адъюнктами) – как если бы актанты всегда были семантически обязательны, а сирконстанты факультативны. На самом деле, однако, наряду с действительно факультативными сирконстантами, такими как цель или причина, есть участники, выражаемые обстоятельствами, которые являются обязательными параметрами ситуации: из действия нельзя изъять время (если не было момента/отрезка времени, когда произошло событие, значит не было события); из движения, например, бега, – скорость; из звука – громкость. Лучше сказать, что актант – это участник, обязательно присутствующий в кадре ситуации, а сирконстант вводит участника в кадр только своим присутствием в предложении.

З а м е ч а н и е. В [Апресян 1995: 52] обязательность не фигурирует как признак актанта: утверждается, что при толковании необходимо указать в с е х участников ситуации; их положения, состояния, свойства, взаимоотношения, действия и способ их осуществления. Однако в этом случае толкование, приводимое на стр. 52 для слова *прибить*, оказывается неполным, поскольку не принимает во внимание участников, выраженных в (1) как *мне*, *в прихожей* и *за пять рублей*:

(1) Он прибил мне вешалку в прихожей за пять рублей.

2. Структурный принцип. Актанты играют смыслоразличительную роль: один глагол отличается от другого набором актантов. Например, участие денег отличает ситуацию купли-продажи от изъятия; обязательным участием инструмента глагол *высечь* отличается от *побить*: чтобы высечь, нужен инструмент, а побить можно и руками, так что для *побить* инструмент, видимо сирконстант. Еще пример: у *резать* инструмент – обязательный участник, актант, поскольку толкование должно указать, что он имеет острый край, см. толкование *резать* в словаре [Мельчук, Жолковский 1984]. Однако этот принцип не всегда выдерживается; скажем, необязательный инструмент у *приклеить* обычно трактуется как актант.

3. Коммуникативный ранг. Поскольку сирконстанты, как мы видели в п. 1, могут быть обязательными участниками, характеристическое свойство сирконстанта не факультативность, а положение на периферии поля зрения говорящего: сирконстант – это всегда периферийный участник [Падучева 1998]⁴. Актанту же, напротив, естественно быть участником переднего плана. Коммуникативный ранг выражается, на синтаксическом уровне, синтаксической позицией актанта: субъект и объект (т.е. участники, выраженные, при исходной диатезе⁵, соответственно, подле-

⁴ Ср. [Филипенко 1998: 136] о том, что разница между актантами и сирконстантами касается их коммуникативного веса.

⁵ О диатезе см. [Мельчук, Холодович 1970].

жащим и дополнением) – это Центр; они обязательно актанты. А остальные падежи и предложные группы – Периферия.

Однако есть синтаксически (и коммуникативно) периферийные участники, которые тем не менее актанты, ср. *целиться* – в кого-то; *поселиться* – где-то; *подарить* – кому-то; *выбрать* – из какого-то множества. Если семантический актант не выражен в предложении синтаксическим подчиненным глагола, он должен быть выражен как-то иначе; в противном случае смысл фразы может быть неясен. Что значит, например, *Он выбрал Венгрию* – Из чего он выбирал? На какой предмет? Заметим, что семантическая обязательность участника не имеет жесткой связи с обязательностью соответствующей синтаксической позиции, как у *поселиться* и *выбрать*.

4. Актант как переменный участник ситуации. В [Апресян 1974: 42] идет речь о том, что актантам глагола в толковании соответствует переменная: в разных употреблениях слова в предложении ей соответствуют синтаксические актанты с разным концептом и денотативным статусом. Однако участники, упоминаемые в толковании, могут быть не переменными, а как бы константами – это инкорпорированные участники [Jackendoff 1993: 61]. Например, у глагола *видеть* инкорпорированный участник – глаза; у *ходить* – ноги, у *говорить* – голос, у глагола *гореть* – огонь, у *видеть* – свет: им не соответствует актанта в поверхностной структуре (по крайней мере при употреблении в исходной диатезе – в производных диатезах инкорпорированные участники могут выходить на поверхность, ср. *Неужели Х. жив (...)* потому что он может прийти на это собрание, а *Марсель Пруст* потому, что он нигде уже ногами не придет, – мертв. Цветаева). У глагола *мчаться*, в отличие от *бежать*, скорость упоминается в толковании; но эта переменная связана в самом толковании (поскольку нужно указать, что она большая), и потому является инкорпорированным участником; отсюда у *мчаться* более ограниченная сочетаемость с атрибутами скорости по сравнению с *бежать*.

Инкорпорированный участник – это участник, который, как и актант, обязательно присутствует в ситуации, но не представлен в толковании переменной, поскольку его концепт фиксирован в толковании с точностью до лексемы, а в референциальном отношении он либо константа (т.е. имеет конкретно-референтный или родовой статус), либо зависит от другого участника той же ситуации – например, является его частью, как у глагола *видеть*, *целовать* (так, глаза – часть того, кто видит)⁶. Инкорпорированный участник равен актанту по степени обязательности, но подобен сирконстанту в том смысле, что, не будучи выявлен, находится за пределами зоны внимания говорящих.

5. Влияние на смысл. Согласно [Апресян 1974: 125], актанты могут быть семантически факультативными. Естественно считать, что факультативный актант можно убрать, как в (2), или добавить, как в (3). Так, *сказать* <что-то> можно просто с целью выразить свою мысль, а можно – в ответ на что-то, сказанное ранее; *побить* можно за что-то или просто так:

(2) а. Что он сказал?;

б. Что он на это сказал? [участник на это факультативный].

(3) а. Его побили хулиганы;

б. Его побили за предательство [участник за предательство факультативный].

Однако факультативный актант всегда изменяет значение слова; а тогда у каждой лексемы (т.е. у каждого значения) слова все актанты – обязательные участники ситуации (это следствие структурного принципа). Так, в (26) предложная группа *на* + Асс переводит глагол *сказать* в тематический класс глаголов реакции – к которому отно-

⁶ Инкорпорированный участник не является константой в полном смысле слова, поскольку, скажем, в контексте *Мы все его видим* участвует не одна пара глаз; но у каждого из видящих глаза свои, что создает "дистрибутивную единственность", см. [Падучева 1985: 157; Шмелев 1996: 85].

сятся также глаголы *ответить, возразить, отказаться; нахмуриться, побледнеть* и др. В (3б) смысл глагола *побить*, который нормально не включает идеи 'за что-то', расширяется за счет компонента "нанесение ущерба в целях восстановления справедливости", и глагол переходит в тематический класс глаголов возмездительного действия – тоже подкласс глаголов реакции (в системе "Лексикограф" явления такого рода трактуются как семантическая деривация, состоящая в мене тематического класса [Падучева 1998в: 14]). В (4) предложная группа с предлогом *перед* придает глаголу *краснеть* значение 'стыдиться':

4) Мне еще придется *перед ним* краснеть.

Пример (5) показывает, как наличие/отсутствие актанта Адресат изменяет значение глагола *сказать*:

(5) Неужели он *сказал* это вслух? Ты *сказал* так тихо, что никто не слышал.

Согласно [Wierzbicka 1996], глагол *сказать* не предполагает Адресата в качестве обязательного участника. И действительно, *сказать* допустимо в контекстах типа (5), где Адресат отсутствует. Однако *сказать* в (5) ≈ 'произнести'; и только участие в ситуации Адресата превращает 'произнести' в обычное для *сказать* значение 'сообщить'.

Напротив, добавление во фразу сирконстанта, казалось бы, оставляет значение глагола неизменным: ср.:

(6) а. Он переходил улицу;

б. Он *медленно* переходил улицу.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что сирконстанты могут быть двух родов – параметры и атрибуты. Присоединение к глаголу сирконстанта-параметра не меняет его смысла, поскольку наличие в ситуации этого участника вытекает из толкования слова как логическое следствие. Так, у *приехать*, участник "Куда?" – актант (ср. *Я приехал, чтобы сообщить вам новость* = 'приехал с ю д а'); а участник "Откуда?" логически предсказуем (*начал быть здесь* ⊃ 'раньше был в другом месте'), так что *из Алабамы* в контексте *Я приехал из Алабамы* – это сирконстант-параметр.

Адвербиальные атрибуты не вводят в ситуацию дополнительного параметра, а задают характеристику того участника или компонента, который уже присутствует в ситуации в силу толкования глагола. Например, *читал наизусть* = 'читал, держа в памяти текст слово за словом'; *взял осторожно* = 'взял, заботясь о том, чтобы не причинить ущерба'.

Пример сирконстанта-атрибута – фоновый каузатор [Кустова, Падучева 1994]. Каузатор в (7) не является параметром ситуации, который обязательно должен принять какое-то значение, – Каузатора может и не быть:

(7) Он покраснел – *от волнения*; Дом разрушился – *от наводнения*.

Если наличие сирконстанта-параметра предсказывается семантикой глагола, то для уместности атрибута достаточно всего лишь совместимости смысла атрибута и глагола. Более того, адвербиальный атрибут может изменить толкование глагола – таким образом, чтобы создать в обозначаемой ситуации подходящую для себя сферу действия. Так, *еще больше* в (8) превращает глагол изменения состояния *побледнеть* в градуальный, которым он не являлся сам по себе; *постепенно* в (9) делит ситуацию на упорядоченную во времени последовательность этапов накопления какого-то признака – каковой она сама по себе не была⁷:

⁷ Так что сирконстанты можно трактовать в духе грамматики конструкций [Goldberg 1995]: статус сирконстанта позволяет "объяснить" появление у глагола нового участника, не вводя новой леммы в словарь. Так, МАС, толкуя *лягать* как 'издавать звук', не объясняет приводимый в той же словарной статье пример *Москья (...)* *ляет на слона*; а между тем значение выражения отрицательного отношения может придавать глаголу конструкция *с на*, ср. *кричать на, дуться на*.

- (8) а. Он побледнел;
 б. Он побледнел *еще больше*.
- (9) а. Он решил эту задачу;
 б. Он *постепенно* решил эту задачу.

Но тогда и по критерию "влияние на смысл" границы между актантом и сирконстантом провести нельзя.

Разница между актантом и сирконстантом лучше всего видна в их отсутствие. Если в предложении нет сирконстанта того или иного типа, то присутствие этого участника в ситуации и не подразумевается: этот аспект ситуации просто остается за пределами зоны внимания говорящих. Так, *бежал* не значит 'бежал с какой-то скоростью'; скажем, в ситуации лермонтовского "Мцыри" в отрывке *много я часов бежал* у читателя не возникает вопроса о скорости бега. Между тем актант всегда так или иначе присутствует в ситуации, даже если не имеет поверхностного выражения. Ср.:

- (10) а. "Синтаксические структуры" *были написаны* в 1957 году;
 б. Дом *разрушился*.

В пассивной конструкции, в (10а), Агенс – это актант. Он может быть выражен агентивным дополнением (т.е. помечен как периферийный участник ситуации – в том и состоит смысл пассивизации, чтобы загнать Агенса на периферию!). Но может быть и не выражен в поверхностной структуре: поскольку это участник обязательный, его присутствие в ситуации в любом случае подразумевается (если Агенс не выражен, он уподобляется инкорпорированному участнику; его таксономическая характеристика предсказывается грамматической семантикой пассивной конструкции – это лицо; а референциальный статус – константа). Между тем семантика декаузативной конструкции, в (10б), не предполагает Каузатора как обязательного участника: при декаузативации Каузатор (всегда нецелеполагающий) переводится в ранг сирконстанта, и если сирконстанта-Каузатора в предложении нет, событие концептуализуется как происшедшее само собой.

3. ПРИМЕРЫ ПРАВИЛ КОМПОЗИЦИИ СМЫСЛОВ

I. Связывание переменных – самый простой вариант правила композиции смыслов: на место переменной в толковании глагола подставляется ее значение. В результате, например, из *X любит Y* получается *Джон любит Мери*, и концепты актантов X и Y занимают соответствующее место в толковании глагола *любить*. Более сложных случаев с квантификацией мы здесь не рассматриваем.

Приписывание переменным их значений требует согласования таксономической характеристики актанта с категориальной предпосылкой предиката, т.е. с его требованиями к участнику – исполнителю данной роли. Если категориальная предпосылка предиката и таксономическая категория актанта не совпадают, подстановка в некоторых случаях все равно может быть осмыслена, но с помощью более сложных – нестандартных – правил композиции. В [Апресян 1974] предусмотрено два типа нестандартных соединений смысла: добавление (приращение) и зачеркивание семантического компонента в толковании одной из двух соединяемых лексем.

а) Добавление семантического компонента в семантику актанта.

В примере (1) *река* понимается как 'наличие реки' – добавляется экзистенциальный элемент, поскольку у *способствовать* субъект-каузатор должен быть пропозициональный:

(1) Развитию торговли в Новгороде способствовала *река*.

В (2) предлог *до* во временном значении требует актанта события; поэтому *до печати* понимается 'до того, как на двери была п р и в е ш е н а (сургучная) печать; приращивается акциональный компонент:

(2) *До печати*, нет сомнения, разговор этот мог считаться совершеннейшим пустяком, но вот *после печати...* ("Мастер и Маргарита").

Сочетание (3) может быть осмыслено, если *жена* понимается как метонимическое обозначение отрезка прожитого с ней времени:

(3) две жены тому назад.

В контексте глагола *наступать*, у которого подлежащее должно обозначать время или событие, *переулок* обозначает, скорее всего, происходившие в нем события (тоже метонимия):

(4) А тому *переулку* наступает конец (Ахматова).

б) Зачеркивание семантического компонента в семантике глагола.

В (5б) зачеркивается компонент 'Субъект действовал с определенной целью' (который входит в семантику глагола *ехать* в (5а)):

(5) а. Иван *ехал* на телеге в город;

б. Мимо *ехали* дрова (пример из [Рахилина 1990]).

В (6б) в семантике глагола *подозревать* подавляется категориальная предпосылка 'У плохое', которая входит в смысл *подозревать* в более обычном контексте (6а):

(6) а. Иван *подозревает*, что его обманывают;

б. *Подозреваю*, что здесь будет праздник (пример из [Зализняк 1987]).

Одно достаточно общее правило зачеркивания касается ментальных глаголов в контексте субъекта 1-го лица. У многих ментальных глаголов (например, *знать*, *подозревать*, *догадываться*, *думать* ⟨,что Р⟩) есть семантический компонент 'Говорящий знает, что Р'. Так,

(7) Иван *подозревает*, что его обманывают

включает компоненты: 1) Иван склоняется к мнению, что его обманывают; 2) Говорящий знает, что Ивана обманывают. Но в контексте субъекта 1-го лица компонент 2) пропадает (и главное фразовое ударение на *подозревать* становится неуместным [Падучева 1998а]):

(8) Я *подозреваю*, что его обманывают.

Что же одерживает верх в случае несоответствия между категориальной предпосылкой оператора и собственной семантикой актанта? В предложении (9) предлог *благодаря* дает приращение оценочного компонента к семантике своего актанта; несостоявшаяся прогулка, вопреки обыденным представлениям, рассматривается говорящим как положительным факт:

(9) Прогулка не состоялась *благодаря* плохой погоде.

По-видимому, именно такое направление воздействия – от предиката к аргументу – является нормой: приращение смысла – это нормальное явление, а зачеркиваются (в рамках буквального, неметафорического осмысления) только неустойчивые компоненты смысла, такие как отрицательная оценка у *подозревать*.

II. Если для стыков типа I стандартные правила соединения смыслов очевидны, то для стыков типа II общепринятой формулировки правил композиции нет.

Относительно характера семантических связей между глаголом и адвербиальным атрибутом (обстоятельством, сирконстантом) существует две концепции. В [Богуславский 1996: 101–111] глагол в целом трактуется как аргумент адвербиала:

бежит быстро = 'бежит & скорость <этого> бега большая'.

Более глубокое проникновение в семантику этого сочетания дает подход, изложенный в [McConnel–Ginet 1982: 167]; ср. также [Филипенко 1998]: адвербиал добавляет переменную в толкование (т.е. участника в ситуацию) и характеризует или идентифицирует – связывает её, см. пример (4) в разделе 1. В принципе, оба представления

законны, но выявление переменной – например, по скорости – дает более глубокое проникновение в семантику сочетания, поскольку позволяет понять, как наличие данного параметра вытекает из семантики глагола.

Как уже говорилось, актанты (аргументы) отличаются от адъюнктов (сирконстантов) тем, что в случае актанта толкование глагола в словаре предусматривает соответствующую переменную, и семантическое соединение глагола с соответствующей группой – это связывание переменных. В случае адъюнкта-параметра переменной в толковании нет; адъюнкт одновременно добавляет переменную в семантическое представление предложения (т.е. участника в ситуацию) и связывает ее. Присоединение к глаголу адъюнкта имеет коммуникативным следствием выявление участника, который входит в смысл слова как следствие из толкования, хотя и не входит в само толкование. Так, в примере (4) из раздела 1 *бежит* $\supset$ ДВИЖЕТСЯ, а всякое движение имеет скорость.

Такой же коммуникативный сдвиг сопровождается выходом на поверхность инкорпорированного участника – его "экскорпорирование". Инкорпорированному участнику не соответствует переменной в толковании, поскольку его концепт фиксирован с точностью до лексемы, а референция предопределена субъектом. При наличии атрибута или кванторного слова участник покидает свою позицию За кадром и входит в Перспективу:

- (1) *видел своими глазами; видел одним глазом;*
- (2) *Я своими полуслепыми глазами и то вижу, что рубашка неглаженная (ср. *я вижу глазами);*
- (3) *Поднял мой рюкзак одной рукой (ср. *поднял рукой; *поднял руками).*

Отметим, что для трансформации экскорпорирования есть обратная: то, что называется трансформацией Unspecified object deletion (Эллипсис неохарактеризованного объекта), см., например, [Levin 1993: 27], есть не что иное, как инкорпорирование участника. Обязательный участник не может иметь в предложении соответствующего ему синтаксического актанта, если он оказывается в тех же условиях, что *глаза* в *видеть*; а именно, если его концепт ничего не добавляет к категориальной предпосылке предиката:

- (4) *Он женат на женщине $\Rightarrow$ Он женат;
*Он поел еды $\Rightarrow$ Он поел.

Кроме сирконстантов-параметров, есть, как уже говорилось, сирконстанты-атрибуты. Наречие *босиком* не добавляет переменной в толкование, а служит атрибутом к инкорпорированному актанту *ноги* в толковании *ходить*; наречие *тонко* в *Порезь колбасу тонко* – атрибутом к инкорпорированному актанту "Части" глагола *порезать*.

Перейдем теперь к нестандартным правилам композиции при стыке типа II. Ниже следует несколько примеров, когда соединение глагола с адъюнктом меняет толкование глагола, а именно, зачеркивает один из семантических компонентов в его семантике.

В примере (5), из [Зализняк 1987], показатель Кратности отменяет значение единичности, которое по умолчанию имеет совершенный вид в контексте реально прошедшего события:

- (5) а. Он *поцеловал* ее на прощанье = 'один раз';
б. Он *поцеловал* ее *трижды*.

При эксплицитно выраженном значении параметра Кратность зачеркивается значение, которое этот параметр получил бы по умолчанию. Если при глаголах *бежал*, *шел* нет адъюнкта, выражающего скорость, то у слушающего не возникает никаких предположений о значении этого параметра; между тем глагол в (5) понимается таким образом, что без адъюнкта, выражающего кратность, у него по умолчанию (by default) возникает значение единичности.

Дефолтное значение параметра Кратность – это неустойчивый компонент в семантике сов. вида (в противоречащем контексте неустойчивый компонент подавляется – в отличие от полноценного компонента, который в этом случае порождает аномалию [Зализняк 1987]).

Другой пример. Слова *бессознательно, импульсивно, случайно, нечаянно* зачеркивают компонент ‘потому что хочет’, который, согласно [Wierzbicka 1980: 181], входит в семантическое разложение глагола действия:

(6) *бессознательно* повернул рукоятку.

А нарочно, намеренно, сознательно (помимо всего прочего) меняют таксономическую категорию глагола, переводя происшествие в целенаправленное действие:

(7) *Я нарочно* забыл свою шагу и воротился за ней (Пушкин)

В (8) *неправильно* зачеркивает имплицитное ‘правильно’, входящее в семантику *решить*:

(8) Ты *неправильно* решил задачу.

В (9) *на время* вводит в семантику глагола *отдать* переменную “Срок”, зачеркивая имплицитное ‘насовсем’:

(9) Он отдал мне свой велосипед *на время*.

Различие между актантом как участником, обязательно входящим в ситуацию, и сирконстантом, который вводит участника только личным присутствием в предложении, мы продемонстрируем на примере обстоятельств Степени – *слегка, совсем, наполовину* и под.

Казалось бы, можно допустить, что обстоятельство Степени зачеркивает имплицитно приписанное значение переменной Степень (полная, т.е. максимальная), которое предполагается семантикой всех измеряемых свойств и состояний – адвербиал отменяет то значение, которое эта переменная получает по умолчанию:

(10) *наполнил* = ‘наполнил до краев’; ср. *наполнил на две трети*;
дописал = ‘дописал до конца’; ср. *дописал до половины*;
затупился = ‘стал [совсем] тупым’; ср. *слегка затупился*;
успокоился = ‘стал [совсем] спокойным’; ср. *чуть-чуть успокоился*.

Однако при этом возникает трудность со словом *совсем* (в частности, в контексте глаголов, образованных от градуируемых прилагательных, типа *оглох, затупился*). В [Апресян 1974: 82] предлагается следующее толкование для *совсем* (например, в контексте *Отец оглох*):

(11) *Отец совсем оглох* = ‘стал глухой, и Говорящий считает, что не может быть более глухим’.

Это толкование требует, чтобы *оглох/глухой* понималось как ‘оглох/глухой в некоторой степени’. В самом деле, если понимать *оглох/глухой* иначе (т.е. как ‘оглох/глухой в максимальной степени’, что гораздо больше соответствует интуиции), то толкование, предлагаемое для (11), оказывается тавтологичным (вторая часть дублирует первую), а смысл предложения (12) – противоречивым:

(12) *Отец не совсем оглох* = ‘стал глухой, и Говорящий считает, что может быть более глухим’.

Рассмотрим другую возможность: *оглох* = ‘оглох в максимальной степени’. В отличие от других показателей Степени, *совсем* не отменяет дефолтного значения, а тавтологически повторяет его – эксплицирует. Так что должно быть:

(13) а. Отец оглох = б. Отец *совсем* оглох = ‘Отец оглох в максимальной степени’.

Между тем (13а) и (13б) существенно различны в своем поведении под отрицанием:

(14) а. НЕ (Отец оглох) = *Отец не оглох* = 'слышит нормально' (ср. *Ну что ты кричишь? Я не оглох*);

б. НЕ (Отец совсем оглох) = *Отец не совсем оглох* = 'слышит, но недостаточно хорошо'.

Остается, однако, третья возможность: исключить Степень из толкования глагола, т.е. признать показатель Степени адьюнктом – а не аргументом, как предполагалось вначале. В соответствии с общим определением, адьюнкт одновременно вводит в ситуацию участника Степень и приписывает ему значение. Тогда *оглох* в (13а) понимается как абсолютное свойство, не имеющее степеней (т.е. Степень не является участником ситуации "оглох", так же как скорость – в ситуации "бежит"), а в (13б) – как градуируемое. Степень, будучи параметром, не вносит изменений в значение слова: градуируемость глухоты является ее ингерентным свойством, но вне контекста показателя Степени никак себя не проявляет.

III. Наконец, обратимся к пропозициональным операторам типа НЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЗНАЮ, РАД. Они имеют максимально широкую сочетаемость, так что здесь композиция смыслов не осложнена необходимостью семантического согласования, как в случаях I, II. Но зато возникает проблема сферы действия. Мы рассмотрим только один пропозициональный оператор – отрицание (*не*).

Существенным продвижением в проблеме взаимодействия семантики глагола с отрицанием было понятие пресуппозиции и противопоставление пресуппозиция – ассерция, которое позволило сформулировать одно из наиболее общих правил композиции смыслов: отрицание воздействует на ассертивный компонент в семантическом разложении глагола, а пресуппозиция не отрицается, см. пример (6) из раздела 1.

Понятие пресуппозиции хорошо работает, например, на толкованиях фазовых глаголов. Так, *Х перестал Р* означает (приблизительно):

- (1) '1) до некоторого момента Х делал Р (пресуппозиция);
- 2) после этого момента Х не делает Р' (ассерция).

Таким образом,

- (2) *Иван перестал ходить на лыжах* =
- '1) до некоторого момента Иван ходил на лыжах (пресуппозиция);
- 2) после этого момента Иван не ходит на лыжах (ассерция)'.

В отрицательном предложении ассерция отрицается, а пресуппозиция остается неизменной:

- (3) *Иван не перестал ходить на лыжах* =
- '1) до некоторого момента Иван ходил на лыжах (пресуппозиция);
- 2) и после этого момента Иван ходит на лыжах' (ассерция)⁸.

Однако противопоставление пресуппозиция–ассерция не решает всех проблем взаимодействия семантики глагола с отрицанием. В [Богуславский 1985: 35] рассматривается следующий пример. В толковании глагола *касаться* два компонента:

Х касается Y-a = '1) X находится в контакте с Y; 2) контакт слабый'.

Отсюда получаем, например:

- (4) *Елка касается потолка* = '1) елка находится в контакте с потолком; 2) контакт слабый'.

⁸ В толковании не отражено ожидание обратного, которое чувствуется в (3); но такое ожидание есть почти во всяком отрицательном предложении [Russell 1940: 77]. Ср. об этом также [Падучева 1974: 151; Зализняк, Падучева 1987].

В (4'), которое является отрицанием (4), сферой действия отрицания оказывается компонент 1), а компонент 2) просто пропадает:

(4') *Елка не касается потолка* = 'Елка не находится в контакте с потолком'.

Это значит, что компонент 2) не является в семантике предложения (4) презумпцией (поскольку он, как мы видим, не сохраняется при отрицании) – это дало бы для (1') абсурдный смысл '1) X не находится в контакте с Y; 2) контакт слабый'. Но он не является и ассерцией: если бы это было так, то, поскольку компонент 1) очевидно ассертивный, в (4) возникла бы конъюнкция ассерций, отрицание которой должно дать смысл 'то ли 1) X не находится в контакте с Y, то ли 2) контакт не слабый' – хоть и не абсурдный, но заведомо не совпадающий со смыслом предложений (4'), которое мы согласились считать отрицанием (4).

Другой пример из [Богуславский 1985]. Смысл глагола *прилететь* можно представить (огрубленно) как состоящий из двух компонентов:

X *прилетел* в Y = '1) X прибыл в Y; 2) передвигался по воздуху (т.е. в самолете)'.

Однако предложение (5') (произнесенное с нормальной интонацией), которое служит отрицанием (5), означает, скорее 'не прибыл', чем 'то ли не прибыл, то ли прибыл не на самолете', как должно было бы быть при отрицании двух – очевидно, конъюнктивных связанных – компонентов в толковании *прилететь*:

(5) Иванов прилетел (в Москву).

(5') Иванов не прилетел (в Москву).

В чем же здесь дело?

Компонент 2) в толковании глаголов *касаться* и *прилететь* претендует на самостоятельный коммуникативный статус, ср. об этом [Богуславский 1985; Падучева 1996; Зельдович 1998]. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В толкованиях глаголов *касаться* и *прилетать* компоненты 1) и 2) связаны таким образом, что компонент 2) указывает с в о й с т в о ситуации, описываемой компонентом 1), так что компоненты 1) и 2) связаны атрибутивной связью. Можно думать, что именно эта атрибутивная связь объясняет особое поведение этих глаголов в контексте отрицания.

Начнем с отрицания в таких предложениях, где атрибутивной связью связаны отдельные слова (так что атрибутивное отношение связывает толкования целых слов), а потом перейдем к примерам типа (4), (5), где атрибутивным отношением связаны компоненты толкования одного лишь предикатного слова.

В [Падучева 1969] был рассмотрен следующий пример:

(6) а. Они смеялись *громко*;

б. Они *громко* смеялись.

В обоих случаях между словами *громко* и *смеялись*, равно как и между соответствующими компонентами семантической структуры, имеется атрибутивная связь. В предложении (а) *громко* – рема, и только реме соответствует в семантической структуре ассерция: *смеялись* – в пресуппозиции. Отрицание такой структуры не представляет затруднений: ассерция отрицается, пресуппозиция остается без изменений. Иное дело (б), где главная рема – *смеялись*, но и *громко* рематично – образует побочную рему. Семантическая структура (б) содержит поэтому два ассертивных компонента, т.е. конъюнкцию ассерций, а отрицание конъюнкции дает неопределенный смысл – перечень отрицательных возможностей:

(7) НЕ (Они громко смеялись) = 'то ли не смеялись, то ли смеялись, но не громко'.

Из двух коммуникативных позиций, которые может занимать приглагольный атрибут, такой как *громко*, позиция (б), препозитивная по отношению к глаголу, является

исходной. Коммуникативную позицию *громко* в (б) можно назвать позицией а т р и б у т а р е м ы (т.е. атрибута в обычной для него коммуникативной позиции – атрибутивной).

З а м е ч а н и е. Структура (а) с постпозитивным атрибутом, который оказывается е д и н с т в е н н о й ремой, получается за счет того, что в предложении возникает вторичная предикация: атрибутивный компонент попадает в несобственную для него коммуникативную позицию единственной ремы и выступает как предикат; в семантической структуре он дает единственную ассерцию.

То, что атрибут ремы входит в ассерцию, доказывается его взаимодействием с оператором начинательности. Пример (ср. о начинательности в [Богуславский 1998]):

(8) а. После этого они начали смеяться *громко*;

б. После этого они нанали *громко* смеяться.

(8а) означает, что до "этого" они смеялись, но не громко: сферой действия начинательности является единственная ассерция – *громко*; а (8б) означает, что "после этого" начался их смех, и он с самого начала был громкий, т.е. начинательность в (8б) воздействует на оба компонента – и на смех и на громкость.

Коммуникативное различие между (ба) и (бб) выражается порядком слов. Если у наречия место в предложении фиксировано, это различие не выражается формально, но на содержательном уровне существует все равно; так, (9) неоднозначно – то ли до этого момента не говорил, то ли говорил не по-французски:

(9) после этого он начал говорить по-французски (пример из [Богуславский 1998]).

Итак, наречие в коммуникативной позиции атрибута ремы дает в семантической структуре вторую ассерцию; возникает конъюнкция ассерций (одна от глагола, вторая – от наречия). Согласно известному логическому правилу, отрицание конъюнкции Р и R имеет смысл

(I) $\neg (P \ \& \ R) = \neg P \vee \neg R \vee (\neg P \ \& \ \neg R)$.

Смысл, соответствующий формуле (I), не может быть выражен иначе как перечислением возможностей, т.е. набором из трех дизъюнкций. В нашем случае число дизъюнкций уменьшается – за счет того, что второй конъюнктивный член, R, имеет вид Q(P), где Q – атрибут, характеристика, параметр P (например, в (II) *смеялись* – P; *громко* – Q). Подстановка Q(P) на место R дает

(II) $\neg (P \ \& \ Q(P)) = \neg P \vee \neg Q(P) \vee (\neg P \ \& \ \neg Q(P))$,

а третий член дизъюнкции в нашем случае исключен: если P отрицается, то Q(P) лишается смысла, потому что Q модифицирует (уточняет характеристики) P – в предположении, что P имеет место. Это сокращает неопределенность – если третий дизъюнктивный член выпадает, остается:

(II') $\neg (P \ \& \ Q(P)) = \neg P \vee \neg Q(P)$.

Для ясности перепишем (II') как (II''):

(II'') $\neg (P \ \& \ Q(P)) = \neg P \vee (P \ \& \ \neg Q(P))$.

Вернемся теперь к (бб). Согласно формуле (II''),

(10) НЕ (Они громко смеялись) = 'то ли не смеялись, то ли смеялись, но не громко'.

Выразить этот неопределенный отрицательный смысл можно либо через импликацию, как в (11), либо с помощью сложной линейно-интонационной конструкции, как в (12):

(11) Если они и *смеялись*, то не *громко*;

(12) *Громко/* они не *смеялись* \.

Имеются, однако, контексты, которые снимают неопределенность отрицательного смысла (Π''), так что отрицание глагола с адverbially-атрибутом становится можно выразить отрицательной частицей при глаголе. Мы рассмотрим два таких контекста.

1. Отрицание конъюнкции $P \ \& \ Q(P)$ имеет легко выразимый смысл в том случае, если второй дизъюнктивный член формулы (Π''), т.е. $P \ \& \ \neg Q(P)$, исключен контекстом, поскольку о ж и д а л о с ь, что если P будет иметь место, то именно с атрибутом Q (иными словами, ожидалось, что $P \rightarrow Q(P)$). Тогда смысл отрицательного предложения сводится к $\neg P$, а место $P \ \& \ \neg Q(P)$ занимает импликация $P \rightarrow Q(P)$ в модусе <несбывшегося> ожидания, см. об этом [Богуславский 1985: 31 и 160]. В семантическом представлении отрицательного предложения эта импликация играет роль своего рода комментария к отрицаемому компоненту $\neg P$. Так, фраза (13) нормальна в ситуации, когда заранее предполагался приезд Петрова в Москву именно для участия в конкурсе, пример из [Падучева 1996: 244]:

(13) *Петров не приехал в Москву для участия в конкурсе* = '1) Петров не приехал в Москву; 2) предполагалось, что если Петров приедет в Москву, то для участия в конкурсе'.

В "исходном" для (13) утвердительном предложении (13') *Петров приехал в Москву для участия в конкурсе* две ассерции (в самом деле, и то и другое может быть неверным): 1) Петров приехал в Москву; 2) цель приезда Петрова в Москву – участие в конкурсе. Компонент 2) – атрибут к компоненту 1).

Модальность ожидания позволяет построить для предложения с формулой (Π'') удовлетворительное отрицание: атрибутивный компонент выпадает из сферы действия отрицания и входит в сферу действия оператора ожидания с положительным знаком. Можно сказать иначе: модальность ожидания наличия у события определенного атрибута "склеивает" отдельные семантические единицы (каждая со своей возможной истинностью – ложностью) в одну, которая уже легко поддается отрицанию. В (13) удовлетворительное отрицание получается за счет того, что все сочетание *приехал в Москву для участия в конкурсе* склеивается в единый предикат.

2. Другой контекст, когда предложение с адverbially в позиции атрибута ремы имеет хорошее отрицание, представлен примером (14) (примеры этого рода – с несколько иной интерпретацией – рассматриваются в [Зельдович 1998]).

(14) НЕ (Он *кое-как* справился с заданием) = Он не справился заданием;

Атрибутивный компонент – выраженный в (14) словом *кое-как* – утверждает малую, хотя и ненулевую, степень проявления признака, выражаемого "главным" компонентом P . Здесь атрибутивный компонент ведет себя иначе, чем в (4): никакого ожидания того, что если P наступит, то будет иметь признак Q (т.е. что если он справится, то *кое-как*), нет. Смысл отрицательного предложения сводится к отрицанию главного компонента: атрибутивный компонент пропадает вовсе.

В работе [Зельдович 1998] приводится целая серия адverbially, характеризующихся этим специальным поведением в контексте отрицания: *изредка, немного, слегка, с грехом пополам, отчасти* (в терминологии автора, это слова, которые выражают "слабый смысл" – так охарактеризован коммуникативный статус компонентов семантических компонентов предложения, которые соответствуют этим словам). На наш взгляд, отличительные свойства этой группы слов следующие. Это слова с дефектной коммуникативной парадигмой: для них первичная коммуникативная позиция в предложении – это позиция атрибута ремы. Кроме коммуникативной общности, у этих слов имеется еще и семантическая – они выражают семантику слабой степени. В этом смысле они близки к показателям слабой определенности [Падучева 1985: 90, 212], см. примеры (15)–(17), и уступительности, см. (18).

(15) НЕ (Он имел *определенные* заслуги перед обществом) = Он не имел заслуг;

(16) НЕ (Я испытывал *некоторое* недовольство происходящим) = 'не испытывал недовольства';

(17) НЕ (Я *немного* отдохнула) = Я не отдохнула.

Для *хоть немного* исчезновение в отрицательном контексте семантически мотивировано:

(18) НЕ (У нас осталось *хоть немного* времени) = У нас не осталось (даже немного) времени.

Отрицание атрибутивного компонента с семантикой слабой степени не порождает в семантическом представлении отрицательного предложения компонента с модальностью ожидания:

– Иван говорит, что слегка простужен.

– Едва ли это так [= 'едва ли он простужен?'; нет ожидания того, что если он простужен, то слегка].

Теперь вернемся к примерам (4), (5). Замечательный факт состоит в том, что соотношения между словами в предложении и смысловыми компонентами в составе слова одинаковы: компоненты толкования глагола могут быть связаны между собой так же, как атрибут ремы с ремой в (6б). Наличие атрибутивного отношения между компонентами толкования дает тот же эффект, что наличие атрибутивной связи между глаголом и его подчиненным. А именно, имеется два типа контекстов, в которых атрибутивный компонент занимает в составе толкования предикатного слова коммуникативную позицию атрибута ремы и не препятствует наличию у предложения хорошего отрицания.

1. Для предложения (19) со словом *прилететь* отрицание возможно, поскольку мы допускаем контекст, который оправдывает ожидание того, что данная ситуация, если бы она имела место, имела бы именно данный атрибут. Поэтому

(19) *Иванов не прилетел* = '1) не прибыл; 2) ожидалось, что если прибудет, то самолетом'.

2. В толковании слова *касаться* атрибутивный компонент имеет семантику слабой степени. Отсюда эффект, демонстрируемый примером (4), когда под отрицанием атрибутивный компонент выпадает из семантического представления бесследно.

Глаголы *касаться*, с одной стороны, и *прилететь* – с другой, имеют в толковании атрибутивный компонент; однако у *касаться* этот компонент имеет семантику слабой степени, и при отрицании просто выпадает, см. (1); а у *прилететь* атрибутивный компонент с обычной семантикой; отрицание главного компонента требует в этом случае контекста ожидания.

В толковании не выражаются коммуникативные различия, которые в предложении выражены порядком слов, как в (6а) и (6б). Так что коммуникативная позиция атрибутивного компонента в толковании не однозначна. Так, в (20) отрицание строится по формуле (II'') – сохраняется дизъюнкция возможностей; очевидно, от балки ожидается не импликация – если контакт, то с давлением, – а просто контакт и давление сразу:

(20) *Балка не упирается в стену* = 'то ли 1) нет (даже малейшего) контакта; то ли 2) в месте контакта X не оказывает давления на стену'.

Возможно смещение акцента на атрибутивный компонент, которое достигается переносом фразового ударения на глагол. Так, в (21) ассертивным оказывается как раз атрибутивный компонент – в том смысле, что он отрицается при отрицании предложения:

(21) *Ты не оперся об мою руку* = 'не перенес тяжесть тела' [контакт, скорее всего, есть];

Х оперся на Y = 1) привел X в контакт с Y-ом; 2) перенес тяжесть тела на X.

Однако атрибутивный компонент толкования, скорее всего, все-таки не может стать главной ассерцией предложения. Интонация может слегка сдвинуть коммуникативный ранг атрибутивного компонента, но не до ассертивного статуса; пример из [Зельдович 1998]:

- (22) а. Вода поступает *по капле*, так что ведро наполнится не скоро;
б. ?Вода *капает*, так что ведро наполнится не скоро.

Атрибутивный компонент в толковании слова может быть препятствием для отрицания. Например, глаголов, которым противопоставлено отрицание, много среди бытийных. Так, предложения из (23) не имеют хорошего отрицания, поскольку их семантически центральный компонент имеет атрибут; контекст ожидания импликации $P \rightarrow Q(P)$ делает отрицание возможным; в (24) ожидание создается наличием этой ситуации на предшествующем временном интервале (примеры из [Падучева 1997]):

- (23) *Выстрел не грянул; *Спор не разгорелся.
(24) Буря уже не бушевала.

Итак, добавляя атрибутивный компонент в число коммуникативных статусов, следует иметь в виду, что природа ограничений, связанных с противопоставлением ассерция – атрибутивный компонент, иная, чем у противопоставления ассерция – пресуппозиция: все ограничения – равно как и их отмена – определяются атрибутивной связью между компонентами, коммуникативной структурой (а именно, отсутствием рематического акцента на атрибуте) и семантикой слабой степени.

Понятие атрибутивного компонента, как представляется, продвигает вперед проблематику взаимодействия глагола с отрицанием, но отнюдь не исчерпывает ее. Например, остаются неизученными эффекты, связанные с присутствием в семантике глагола фигуры Наблюдателя; именно Наблюдатель несет ответственность за отсутствие хорошего отрицания у предложения *Перед ним расстилась бескрайняя равнина*:

- X расстиается перед Y-ом = 1* 'X находится перед взором Наблюдателя';
2) 'Наблюдатель представляет X как широкую и длинную скатерть'.

4. АКЦЕНТНЫЕ СДВИГИ И РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ТОЛКОВАНИЯ

В [Адресян 1974] исследовалось два типа правил взаимодействия смыслов – зачеркивание и добавление компонента. Между тем, следует предусмотреть еще одну возможность: под влиянием контекста компоненты толкования могут перемещаться с переднего плана на задний и обратно, т.е. менять актуализацию. Толкование реструктурируется.

Так, присоединение к слову адъюнкта актуализует в его семантике тот компонент, который составляет его сферу действия, переводя другие на задний план, где они уже недоступны для новых адъюнктов, см. пример (1) (из [Падучева 1996: 172]):

- (1) а. Окно было открыто пятнадцать минут;
б. Окно было открыто час назад;
в. *Окно было открыто час назад пятнадцать минут.

Аномальность фразы (1в) имеет следующее объяснение. В семантику глагола СВ *открыть* входят два компонента: 1) произошло событие: изменилось состояние окна; 2) имеет/имело место результирующее состояние, в данном случае – открытое окно. Обстоятельство времени *час назад* актуализует в семантике глагола событийный компонент, а обстоятельство длительности *пятнадцать минут* требует акцента на состоянии. Пример (1в) показывает, что эти две актуализации исключают одна другую.

Аномалии в примере (2) имеют аналогичный источник – в семантике отглагольного имени прилагательное актуализует результат, а глагол или предлог требуют акцента на процессе (или наоборот):

(2) *Удачная *переработка* рукописи длилась много лет;

*После постепенного завершения строительных работ началось заселение дома.

В примерах (3), (4) наречие, в силу своей семантики, характеризует конечное состояние процесса, не сам процесс; поэтому оно сочетается с глаголом в совершенном виде, см. (3а), (4а), и исключено при глаголе несов. вида (в актуально-длительном значении), который актуализует в семантике глагола процессный компонент, см. (3б), (4б):

(3) а. надежно запер;

б. надежно запирает;

(4) а. до конца растаял;

б. до конца тает.

Глаголы *запирать*, *таять* предельные, и в их семантике есть компонент "результатирующее состояние"; но он не актуализован, и потому не может иметь при себе атрибут.

Эти примеры показывают, что при синтаксическом соединении слов друг с другом, равно как и при соединении слов с граммемами, одни семантические компоненты актуализуются, а другие отходят на задний план, где они недоступны для других операторов. При этом речь не идет о зачеркивании соответствующего компонента, которое имеет место, если один компонент прямо противоречит другому: компонент не исчезает, а лишь меняет коммуникативный ранг, см. [Падучева 1999].

Явление контекстного сдвига коммуникативного статуса компонента в толковании может быть продемонстрировано на примере слова *вина*. Слово *вина* производно от *виноват*, в семантике которого можно выделить четыре компонента:

X совершил поступок Р (ассерция);

Р плохой или привел к плохим последствиям (атрибут);

X несет моральную ответственность за Р (импликация);

X находится в плохом психическом состоянии (импликация).

Все те же компоненты имеются в семантике слова *вина*, толкование которого реструктурируется; так, в (5) актуализованы компоненты 'X совершил поступок' и 'поступок плохой'; в (6) – компонент "ответственность", а в (7) – "психическое состояние".

(5) *Вина* Джулии состояла в том, что она оставила ребенка без присмотра;

(6) Ваня свалил *вину* за разбитое окно на соседа;

(7) Непроходящее чувство *вины* перед обреченным не покидало меня.

Это значит, что для получения правильной семантической интерпретации предложения необходим особый тип правил модификации толкования под влиянием контекста, а именно, правила, меняющие актуализацию компонентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы привели примеры правил композиции смыслов (в том числе – примеры смысловых сдвигов, происходящих "на стыках" слов), которые имеют общий характер, т.е. применимы к достаточно крупным классам слов. Совокупность этих правил составляет важную часть семантической компетенции носителя языка. Если окажется возможным представить все изменения "на стыках слов" в виде общих правил, это и будет обоснованием принципа композиционности в его широком смысле.

В дополнение к известным правилам композиции – таким как добавление и зачеркивание компонента в толковании слова, мы предлагаем новый тип правил – реструктуризация толкования. Это правила, которые актуализуют, в определенном контексте, тот или иной компонент в составе толкования слова, делая возможным одни сочетания и исключая другие. Актуализация компонентов связана с их коммуникативными рангами, с одной стороны, и с аргументно-предикатными отношениями между компонентами толкования – с другой.

Важным методом анализа является обнаружение аналогий в отношениях между компонентами в составе толкования и синтаксически выделяемыми частями в составе предложения. Помимо известной связи между ассертивным статусом компонента и рематической позицией слова, следует принять во внимание корреляцию между атрибутивным статусом компонента в толковании и позицией атрибута ремы в предложении*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д.* 1974 – Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
Богуславский И.М. 1985 – Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
Богуславский И.М. 1996 – Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
Богуславский И.М. 1998 – Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36.
Борщев В.Б., Парти Б. 1999 – Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации // Типология и теория языка: от описания к объяснению. М., 1999.
Гладкий А.В. 1973 – Формальные грамматики и языки. М., 1973.
Зализняк Анна А. 1983 – Семантика глагола *бояться* в русском языке // ИАН СЛЯ. 1983. № 1.
Зализняк Анна А. 1987 – О типах взаимодействия семантических признаков // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
Зализняк Анна А., Падучева Е.В. 1987 – О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987.
Зельдович Г.М. 1998 – О типах семантической информации: слабые смыслы // ИАН СЛЯ. 1998. № 2.
Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. 1996 – К семантике русских причинных предлогов // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996.
Кустова Г.И., Падучева Е.В. 1994 – Словарь как лексическая база данных // ВЯ. 1994. № 4.
Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст". М., 1974.
Мельчук И.А., Холодович А.А. 1970 – К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4.
Мельчук И.А., Жолковский А.К. 1984 – Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
Падучева Е.В. 1969 – Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1969. Вып. 12.
Падучева Е.В. 1974 – О семантике синтаксиса. М., 1974.
Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
Падучева Е.В. 1996 – Семантические исследования. М., 1996.
Падучева Е.В. 1997 – Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. № 2.
Падучева Е.В. 1998а – К семантике пропозициональных предикатов: знание, фактивность и косвенный вопрос // ИАН СЛЯ. 1998. № 2.
Падучева Е.В. 1998б – Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36.
Падучева Е.В. 1998в – Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // ВЯ. 1998. № 5.
Падучева Е.В. 1999 – Семантика вины и контекстные сдвиги акцентов в толковании лексемы // Научно-техническая информация. Сер. 2. № 8. 1999.
Рахилина Е.В. 1990 – Синтаксис или семантика. Мюнхен, 1990.
Филипенко М.В. 1998 – Адвербиалы с плавающей и фиксированной сферой действия // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
Шмелев А. 1996 – Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.
Vach E. 1989 – Informal lectures on formal semantics. New York, 1989.
Goldberg A.E. 1995 – A construction grammar approach to argument structure. Chicago; London, 1995.

* Автор благодарен В.Б. Борщеву и Барбаре Парти за приобщение к грамматике Монтегю (в рамках которой принцип композиционности получил точную формулировку) и за плодотворное обсуждение механизмов взаимодействия лексики и синтаксиса, способствовавшее выработке той точки зрения, которая изложена в работе. Автор благодарит также И.М. Богуславского, А.Е. Кибрика, Е.В. Рахилину и М.В. Филипенко за важные соображения и поправки.

- Jackendoff R.* 1993 – Semantic structures. Cambridge, 1993.
- Lakoff G., Johnson M.* 1980 – Metaphors we live by. Chicago, 1980.
- Levin B.* 1993 – English verb classes and alternations. Chicago, 1993.
- McCConnell-Ginet S.* 1982 – Adverbs and logical form: a linguistically realistic theory // *Language*. V. 58. 1982.
- Partee D.* 1984 – Compositionality // *Varieties of formal semantics*. Dordrecht, 1984.
- Pustejovsky J.* 1995 – The generative lexicon. Cambridge (Mass.), 1995.
- Russell B.* 1940 – An inquiry into meaning and truth. London, 1940.
- Stalnaker R.C.* 1972 – Pragmatics // D. Davidson, R. Harman (Eds.). *Semantics of natural language*. Dordrecht, 1972.
- Weinreich U.* 1966 – Explorations in semantic theory // T. Sebeok (Td.) *Current trends in linguistics*. V. 3. The Hague: 1966 (Русск. пер.: У. Вейнрейх. О семантической структуре языка // *Новое в лингвистике*. Т. 5. М., 1970).
- Wierzbicka A.* 1969 – *Dociekania semantyczne*. Wrocław, 1969.
- Wierzbicka A.* 1980 – *Lingua mentalis*. Sydney, 1980.
- Wierzbicka A.* 1996 – *Semantics: primes and universals*. Oxford, 1996.

© 1999 г. В.Ю. АПРЕСЯН

УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ УСТУПКИ¹

В данной работе рассматриваются слова и конструкции с уступительным значением, такие как *несмотря на, хотя, все-таки, тем не менее, как бы то ни было, даже если, зато, хоть, по крайней мере, если уж не ... (то), пускай* и т.п. Многие из них издавна привлекали к себе внимание исследователей, а некоторые уступительные слова и конструкции описаны весьма детально; ср. [Шведова 1960; Шмелев 1960; Апресян 1974; Васильева 1972; Широкова 1982; Николаева 1985; Санников 1989; Иорданская 1992; Фужерон 1998]. Однако, насколько нам известно, описания этого класса в целом не существует, равно как и нет систематического семантического описания всех или хотя бы большинства входящих в него слов. В данной статье делается попытка выделения и семантического описания основных подклассов уступительных слов и выражений, рассматривается проблема их многозначности, а также предлагается индивидуальное описание одного синонимического ряда уступительных слов.

Уступительное значение не относится к числу таких базовых, основополагающих языковых значений как, например, 'причина', 'время', 'высокая (низкая) степень'. Оно семантически гораздо богаче и поэтому представлено в языке меньшим числом слов. Однако и этот семантический класс весьма велик и включает в себя не только самые различные слова и выражения (в первую очередь союзы, частицы и разнообразные фраземы, а также некоторые знаменательные части речи), но и некоторые синтаксические конструкции.

Сложность работы с уступительным значением заключается еще и в том, что "уступка", в отличие от 'причины', 'времени', 'степени', 'условия' и т.п., не входит в качестве семантического компонента в значения объединяемых ею слов. Это всего лишь м е т а с л о в о, удобное для того, чтобы выделить некоторую группу слов для рассмотрения, но не пригодное для их толкования. Есть ли у них реальный семантический инвариант, покажет дальнейшее исследование, в частности, толкования слов и выражений данной группы, которые мы имеем в виду предложить.

1. ОСНОВНЫЕ ПОДКЛАССЫ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ УСТУПКИ

Предлагаемый ниже список подклассов и составляющих их слов не является исчерпывающим и окончательным. Однако он намечает контуры всего множества таких слов и основные направления размежевания между различными подклассами. Перед

¹ Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 96-04-06437) и РФФИ (грант № 96-15-98605). Она написана на основе словарных статей синонимических рядов *по крайней мере, все-таки* / и *как-никак*, составленных автором для НОСС'а и обсужденных на заседании Сектора теоретической семантики ИРЯ РАН. Всем участникам обсуждения – Ю.Д. Апресяну, Е.Э. Бабаевой, О.Ю. Богуславской, И.В. Галактионовой, М.Я. Гловинской, С.А. Григорьевой, Т.В. Крыловой, А.В. Птенцовой, Е.В. Урысон – я бы хотела выразить благодарность за ценные замечания. Сама эта работа докладывалась на Семинаре по теоретической семантике в ИППИ РАН, и я приношу благодарность за полезные замечания всем участникам семинара.

тем как перейти к их рассмотрению, отметим то общее, что характеризует все уступительные слова. Этим общим является наличие модальной рамки в их значениях, обязательное присутствие фигуры говорящего. Все уступительные слова описывают не одну только действительность, но так или иначе передают отношение, мнение о ней говорящего. Эта особенность уступительных слов отмечалась в литературе. Ср., например, работу Л.Н. Иорданской [Иорданская 1992], в которой предлагается разделение союзов на нериторические (т.е. описывающие действительность) и риторические (т.е. описывающие отношение говорящего к ней), причем уступительные союзы, в частности, *хотя, несмотря на, тем не менее*, относятся к последним. Ср. также [Апресян 1974: 106], где уступительная частица *все-таки* толкуется с использованием фигуры говорящего следующим образом: *все-таки X = 'X, и говорящий считает, что в данной ситуации более вероятен не X'*.

Выделяются следующие основные подклассы уступительных выражений.

1. 1. 'Обманутое ожидание'

1.1.1. Состав подкласса

К этому подклассу относятся нижеследующие группы языковых единиц.

1. Синонимический ряд *несмотря на, хотя 1* и их книжный синоним *невзирая на*. Ср.:

- (1) *Несмотря на плохую погоду, мы пошли гулять.*
- (2) *Он добьется своего, невзирая ни на какие трудности.*
- (3) *Петя пришел, хотя мы его не приглашали.*

2. Синонимический ряд *все-таки 1, все же 1, все равно 3, тем не менее*. Ср.:

- (4) *У ребенка была высокая температура, но мы все-таки не стали звать врача.*
- (5) *Я понимаю, что у тебя много работы, но постарайся все же прийти пораньше.*
- (6) *Мои родители против театрального института, но я все равно решила туда поступать.*

(7) *Было много трудностей, но тем не менее работу сдали в срок.*

3. Синонимический ряд *как-никак, все-таки 2, все же 2*, а также их фразеологический аналог *худо-бедно*. Ср.:

- (8) – *Что это вы такой пир устраиваете? – Серебряная свадьба, как-никак.*
- (9) *Машина у меня стала часто ломаться – ей уже все-таки (все же) десять лет.*
- (10) – *Как дела? Худо-бедно, на жизнь зарабатываю.*

4. Синонимический ряд *в то же время 2, при этом, при всем том, вместе с тем*. Ср.:

- (11) *Это материал дешевый и в то же время надежный.*
- (12) *Он прекрасный ученый и при этом хороший руководитель.*
- (13) *Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, такого шершавого животного (А.П. Чехов. Три сестры).*

(14) *Она, конечно, хороший человек, но вместе с тем я не чувствую, что на нее можно положиться.*

5. Лексемы *хотя 2; вопреки; -таки*. Ср.:

- (15) *Я постараюсь помочь, хотя гарантировать ничего не могу.*
- (16) *Вопреки всем ожиданиям, он не пришел.*
- (17) *Он-таки приехал, а мы уже и не ждали.*

6. Фраземы *даром что; несмотря ни на что; как бы то ни было; как ни крути; как ни верти; что ни говори*. Ср.:

- (18) *Он еле ноги таскает, даром что молодой.*
- (19) *Я добьюсь своего, несмотря ни на что.*

- (20) Как бы то ни было, а помочь ему нужно.
 (21) Как ни верти, а надо, видно, отсюда уезжать.
 (22) Как ни крути, а ответ дать надо.
 (23) Что ни говори, а человек он неплохой.

7. Синтаксическая конструкция с союзами *как ни ...*, (а). Ср.:

- (24) Как он ни старался, а ничего у него не вышло.

1.1.2. Значение выражений подкласса

Для семи намеченных выше групп выражений, принадлежащих к этому подклассу, предлагается следующее общее толкование:

'Говорящий знает или считает, что имеет место ситуация Q; говорящий знает или считает, что обычно существование ситуаций типа Q препятствует существованию ситуаций типа P; говорящий знает или считает, что в данном случае имеет место ситуация P'.

Предложенное дизъюнктивное толкование отражает заложенную в значении единиц этого подкласса амбивалентность: во-первых, и ситуация P, и препятствующая ей ситуация Q могут быть как реальными фактами, так и мнениями, ощущениями, эмоциями (говорящего, адресата и других лиц); во-вторых, несовместимость P и Q может быть и реальной, онтологической, и концептуальной, навязываемой языком, "наивной психологией" или даже существующей только во мнении говорящего.

Применим это толкование к основным уступительным союзам *несмотря на* и *хотя* I, т.е. к первой из семи названных выше групп. Рассмотрим некоторые из возможных ситуаций.

а) И P, и Q являются фактами, и несовместимость между ними также принадлежит миру действительности. Ср. примеры:

- (25) *Несмотря на то, что весна была очень холодная* ⟨Q⟩, *посевы не замерзли* ⟨P⟩.
 (26) *Кянукук убавлял в весе* ⟨P⟩, *несмотря на чудовищный аппетит и неплохую еду: молока каждый день стаканов по десять, хлеб, мясо, борщи* ⟨Q⟩ (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора).
 (27) *Хотя лето было дождливое* ⟨Q⟩, *она загорела* ⟨P⟩.
 (28) *Петра Петровича была дрожь* ⟨P⟩, *хотя он наматал на себя уйму всякой одежды* ⟨Q⟩ (Ф. Абрамов. Потомок Джима).

б) Или P, или Q, или P и Q одновременно отражают не действительность, а ментальное и эмоциональное состояние говорящего, адресата или третьего лица. Ср. примеры:

- (29) *Что-то на редкость фальшивое и неуверенное чувствовалось буквально в каждой строчке этих статей* ⟨P – ощущение⟩, *несмотря на их грозный и уверенный тон* ⟨Q⟩ (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).
 (30) *Как это у вас уютно все так* ⟨P – впечатление⟩, *несмотря на такое ужасное время* ⟨Q – мнение⟩ (М. Булгаков. Белая гвардия).
 (31) *Я сказала, что хотя стихи хороши по рифме* ⟨Q – мнение⟩, *все же они узколичные и не отражают настроений нашего поколения* ⟨P – мнение⟩ (В. Аксенов. Апельсины из Марокко).

(32) *Раньше люди, хотя и знали, что Земля – шар, что она – – – вращается вокруг Солнца* ⟨Q⟩, *все же ощущали себя жителями необозримых пространств суши и воды, лесов и степей* ⟨P – ощущение⟩ (В. Аксенов. Апельсины из Марокко).

в) несовместимость P и Q отражает не реальное устройство мира, а некоторые представления из области "наивной психологии", какие-то общественные стереотипы или же личное мнение говорящего. Ср. примеры:

- (33) *Несмотря на свою безграничную власть, Варфоломей был широкого ума человек* (А. Битов. Преподаватель симметрии).

(34) *Несмотря на то, что Борменталь и Шариков спали в одной комнате при-емной, они не разговаривали друг с другом, так что Борменталь соскучился первый* (М. Булгаков. Собачье сердце).

(35) *Калина Иванович тоже подпевал, хотя его старого, надтреснутого голоса почти не было слышно* (Ф. Абрамов. Братья и сестры).

(36) *Знание последних событий, а главным образом феноменальное чутье Арчи-бальда Арчибальдовича подсказывали шефу грибоедовского ресторана, что обед его двух посетителей будет хотя и обилен и роскошен, но крайне непродолжителен* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Предложенное выше толкование "обманутого ожидания", конечно же, не исчерпы-вает значений всех лексем этого подкласса – оно отражает лишь их о б щ у ю часть. Однако представляется, что для лексем *несмотря на* и *хотя 1*, составляющих первую из выделенных выше семи групп, оно является достаточно полным. Из всех уступи-тельных слов *несмотря на* и *хотя 1* имеют самое общее, т.е. наиболее бедное значе-ние. Это значение входит, в том или ином виде, в значения шести остальных групп лексем подкласса "обманутое ожидание", причем в каждой из них оно так или иначе осложнено.

Наименее существенно – в первую очередь синтаксически и коммуникативно – общее значение обманутого ожидания модифицируется во второй группе слов, пред-ставленной синонимическим рядом *все-таки 1*, *все же 1*, *все равно 3* и *тем не менее*. Лексемы этого ряда² являются конверсивами к *несмотря на* и *хотя 1*³; таким образом, их значение складывается из значения последних путем некоторых перестановок. Ср. синонимичные перифразы:

(37) *Несмотря на плохую погоду* (<*Хотя была плохая погода*> [Q], *мы пошли гулять* [P] ≈ *Была плохая погода* [Q], *но мы все-таки* (<*все же, все равно, тем не менее*>) *пошли гулять* [P].

Как видно из (37), у лексем *несмотря на* и *хотя 1* в фокусе внимания находится неблагоприятная ситуация Q, а у синонимов ряда *все-таки 1* – одерживающая над ней верх ситуация P, причем ситуация Q при некоторых из них может вовсе не упо-минаться; ср.:

(38) *Я все-таки постараюсь приехать* [P].

Лексемы *несмотря на* и особенно *хотя 1* часто употребляются в одном предложении с частицами ряда *все-таки 1*, первые – в подчиненном предложении, последние – в главном. Ср.:

(39) *Он хотя и умный человек* [Q], *но все равно мне не нравится* [P].

(40) *Хотя он чувствовал обиду* [Q], *он в то же время был благодарен коллегам за откровенность* [P].

(41) *И все-таки лес еще жил* [P] --- *хотя и такой могучей природе, как сибирская, самоисцеление дается все труднее и труднее* [Q] (В. Астафьев. Падение листа).

(42) *Раньше он, хотя и бывал занят* [Q], *все же иногда мне помогал* [P], *а сейчас совсем нет*.

(43) *И тем не менее, несмотря на столь частое отсутствие в доме отца* [Q], --- *домочадцы постоянно ссылались друг перед другом на его авторитет* [P] (Н. Ко-жевникова. Внутренний двор).

Лексемы третьей из перечисленных выше семи групп *как-никак*, *все-таки 2*, *все же 2*⁴ отличаются от всех остальных лексем подкласса "обманутое ожидание" количест-вом семантических валентностей и фокусом внимания говорящего. Лексемы *несмотря*

² Подробный анализ этих лексем см. в словарной статье автора *все-таки 1* в НОСС'е.

³ *Несмотря на* и *хотя 1* также связаны отношениями конверсности с союзами *а*, однако, *все-таки* и *но*, что отмечается, в частности, в [Падучева, Крейдлин 1974: 35; Апресян 1974: 257, 264].

⁴ Подробный анализ этих лексем см. в словарной статье автора *как-никак* в НОСС'е.

на, хотя 1, все-таки 1 и т.п. имеют по две валентности – ситуации Р и неблагоприятной для нее ситуации Q, причем в фокусе внимания может находиться либо ситуация Р (как у ряда *все-таки 1*), либо ситуация Q (как у ряда *несмотря на*). Лексемы *как-никак*, *все-таки 2*, *все же 2* имеют по три валентности – ситуации Р, неблагоприятной для нее ситуации Q, а также благоприятного для Р обстоятельства R. При этом в фокусе внимания находится именно обстоятельство R, о б ъ я с н я ю щ е е, почему ситуация Р существует; ср.:

(44) *Что это ты вино покупаешь [Р], тебе же нельзя? [Q] – Серебряная свадьба завтра, как-никак [R].*

Фразеологический аналог этих лексем *худо-бедно* имеет смысл 'как-нибудь; хотя не идеально, но как-то'; ср.:

(45) *Но Сорокин худо-бедно сам создал свой литературный мир; по праву первопроходца он занимает свое неотъемлемое место в современной словесности* (А. Архангельский. Место во втором ряду).

Специфика лексем ряда *в то же время 2*, *при всем том*, *при этом*, *вместе с тем*, составляющих четвертую группу слов со значением обманутого ожидания, состоит в следующем. Большинство лексем подкласса "обманутое ожидание", как правило, представляют соотношение ситуаций Р и Q как *борьбу* *исключающих друг друга явлений*, в которой побеждает ситуация Р – она существует вопреки неблагоприятной для нее Q. Лексемы *в то же время 2*, *при этом*, *при всем том*, *вместе с тем* не предполагают ни такого глубокого конфликта между Р и Q, ни существенного перевеса Р – они представляют ситуации Р и Q как более совместимые друг с другом (хотя, по мнению говорящего, все-таки не встречающиеся вместе) и одновременно как более *равноправные*. В наибольшей мере это относится к лексемам *в то же время* и *при этом*. Ср.:

(46) *Она хороший ученый (Q) и в то же время (при этом) образцовая домашняя хозяйка (P).*

Из трех близких по смыслу лексем, входящих в пятую группу, – *хотя 2*, *вопреки* и *-таки*, предлог *вопреки* в большей мере, чем все прочие лексемы подкласса "обманутое ожидание", подчеркивает идею несовместимости Р и Q. Поэтому *вопреки* сближается по смыслу с такими предложениями, как *наперекор*, *вразрез*. Ср.:

(47) *Неукоснительное следование неким принципам, правилам, формам, нам предложенным, в нас воспитанным, до нас существовавшим [Р], следование часто даже вопреки здравому смыслу [Q]* (А. Битов. Жизнь в ветреную погоду); ср. *наперекор здравому смыслу, вразрез со здравым смыслом*.

Лексема *хотя 2* по смыслу сближается с *однако* и *но*; ситуации Р и Q представлены как логически несовместимые друг с другом, причем победителя в этом конфликте нет. Ситуация, которая упоминается второй, представляется чуть более важной; ср.:

(48) *Петя много занимается музыкой [Q], хотя я должна сказать, что пока он не очень хорошо играет [P].*

Лексема *-таки*⁵ предполагает, что имеет место ситуация Р, хотя до самого ее наступления адресат и, возможно, говорящий не были уверены в том, что она будет иметь место; ср.:

(49) *Первым делом он хорошо изучил все фортификационные сооружения хора. Несколько нор [хорька] из-под стены вели далеко в огород. Не жалея зацветающих огурцов, Федя начал копать. Копал, копал и докопался-таки до хорькова гнезда!* [P] (В. Белов. Рассказы о всякой живности).

⁵ В работе [Широкова 1982] у частицы *-таки* выделяются три значения на основании фактивного vs. путативного статуса Р и Q. Для наших целей различение этих трех значений нерелевантно.

Перейдем к шестой группе единиц со значением обманутого ожидания – фраземам *даром что, несмотря ни на что, как бы то ни было, как ни крути, как ни верти, что ни говори*.

Фразама *как бы то ни было* близка по смыслу к фраземе *в любом случае*. Говорящий признает справедливость факта или мнения Q, противоречащего факту или мнению P, и соглашается с тем, что можно было бы привести и другие соображения против P. Однако он считает, что ни Q, ни чего-то большего, чем Q, недостаточно, чтобы помешать P существовать, и что P существует. Ср.:

(50) *И вот если за что хочется упрекнуть г. Липскерова, это за то, что не он подчиняет себе окружающий мир волею художника, а мир этот подчиняет его [Q] – – – Но как бы то ни было, стихи К. Липскерова – очень хорошие стихи [P]* (В. Ходасевич. О новых стихах).

К этой фраземе близка фразема *что там ни говори*; ср.:

(51) *Павлов подмигнул своей тени, которая хоть и выглядела жалковато [Q], но, что ни говори, принадлежала удачнику и ловкачу [P]* (Ю. Нагибин. Зеленая птица с красной головой).

Фраземы *как ни крути, как ни верти* очень близки и имеют следующие семантические особенности: они представляют ситуацию P как нежелательную для говорящего или какого-то другого лица. Несмотря на все нежелание говорящего или другого заинтересованного лица, чтобы было P, P существует. Ср.:

(52) *А сколько ловушек на пути новых сил! Одна из них связана с тем, что, как ни крути, приходится учитывать старые "правила игры" [P]* (Л. Шевцова. Цит. по [Баранов, Караулов 1991]).

(53) *Они сетовали друг другу на то, что в Гагре "слабовато с кадрами, и если и есть, то все уже склеенные (взгляд на Веронику), и как ни крути, а, видно, придется ехать в Сочи [P], где – один мальчег говорил – этого добра навалом"* (В. Аксенов. Перемена образа жизни).

(54) *Как ни верти, а придется туда ехать [P]*.

Фразама *несмотря ни на что* указывает на твердое убеждение говорящего или субъекта ситуации в том, что ситуация P будет иметь место, хотя ее существованию могут препятствовать многие серьезные обстоятельства. Ср.:

(55) *Целое долгое лето он мучительно наблюдал, как она [Нина] гасла, переставала быть. – – – Нет, он не верил в ее обреченность [P], несмотря ни на что* (И. Грекова. Кафедра).

Специфика фраземы *несмотря ни на что* состоит в следующем: во-первых, как уже было сказано, предполагается, что препятствий к существованию ситуации P может быть много, и они очень серьезные; во-вторых, наступление ситуации P обычно относится к будущему (по отношению к моменту референции). Ср. вполне правильное (56) и несколько странное, при заданном порядке слов, (57):

(56) *Я сделаю это несмотря ни на что.*

(57) *Я сделала это несмотря ни на что.*

Синтаксическая конструкция *как ни ... (а)*, образующая седьмую и последнюю из упомянутых выше групп, является, в некотором смысле, антиподом *несмотря ни на что*. Если последняя предполагает, что ситуация P будет иметь место, несмотря на многочисленные и серьезные препятствия Q, то первая указывает на то, что ситуация P не будет иметь места, несмотря на многочисленные с п о с о б с т в у ю щ и е ее наступлению обстоятельства Q. Ср.:

(58) *Как тот [Варенуха] ни натягивал утиный козырек кепки на глаза, чтобы бросить тень на лицо, как ни вертел газетным листом [Q], – финдиректору удалось рассмотреть громадный синяк с правой стороны лица у самого носа [не – P]* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [Варенухе, несмотря на предпринятые усилия, не удалось скрыть синяк].

(59) *Что-то еще жгуче беспокоило финдиректора, но что именно, он не мог понять [не-Р], как ни напрягал воспаленный мозг, сколько ни всматривался в Варенуху [Q] (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).*

Таков первый и самый многочисленный подкласс слов со значением уступки. Перейдем теперь к рассмотрению двух следующих, наиболее близких ему подклассов уступительных слов.

1.2. 'Уступка с несогласием'

В этот подкласс входят лексемы *если и* и *даже если* и; ср.:

(60) *У Сергея было сильно развито чувство всякого предательства, и он его видел там, где оно если и было, то в таких безвредных дозах, какие обычно не замечают (Ф. Искандер. Боль и нежность).*

(61) – *Драгоценная королева, – пищал Коровьев, – я никому не рекомендую встретиться с ним, даже если у него и не будет никакого револьвера в руках! (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).*

Для них предлагается следующее толкование:

'Говорящий считает, что более вероятно то, что ситуация Q не имеет места; говорящий считает, что в том случае, если ситуация Q имеет место, ее действие почти полностью нейтрализуется или существенно ослабляется действием фактора Р; говорящий считает, что адресат или другое лицо может считать Q вероятным'.

Низкую, с его точки зрения, вероятность Q говорящий может подчеркивать либо эксплицитным отрицанием, либо выражениями типа *каким-то чудом* и т.п.; ср.:

(62) *Он не придет, а если и (даже если) придет [Q], то ничего не сделает [Р].*

(63) *Даже если бы [коробку] каким-нибудь чудом и нашли [Q], то всегда готов ответ [Р]: "Позвольте? Это чья же коробка? Ах, револьверы" [Р] (М. Булгаков. Белая гвардия).*

Ср. также:

(64) *Мы можем радоваться радостями, которые нам предстоит испытать, но мы не можем убиваться угрызениями совести по поводу задуманного предательства [говорящий считает, что Q не может иметь места]. Если и можем [Q], то в тысячу раз слабей [фактор Р, практически сводящий Q на нет] (Ф. Искандер. Кролики и удавы).*

(65) *Если и рос [Q], то очень медленно, заметно отставая от сверстников [фактор Р, практически сводящий Q на нет] [И. Грекова. Маленький Гарусов].*

(66) *Даже если все кончится хорошо и он доставит браконьера на базу [Q], не миновать скандала с генералами [фактор Р, ослабляющий важность Q] (Ю. Нагибин. Погоня).*

Как видно из примеров, лексема *если и* предполагает еще меньшую вероятность существования ситуации Q (с точки зрения говорящего), чем лексема *даже если*. В том случае, если Q все же имеет место, лексема *если и* указывает на практически полную нейтрализацию ситуации Q под воздействием фактора Р.

Как видно из толкования, значение этих лексем включает компонент "условие" ('если'), что естественно, принимая во внимание их происхождение от условного союза *если*.

1.3. 'Возражение под видом согласия'⁶

В этот подкласс входят так называемые уступительно-противительные фразеосхемы (термин предложен в [Шмелев 1960]), выражающие уступительное значение синтаксическими средствами, а именно повтором компонентов. Эти конструкции рас-

⁶ Эта формулировка взята из работы [Булыгина, Шмелев 1997].

смаатриваются в уже указанной работе, а также в работах [Шведова 1960] и [Булыгина, Шмелев 1997]. Значения уступительно-противительных фразеосхем разнообразны и очень индивидуальны; их рассмотрение выходит за рамки данной статьи. Детальное семантическое описание данного класса уступительных единиц дается в работе [Булыгина, Шмелев 1997]. Не углубляясь далее в этот вопрос, проиллюстрируем этот подкласс несколькими примерами из указанного источника (с. 313):

(67) *Нарожать нарожала, а научить не научила.*

(68) *Настроение настроением, а мне нужно ехать к месту службы.*

(69) *Ничего не обещаю, но попытаюсь попытаться.*

1.4. 'Компенсация' и 'оговорка'

1.4.1. Состав подкласса

В состав подкласса входят лексемы *зато*, *правда* и *вот только*; ср.:

(70) *Сервировка, конечно, была не на высоте, не то что у нас в вокзальном ресторане, но зато здесь никто не торопился за тридцать минут получить все тридцать три удовольствия* (В. Аксенов. Апельсины из Марокко).

(71) *Трехкомнатную он обменял на две отдельных по две комнаты и стал обладателем, как вы сами видите, шести комнат, правда, рассеянных в полном беспорядке по всей Москве* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(72) *На этот раз Вор выкатил на середину комнаты бочку с медом в качестве безусловной гарантии скорой выплаты — — надо только пойти на базар и продать, и он тут же Варфоломею вернет, вот только некогда все — работы много* (А. Битов. Преподаватель симметрии).

1.4.2. Значение выражений подкласса

Для слов, принадлежащих к этому подклассу, предлагается следующее общее толкование:

'Имеет место ситуация Q, положительно или отрицательно оцениваемая говорящим; признавая существование Q, говорящий обращает внимание адресата на то, что имеет место также независимая от нее и противоположно оцениваемая ситуация P, и что, по его мнению, в данном случае она важнее Q'.

Проиллюстрируем это толкование на примере лексемы *зато*.

(73) *И протягиваю Сакуненко с дамой коробку "Герцеговины Флор", конечно, из лежалой партии, малость плесенью потягивают [Q], но зато — марка [P]* (В. Аксенов. Апельсины из Марокко).

То обстоятельство, что сигареты испортились, оценивается говорящим как нечто второстепенное по сравнению с тем фактом, что они хорошей марки.

Очень важным для толкования *зато* является компонент 'по мнению говорящего'. *Зато* — очень субъективное, оценочное слово; хотя и P, и Q могут быть реальными фактами, оценка P как обстоятельства, более важного чем Q, принадлежит целиком говорящему и может не разделяться адресатом. Ср.:

(74) *Людям, оставшимся в эту зиму без тепла и света [Q], поди расскажи, что "зато" у них теперь свобода слова и политического выбора [P]* ("Известия", 09.12.98).

В работе [Санников 1989: 190] предлагается несколько иное толкование лексемы *зато*, а именно:

X зато Y = 'имеет место X; воздействие X-а на ситуацию (или общую оценку) полностью компенсируется независимым от X-а и противоположно направленным Y-ом; решающим для ситуации (или общей оценки) является Y'.

В этом толковании сформулированы важнейшие семантические особенности лексемы *зато* в том виде, в каком она представлена в своем основном, прототипическом

круге употреблений. В частности, отмечен очень важный компонент значения (который мы, вслед за В.З. Санниковым, ввели в толкование), а именно независимость одной ситуации от другой. Ср. невозможность (75), где две ситуации взаимосвязаны:

(75) **При падении он сильно расшибся [Q], зато это скоро заживет [P].*

Для других уступительных слов такой контекст возможен; ср. правильность

(76) *Хотя при падении он сильно расшибся [Q], это скоро заживет [P].*

Однако предложенное В.З. Санниковым толкование лексемы *зато* не покрывает некоторых более периферийных случаев ее употребления.

Во-первых, это относится к употреблению слова "компенсироваться" в качестве компонента толкования. Это слово содержит положительную оценку – как правило, нечто плохое *компенсируется* чем-то хорошим. Хотя для *зато* такое распределение оценок типично (см. пример (73), где Q – отрицательно, а P – положительно оцениваемая ситуация), однако не обязательно; ср. (77) с противоположным распределением оценок:

(77) *А чего церемониться? Ей самой, правда, зла большого не сделал [Q], да зато брату на каждом шагу палки в колеса ставит [P]* (Ф. Абрамов. Братья и сестры).

Во-вторых, слишком сильным кажется компонент 'полностью компенсируется'. Хотя ситуация P и представляется как более важная, однако далеко не во всех случаях она полностью нейтрализует Q; ср. пример (74).

В-третьих, компонент 'противоположно направленным' также кажется недостаточно определенно сформулированным. P и Q находятся не на противоположных концах одной шкалы, а на разных шкалах; ср. невозможность **Он глупый, зато умный*, где P и Q – на одной шкале. Скорее, противоположной является оценка P и Q; ср.:

(78) – *Но она же глупая! [Q, оцениваемое отрицательно] – Зато красивая [P, оцениваемое положительно].*

P и Q относятся к разным областям, но их противоположная оценка дает возможность употребления *зато*.

Сформулированное нами толкование ориентировано на лексему *зато*. Лексема *правда* является конверсивом к *зато*, и предложенное толкование применимо к ней с соответствующими поправками. Эта конверсность выражается в различных фокусах внимания говорящего: у *зато* в фокусе внимания находится более важная ситуация P, у *правда* – менее важная ситуация Q. *Зато* в прототипическом случае компенсация, *правда* – оговорка. Ср. *Он человек совершенно не деловой [Q], но зато честный [P]* vs. *Он, человек, правда, не деловой [Q], но честный [P]*. Ср. примеры выше, а также:

(79) *Правда, голову всю исполосовали зачем-то [Q], но это до свадьбы заживет [P]* (М. Булгаков. Собачье сердце).

(80) *Правда, сохранились некоторые из таких усадеб еще и до сего времени [Q], но в них уже нет жизни [P]* (И. Бунин. Антоновские яблоки).

Это семантическое различие отражается на прагматических и коммуникативных свойствах рассматриваемых лексем.

То, что определяемое лексемой *зато* выражение описывает важную, "главенствующую" ситуацию, имеет следующие следствия. Прагматически *зато* – "сильное" слово, выражающее уверенное, твердое мнение. Коммуникативно *зато* речативно и нигде, кроме ремы, употребляться не может (ср. примеры выше).

Выражение, определяемое лексемой *правда*, описывает менее важную, второстепенную ситуацию. Поэтому *правда* – "слабое" слово, выражающее нетвердое, некатегоричное мнение. Коммуникативно лексема *правда* возможна в реме (*Он человек неплохой, правда, немного безответственный*), но предпочтительна в теме, особенно в сочетании с лексемой *зато*; ср. (79) и (80), а также:

(81) *Правда, это не воскресило – знаменитого генерала, но зато породило у умных людей замечательные мысли по поводу происходящего* (М. Булгаков. Белая гвардия).

(82) – *Ипполит Ипполитыч, отчего бы вам, например, на Варе не жениться? Это чудная, превосходная девушка! Правда, она очень любит спорить, но зато сердце* (А.П. Чехов. Учитель словесности).

Лексема *вот только* сближается с лексемой *правда* в одном из кругов ее употребления. И *правда*, и *вот только* – это оговорка. Но лексема *правда* может употребляться при л ю б ы х Р и Q, важно только, чтобы их оценка была противоположной. Что касается *вот только*, то для этой лексемы оценки Р и Q фиксированы: Р – это нечто х о р о ш е е, Q – нечто п л о х о е. Фокус внимания говорящего в *вот только* такой же, как в лексеме *правда*. А именно, в фокусе находится менее важная из двух существующих ситуаций – ситуация Q.

Для *вот только* предлагается следующее толкование:

Р вот только Q (Дом совсем построен, *вот только* электричество еще не подключили) = ‘имеет место желательная ситуация Р; признавая это, говорящий обращает внимание адресата на то, что имеет место также нежелательная ситуация Q; по его мнению, в данном случае Р важнее Q’.

Коммуникативно *вот только* близко к *зато*, а именно, оно рематично. Ср.:

(83) *Сейчас она была уверена в правильности Вальки, в мудрости и логичности всех его поступков, вот только куда он девался?* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора) [рема].

(84) *Бабушка овец оставила, а коз продала. Вот только на козла никак не нашлось покупателя.* (В. Белов. Рассказы о всякой живности) [рема].

I.5. ‘Предел’

I.5.1. Состав подкласса

В состав подкласса входят лексема *хоть* 5, а также синонимический ряд *пусть* 3, *пусть даже*, *даже если* 2, *если* и 2 (часто в дистантном употреблении), *хотя бы* 2 (вариант *хоть бы*); ср.:

(85) – *А ведь она любит вас, бабушка, Вера-то? – – – Любит! – с уверенностью отвечала бабушка, – – – любит, – пожалуй, хоть умереть готова* (И.А. Гончаров. Обрыв).

(86) *Пусть она мне сто раз изменила, все равно я ее люблю.*

(87) *Надо читать, повторяю, потемки чужой души, надо смотреть в них, пусть даже там и нет ничего, пусть там дрянь одна – все равно* (Вен. Ерофеев. Москва – Петушки).

(88) *Даже если тебе будет очень трудно, не отчаивайся.*

(89) *Если он и предаст тебя, не надо его ненавидеть.*

(90) *Я добьюсь своего, хотя бы весь мир был против меня.*

(91) *Да хоть бы и попросил прощенья, я все равно с ним мириться не собираюсь.*

I.5.2. Значение выражений подкласса

Для слов, принадлежащих к этому подклассу, предлагается следующее общее толкование:

‘Имеет место ситуация Q; признавая, что Q сильно выходит за пределы нормы и создает отсутствие нормальных условий для существования ситуации Р, говорящий утверждает, что Р имеет или будет иметь место’.

Лексемы данного подкласса обычно используются при описании разного рода крайностей, чего-то предельно большого или предельно малого; именно поэтому в их толкование включен компонент ‘Q сильно выходит за пределы нормы’. Ср. *За такую услугу я готов отдать хоть все королевство* (все королевство – это очень много) vs.

Если ты скажешь об этом хоть одно слово, я с тобой поссорюсь (одно слово – это очень мало). Лексема *хоть 5* – одна из основных в этом подклассе – даже образует ряд фразем со значением крайней степени, предела чего-либо; ср. *хоть на край света, хоть убей, хоть тресни, хоть падай, хоть режь* и т.п.

Ср. также следующие примеры:

(92) *Ручку двери снаружи в это время крутили и дергали, и слышно было, как курьерша за дверями отчаянно кричала: – Нельзя! Не пуцу! [P] Хоть зарежьте! [Q]* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(93) *Где же им, старой да малой, идти на дальнее болото [P], пусть ягоды там и совком гребут [Q]* (В. Астафьев. Без приюта).

(94) *Пусть в бою труслив, как заяц, / И деньжат всегда в обрез, / [Q] Но зато какой красавец! / И какой на вид храбрец! [P]* (А. Галич. Петербургский романс).

(95) *Пусть бунтовщики, пусть даже дезертиры [Q], но это народ, господа, вот что вы забываете [P]* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

(96) *Он сказал, что не уйдет [P], даже если его начнут убивать [Q]* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(97) *Вечером бесстрашие [P], даже если и есть причина бояться [Q], бесстрашие и недооценка всех ценностей* (Вен. Ерофеев. Москва – Петушки).

(98) *Да хоть бы он принц крови был [Q], моя дочь ни в ком не нуждается! [P]* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

1.6. 'Уступка вопреки желанию'

Внутри данного подкласса уступительных выражений выделяются три меньших подкласса.

1.6.1. 'Готовность на все'

1.6.1.1. Состав подкласса

В данный подкласс уступительных выражений входят следующие группы языковых единиц.

1. Синонимический ряд *по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 4, хоть бы 2*. Ср.:

(99) *Если ты его не любишь, ты могла бы его по крайней мере уважать.*

(100) *Приезжай хотя бы (хоть) на недельку, если уж больше не получается.*

2. Синонимический ряд *лишь бы, только бы*. Ср.:

(101) *Я согласна на любые условия, лишь бы (только бы) уехать отсюда.*

3. Фразема с *паршивой овцы хоть шерсти клок*.

4. Синтаксическая конструкция вида *если уж не, ... то (так)*. Ср.:

(102) *Если уж он не хочет помочь, то пусть не мешает.*

1.6.1.2. Значение выражений подкласса

Для выражений этого подкласса предлагается следующее общее толкование:

'Понимая, что иметь желаемое трудно или невозможно, субъект (часто сам говорящий) хочет или готов иметь меньшее Р, обладание которым более вероятно'.

Ср. следующие примеры:

(103) – *К сожалению, ничего сделать не могу, так как валюты у меня больше нет, – спокойно ответил Дунчиль [желательная для адресата ситуация недостижима]. – Так нет ли, по крайней мере, бриллиантов? [адресат изъявляет готовность удовлетвориться меньшим Р] – спросил артист* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(104) *Может, возьмет тебя на работу литсотрудником* [желательная для адресата, но труднодостижимая ситуация] *или хотя бы корректором* [меньшее, но более вероятное Р] (С. Довлатов. Ремесло).

(105) [Митя] *молил Бога – и, увы, всегда напрасно!* – *увидеть ее вместе с собой* [желательная для субъекта, но невозможная ситуация], – – – *хоть во сне* [меньшее, но более вероятное Р] (И. Бунин. Митина любовь).

(106) *Сидим по целым дням вместе, и хоть бы одно слово!* [минимальное Р] (А.П. Чехов. Дочь Альбиона).

(107) *Возвратясь в город и хорошенько обдумав свое положение, начал он искать места приказчика, конторщика; потом стал соглашаться на любое – лишь бы был кусок хлеба* [Р] (И. Бунин. Деревня).

(108) *Ему ничего не надо, только бы его оставили в покое, только бы не трогали!* [Р] (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

(109) *Если уж не выгнал его* [желательная для говорящего, но не осуществившаяся ситуация], *то, по крайней мере, нужно было молча уйти* [ситуация Р, которую было легче осуществить] (М. Булгаков. Белая гвардия).

Толкование ориентировано в первую очередь на ряд *по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 4, хоть бы* и союз *если уж не... то*⁷. Союз *если уж не... то* синонимичен этим лексемам и часто употребляется с ними в одном предложении; ср. пример (109). Синонимы ряда *по крайней мере* близки различным выражениям со значением малой степени (количества).

Лексемы *лишь бы* и *только бы* имеют несколько другое, хотя и близкое, значение. Они выражают готовность субъекта на все, отказ от всего, при условии, что будет иметь место желательная для него ситуация Р. Для них предлагается следующее, уточненное толкование:

‘Субъект (часто сам говорящий) хочет иметь Р, которое говорящий оценивает как не очень большое; субъект готов отказаться от всего остального, при условии, что он будет обладать Р’.

Эти лексемы заключают в своем значении одновременно компоненты ‘условие’ и ‘небольшая степень (количество)’, что объясняется их происхождением от частиц со значением малой степени и условной частицы *бы*. Со словами ряда *по крайней мере* и союзом *если уж не...то* их сближает указание на то, что Р невелико, а также на труднодоступность желательной ситуации.

1.6.2. ‘Ничего не поделаешь’

В данный подкласс уступительных выражений входят лексем *пусть 2* и *пускай 1*; ср.:

(110) *Ну ладно уж, пусть (пускай) приходит.*

Для них предлагается следующее толкование:

‘Понимая, что избавиться от нежелательной ситуации Р трудно или невозможно, и не желая прилагать к этому дополнительные усилия, говорящий выражает согласие с ее существованием’.

Ср. следующие примеры:

(111) – *Пусть осуждают там, проклинают* [Р], *а я вот назло всем возьму и погибну, возьму вот и погибну* (А.П. Чехов. Попрыгунья).

(112) *Маша: Не следует им позволять. Он может ранить барона или даже убить* [Р]. *Чебутыкин: Барон хороший человек, но одним бароном больше, одним меньше – не все ли равно? Пускай! Все равно!* (А.П. Чехов. Три сестры).

⁷ Союз *если уж не... то* отличается от лексем ряда *по крайней мере 2* своей двухвалентностью – он обязательно эксплицитно называет и желательную, но недоступную ситуацию Q, и менее желательную, но более доступную ситуацию Р.

У лексем этого подкласса есть следующая особенность: субъект нежелания всегда совпадает с говорящим, а субъект ситуации не может совпадать ни с говорящим, ни с адресатом. В самом деле, независимо от того, кто является субъектом ситуации, лицом, незаинтересованным в ней, является говорящий; поэтому лексемы *пусть 2* и *пускай 1* используются, как правило, в прямой речи, а не в нарративе; ср.:

(113) *Ну что ж поделаться, пусть (пускай) они там живут*, при странности

(114) *Иван решил, что пусть (пускай) они там живут*.

Субъект ситуации при *пусть 2* и *пускай 1* может быть только третьим лицом; ср. невозможность:

(115) **Ну ладно, пусть (пускай) я поеду (ты поедешь)*.

Интересно, что для лексемы *пусть 3* (из подкласса 'Предел') возможно совпадение субъекта ситуации и с говорящим, и с адресатом:

(116) *Пусть я погибну, но я все равно буду делать то, что считаю нужным*.

(117) *Пусть ты будешь в меньшинстве, ты не должен отступить от принципа*.

1.6.3. 'Хотелось бы большего'

В данный подкласс уступительных выражений входит лексема *-то*; ср.:

(118) – *Петя пришел?* – *Петя-то пришел, а вот больше никто*.

Для нее предлагается следующее толкование:

'Имеет место Р; признавая это, говорящий обращает внимание адресата на то, что Р значительно меньше того, что он ожидал или хотел' (ср. толкование в [Апресян 1995: 48]).

Ср.:

(119) *Михаил немного помолчал. – Песни-то мы все умеем петь [Р]. А тебя учили, я думаю, не песни петь...* (Ф. Абрамов. Братья и сестры).

1.7. 'Условие, на котором говорящий готов пойти на уступку'

В данный подкласс входят синонимичные лексемы *добро бы* и редк. *пускай бы*; ср.:

(120) *И что она хвостом-то вертит – добро бы (пускай бы) еще было на что смотреть!*

Для нее предлагается следующее толкование:

'Имеет место ситуация Q; говорящий считает, что для Q нет достаточных оснований; говорящий был бы готов признать Q обоснованным, если бы имела место как минимум ситуация Р'⁸.

Ср. следующие примеры:

(121) *Собрались встречать Новый год – веселись, безумствуй – – – А мы на всю ночь развели высокоинтеллектуальный скулеж про нашу расейскую бестолковичину, про наши безобразия [Q]. И добро бы хоть польза была от него какая [Р], добро бы хоть чувства свои гражданские, что ли, лишний раз отточили, пополнили свои запасы мужества и отваги на предстоящий год [Р]* (Ф. Абрамов. Новогодняя елка).

(122) *Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных [Р], а то даже самих тайных советников [Q], подвержены совершенной простуде по причине ночного сдергивания шинелей* (Н.В. Гоголь. Шинель).

⁸ Ср. также толкование *добро бы* в [Санников 1989: 224]: 'воздействие нежелательной ситуации Z было бы ослаблено, если бы имело место X; X не имеет места; имеет место Y; Y существенно хуже X-а'.

1.8. Обобщения

Итак, мы рассмотрели основные подклассы уступительных выражений. Хотелось бы сделать несколько общих замечаний по поводу их семантики.

Прежде всего, выделяется некий общий прототипический сценарий употребления для них всех, который может считаться кандидатом на семантический инвариант, по крайней мере в пределах рассмотренного материала. Имеет место конфликт двух ситуаций (Р и Q), и в этом конфликте ситуация Р побеждает, оказывается сильнее. Иногда это происходит благодаря неким дополнительным обстоятельствам (R).

Уступительные выражения различаются, в первую очередь, по тому, какого рода ситуации вступают в конфликт. Так, эти ситуации могут оцениваться говорящим как нечто желательное (ситуация Р для ряда *по крайней мере*) или нежелательное (ситуация Р для *как ни крути, как ни верти*; ситуация Q для лексемы *вот только*). Они могут, далее, оцениваться как нечто значительное (ситуация Q для *как... ни*) или малое (ситуация Р для ряда *по крайней мере*). Наконец, они могут оцениваться как нечто вероятное (ситуации Р и Q для *тем не менее*) или маловероятное (ситуация Р для *лишь бы, только бы*).

Уступительные выражения также различаются тем, какая именно из ситуаций (Р, Q, R) находится в фокусе внимания. Ситуация R попадает в фокус только у лексем *как-никак, все-таки 2, все же 2*. У некоторых в фокусе находятся и Р, и Q (*как... ни, если уж не... то*). Все остальные распределяются на две примерно равные группы – с Q в фокусе (*несмотря на, хотя; правда, вот только* все лексемы подкласса 'предел') или с Р в фокусе (лексемы ряда *все-таки 1; зато*; лексемы ряда *по крайней мере*).

Наконец, уступительные выражения варьируются по степени своей уступительности. Поясним это утверждение. Все уступительные выражения – это выражения в какой-то мере диалоговые, ориентированные, в первую очередь, на реального или воображаемого адресата или оппонента. Все они содержат указание на некоторую долю согласия с адресатом, признания его правоты, а также на некоторую долю несогласия с ним, утверждения своей правоты, правоты говорящего. В зависимости от доли того или другого, уступительные выражения выстраиваются по некоторой шкале. Например, *несмотря на, тем не менее, все равно* – это слабуюступительные лексемы, доля утверждения своей правоты в них больше доли согласия с адресатом. Лексемы *как-никак, правда* – сильнееуступительные лексемы, в них доля согласия с адресатом больше доли утверждения своей правоты.

II. ПОЛИСЕМИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Помимо теоретической проблемы описания уступительного значения в языке, существует теоретическая и практическая проблема описания конкретных слов в словаре. В связи с этим возникают два вопроса – о полисемии и синонимии уступительных слов.

Рассмотрим сначала вопрос о полисемии.

Большинство уступительных слов многозначны, причем не все их лексемы обязательно имеют значение уступки. Многозначность основных уступительных слов, таких как *хоть, все-таки, хотя бы* зафиксирована в словарях. Однако существуют уступительные выражения, которые либо в силу своей фразеологичности, либо в силу каких-то других причин не привлекли к себе достаточного внимания лексикографов. На примере выражения *по крайней мере* мы покажем, что разграничение лексем у таких выражений является необходимым. Дело в том, что большинство уступительных выражений – служебные слова, обладающие богатыми синтаксическими и прагматическими свойствами. Лексемы одного служебного слова очень часто различаются не

только своей семантикой, но также синтаксисом и прагматикой, что является дополнительным доводом в пользу их разграничения⁹.

Толковые словари современного русского языка (БАС, МАС) приписывают *по крайней мере* только одно значение. Фразеологические словари [Молотков 1967] и [Lubensky 1995] выделяют у этого оборота по два значения. Мы постараемся показать, что в состав вокабулы *по крайней мере* входят три разные лексемы, которые различаются как своими толкованиями, так и наборами языковых свойств. Рассмотрим эти три лексемы.

II. 1. Три лексемы *по крайней мере*

II. 1.1. *По крайней мере 1*

Для лексемы *по крайней мере 1* (*Этот диван стоит по крайней мере сто рублей, а то и все сто пятьдесят; Мне потребуется на это по крайней мере три дня*) предлагается следующее толкование:

По крайней мере 1 P = 'говорящий утверждает, что количество какого-то Q не меньше, чем P; говорящий считает, что количество этого Q может быть больше, чем P' [в контексте количественной группы]¹⁰.

Синонимами *по крайней мере 1* являются лексемы *как минимум* и *по меньшей мере*.

II. 1.2. *По крайней мере 2*

Для лексемы *по крайней мере 2* (*Если уж ты мне не можешь помочь, по крайней мере не мешай*) предлагается следующее толкование:

По крайней мере 2 P = 'понимая, что иметь желаемое трудно или невозможно, субъект (часто сам говорящий) хочет или готов иметь меньшее P, обладание которым более вероятно' [В случае, когда говорящий является посторонним наблюдателем ситуации, это толкование модифицируется: 'понимая, что субъект не может получить желаемое, говорящий выражает мнение, что было бы хорошо, если бы субъект получил меньшее P, обладание которым более вероятно'].

Синонимами *по крайней мере 2* являются лексемы *хотя бы 1*, *хоть 4* и союз *если уж не... (то)*.

II. 1.3. *По крайней мере 3*

Для лексемы *по крайней мере 3* (*Он хороший работник [Q], по крайней мере, никто не жалуется [P]; Мне кажется, они близкие друзья [Q], по крайней мере, они много времени проводят вместе [P]*) предлагается следующее толкование:

По крайней мере 3 P Q = 'говорящий утверждает, что имеет место не меньше чем P; говорящий считает, что имеет место Q; P (несколько) меньше Q или следует из Q; чтобы не брать на себя ответственность за более сильное утверждение о существовании Q, говорящий заменяет его более слабым утверждением о существовании P'.

Синонимом *по крайней мере 3* является лексема *во всяком случае*.

⁹ Шаги в этом направлении уже предпринимались в работах [Иорданская 1992] (где на основе различных наборов свойств разграничиваются не выделяемые словарями значения союза *хотя*) и [Широкова 1982] (где устанавливается полисемичность частицы *-таки*).

¹⁰ Ср. предлагаемое в работе [Wierzbicka 1986: 598] толкование близкой по смыслу английской лексемы *at least; at least*

it is no less than X

it could be a little more than that

one could think that it would be less than that.

II. Комментарии к толкованиям трех значений по крайней мере

Легко заметить различия между тремя лексемами *по крайней мере*. В значениях частиц *по крайней мере 1* и *по крайней мере 3* основополагающую роль играет оценка количества или степени. Эта оценка важна также и для *по крайней мере 2*. Однако, в отличие от *по крайней мере 2*, *по крайней мере 1* и *по крайней мере 3* не предполагают не б о л ь ш о й степени (количества). Если значение *по крайней мере 2* можно кратко передать в виде формулы 'если нельзя больше чем Р, то пусть будет Р', то в *по крайней мере 1* и *по крайней мере 3* количественная оценка выглядит примерно так: 'имеет место не меньше чем Р и вероятно, что больше чем Р'.

С исчезновением элемента 'небольшая степень (количество)' из значений лексем *по крайней мере 1* и *по крайней мере 3* исчезает также и компонент 'желание'. Так, в *по крайней мере 1* и *по крайней мере 3* о т н о ш е н и е говорящего к факту существования Р неизвестно. Уступки, на которые он идет, касаются не его ж е л а н и й, а с и л ы его в ы с к а з ы в а н и й: т.к. говорящему неизвестно настоящее положение вещей, он, уступая требованию точности, заменяет более сильное утверждение, которое он с ч и т а е т верным, на более слабое, которое н а в е р н я к а я в л я е т с я таковым.

Есть у этих лексем и синтаксические различия.

По крайней мере 1, в отличие от *по крайней мере 2* и *по крайней мере 3*, не является вводным словом и может просодически выделяться ударением; ср. *Дай мне по крайней мере десять рублей* (лексема *по крайней мере 1* 'не меньше чем десять, а лучше больше') vs. *Дай мне, по крайней мере, десять рублей* (лексема *по крайней мере 2* 'если уж ты не можешь сделать для меня ничего большего, я удовлетворюсь тем, что ты дашь мне десять рублей').

III. СИНОНИМИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Лексикографическое описание уступительных слов и выражений в рамках интегрального подхода является основным практическим итогом данной работы. Предлагаем в качестве иллюстрации наших результатов описание синонимического ряда *по крайней мере 2*. Ниже приводится его полное лексикографическое описание¹¹.

ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ 2 [необиходн.], **ХОТЯ БЫ 1**, разг. **ХОТЬ 3** *По крайней мере (хотя бы,..) Р* – 'понимая, что иметь желаемое невозможно, субъект (часто сам говорящий) хочет или готов иметь меньшее Р, обладание которым более вероятно' [В случае, когда говорящий является посторонним наблюдателем ситуации, это толкование модифицируется: 'Понимая, что субъект не может получить желаемое, говорящий выражает мнение, что было бы хорошо, если бы субъект получил меньшее Р, обладание которым более вероятно'].

Хорошо, что хотя бы раз в год удастся приехать, многие и такой возможности не имеют; Дай мне хоть горбушку хлеба, я умираю от голода; Если ты его не любишь, ты могла бы его по крайней мере уважать.

■ 3 ■ Синонимы различаются между собой по следующим смысловым признакам: 1) количественная оценка ситуации Р, которой субъект готов довольствоваться (**по крайней мере** предполагает, что Р меньше, чем хотел бы субъект, но не обязательно мало; **хотя бы** предполагает, что с точки зрения субъекта Р – это немного; **хоть** предполагает, что с точки зрения субъекта Р ничтожно мало); 2) вероятность Р (для

¹¹ Оно воспроизводит соответствующую словарную статью, составленную автором для второго выпуска НОСС'а, за исключением преамбулы, примечания 2, зоны иллюстраций и служебных зон. Описание следует схеме, представленной в [Апресян 1997].

хотя бы она ниже, чем для **по крайней мере**, и особенно мала для **хоть**); 3) отношение субъекта к Р (**хотя бы** и особенно **хоть** предполагают достаточно сильное желание иметь Р, **по крайней мере** – только готовность удовлетвориться им); 4) в случае, если в ситуации есть говорящий и адресат – положение первого по отношению ко второму (**хоть** может указывать на несколько униженное положение говорящего); 5) в случае, если субъект и говорящий не совпадают – отношение говорящего к субъекту (**хоть** может указывать на эмпатию говорящего к субъекту).

Все синонимы описывают некий к о м п р о м и с с: субъект соглашается на нечто меньшее, чем то, чего он действительно хочет.

Основное различие между синонимами, из которого вытекают все остальные, касается к о л и ч е с т в е н н ы х характеристик ситуации Р, на которую согласен субъект. Синонимы выстраиваются по шкале, где **по крайней мере** предполагает самую в ы с о к у ю количественную оценку Р, **хоть** – самую н и з к у ю, а **хотя бы** располагается между ними.

По крайней мере предполагает сравнение искомой ситуации Р с другой ситуацией, л у ч ш е й, чем Р; ср. *Надо по крайней мере купить дачу, если на квартиру не хватает*. Таким образом, **по крайней мере** вводит некий о т н о с и т е л ь н ы й минимум, которым субъект готов удовлетвориться.

При этом **по крайней мере** предполагает, что Р, которое имеет или на которое претендует субъект, хотя и м е н ь ш е, чем он хотел, однако само по себе н е м а л о; ср. *Что ж, разве я лучше? У меня по крайней мере есть муж, которого я люблю* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

Поэтому **по крайней мере**, как правило, не употребляется с лексемами, имеющими значение малой степени; ср. странность *по крайней мере немного*, *по крайней мере чуть-чуть* (см. также С).

По крайней мере не предполагает, что вероятность получения желаемого непременно низка; она может быть и высокой, даже с т о п р о ц е н т н о й. Поэтому частица **по крайней мере** возможна и в контекстах, где речь идет о реально имеющей место ситуации Р, а также в контекстах д о л ж е н с т в о в а н и я, указывающих на то, что нечто наверняка будет иметь место. Ср. *Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки – – по крайней мере, в продолжение одного года* (Н.В. Гоголь. Шинель); – *По крайней мере, если придется ехать, я буду утешаться мыслью, что это сделает вам удовольствие* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

В отличие от частицы **хоть**, предполагающей п р о с ь б у, **по крайней мере** часто употребляется, когда субъект т р е б у е т чего-то; ср. – *По крайней мере, о себе я вправе спросить, зачем я тебе?* (И.А. Гончаров. Обрыв) [если я не могу ничего большего, то уж на это-то я имею право].

В **хоть**, напротив, сравнение идет с чем-то х у д ш и м, чем искомая ситуация: субъект допускает, что он получит существенно меньше, чем хочет, или вообще ничего. **Хоть**, таким образом, предполагает очень низкую количественную оценку ситуации Р: то, чем готов довольствоваться субъект или говорящий, приближается к а б с о л ю т н о м у минимуму. Хотя субъект хочет получить этот минимум, последний ни в коей мере не является для него д о с т а т о ч н ы м, не может удовлетворить его реальные потребности; ср.: *Дай мне хоть корку хлеба (глоток воды, миг передышки)* [корка хлеба не может насытить, глоток воды не может утолить жажду, миг передышки не дает отдыха]. В контекстах, где искомая ситуация осмысливается не как абсолютный минимум, а как удовлетворяющая какую-то, пусть даже скромную потребность, частица **хоть** неупотребительна; ср. странность *Надо хоть иметь перед собой ясную цель*, при возможности **хотя бы** и **по крайней мере** в этом контексте.

Частица **хоть** содержит в своем значении имплицитное отрицание. Поэтому она наиболее естественна в контексте лексем со значением ничтожно малой степени (*крошечка, крупица, капелька* и т.п.), часто тоже имплицитно отрицательных; ср. *Это называется "скорее погибнет земля и небо, чем потеряется хоть одна йота из закона"* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Вы смелее, честнее, глубже нас, но вдумайтесь, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня* (А.П. Чехов. Вишневый сад); *Я не представлял себе, чтобы это можно было сыграть хоть крошечку лучше, чем сыграл Патрикеев* (М. Булгаков. Театральный роман); *Чтобы этот миазм оттенить, нужна хоть крупица благоухания* (Вен. Ерофеев. Москва – Петушки). См. также С.

Хоть, в отличие от **по крайней мере**, часто предполагает очень маленькую вероятность наступления желательной ситуации; субъект понимает, что скорее всего он не получит желаемого. Поэтому **хоть** употребляется в первую очередь в контекстах ирреальности и гипотетичности. Ср. *О что бы я сейчас отдал, чтобы еще хоть раз взглянуть на них* (Б. Пастернак. Доктор Живаго); *Если бы у Олега Глазова была хоть какая-нибудь сноровка, он зацепился бы в прифронтовой полосе или сразу же постарался бы попасть в колонну, идущую в глубокий тыл* (В. Астафьев. Сашка Лебедев); *Додумаю ли я сегодня до конца хоть одну мысль!* (А. Битов. Преподаватель симметрии). В подобных контекстах **по крайней мере** было бы совершенно неуместно.

Невысокая вероятность получения желаемого влечет за собой большую, чем у **по крайней мере**, готовность к уступкам, компромиссу. **Хоть** предполагает, что субъект вынужден быть благодарным за что-то, что ни в коей мере не является удовлетворительным. Для **хоть** поэтоу характерно употребление в таких перечислительных конструкциях, которые указывают на готовность говорящего к всевозможным дальнейшим уступкам. Ср. *В самом деле: человеку, чтобы счастливо существовать, нужно хоть час в день, хоть десять минут существовать машинально* (В. Набоков. Соглядатай); *И разговор ее был жалок: / Она сидела до зари / И говорила: Подари / Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок* (О. Мандельштам. Сегодня ночью, не солгу...). Для **по крайней мере** такое употребление менее характерно.

Низкая вероятность получения P увеличивает желание субъекта обладать им, и в **хоть** это желание сильнее, чем в **хотя бы** и тем более в **по крайней мере**. Поэтому для **хоть** характерна ситуация упрощения и контекст глаголов типа *упрашивать, умолять, заклинать*, указывающих не только на сильное желание, но одновременно и на зависимое и несколько униженное положение субъекта; ср. *Ну тогда хоть на недельку, – стал упрашивать Таборский* (Ф. Абрамов. Братья и сестры); *[Митя] молил бога – и, увы, всегда напрасно! – увидеть ее вместе с собой, – – – хоть во сне* (И. Бунин. Митина любовь); *– Прошу вас! Прошу не для себя, а в интересах правосудия! Умоляю, наконец! Сделайте мне одолжение хоть раз в жизни! Дюковский стал на колени* (А.П. Чехов. Шведская спичка). Для **хотя бы** возможно употребление в подобных контекстах, для **по крайней мере** это крайне неестественно.

В случае, когда говорящий не совпадает с субъектом, свойственная **хоть** эмоциональная окраска часто приобретает форму эмпатии говорящего к субъекту; ср. *А надменный половой / Шваркал мокрой тряпкой, / Бог с поникшей головой / Горбил плечи зябко / И просил у цыган хоть слова, / Хоть немножечко, хоть чуть слышно* (А. Галич. Цыганский романс); *Шофер-поляк вел машину тихо, чтобы бойцы, оглушенные и разбитые в ночном рейсе, хоть немного передохнули* (В. Астафьев. Сашка Лебедев); *Одну старушку не можете ли вы устроить куда-нибудь на "Дон-Карлоса"? А? Хоть в ярус?* (М. Булгаков. Театральный роман). Для более официального, сухого **по крайней мере** это менее характерно.

У **хотя бы** есть два круга употреблений. Подобно **хоть**, эта частица может указывать на то, что желаемое очень м а л о; ср. *Как же может управлять человек, если он — — — лишен возможности составить какой-нибудь план **хотя бы** на смехотворно короткий срок* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *За всю — — — жизнь он не слышал от нее ни одного слова, не видел в ней ни одного движения, хоть как-то проникнутых теплотой сочувствия к нему, **хотя бы** самой малой любовью* (Ю. Гончаров. Инженер Климов); *Василий Данилович понимал, что Онисимов стремится получить передышку **хотя бы** на несколько минут* (А. Бек. Новое назначение).

В этом круге употреблений **хотя бы**, как и **хоть**, предполагает н е в ы с о к у ю вероятность получения Р и поэтому часто употребляется в контекстах ирреальности и несбыточности, а также желательности. Ср. *Разве во власти Наполеона было создать **хотя бы** букашку, **хоть** какую былинку?* (А. Битов. Преподаватель симметрии); *Так попытаемся **хотя бы** данный миг не омрачать унынием и скукой!* (С. Довлатов. Чемодан); *Он восклицал: — Как это прекрасно — иметь **хотя бы** горсточку собственной земли!* (С. Довлатов. Соло на ИВМ).

Как и **хоть**, **хотя бы** предполагает достаточно большое желание, чтобы ситуация Р существовала и одновременно более чем с к р о м н ы е возможности субъекта повлиять на это; ср. *Но раздался легкий стук — котелок колесом побежал по панели, и я кинулся за ним, стараясь на него **хотя бы** наступить, лишь бы как-нибудь его удержать* (В. Набоков. Соглядатай).

Во втором круге употреблений **хотя бы** ближе к **по крайней мере** и может указывать на некую минимальную достаточность ситуации Р, на то, что она удовлетворяет каким-то минимальным требованиям или потребностям. Ср. *Этот человек-бомба долго готовился к своему акту, и его потерявшая смысл жизнь обрела **хотя бы** цель* (А. Битов. Преподаватель симметрии).

Хотя бы употребляется в контекстах реального с у щ е с т в о в а н и я некоего положения дел и в контекстах д о л ж е н с т в о в а н и я, характерных для **по крайней мере**; ср. *Кающийся грешник **хотя бы** на словах разделяет добро и зло* (С. Довлатов. Соло на ИВМ); *Опытный Максимилиан Андреевич знал, что для этого первым и не переменным шагом должен быть следующий шаг: нужно во что бы то ни стало, **хотя бы** временно, прописаться в трех комнатах покойного племянника* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В этом круге употреблений **хотя бы** не предполагает, что говорящий или субъект обладает ограниченными возможностями влиять на ситуацию. Наоборот, он может отчасти диктовать условия, предъявлять некоторые требования; ср. *Он настаивал, чтобы она прочла **хотя бы** предисловие к "Божественной комедии" Данте* (В. Каверин. Косой дождь).

Различия между синонимами могут частично н е й т р а л и з о в а т ь с я в двух типах контекстов: а) в контекстах реального с у щ е с т в о в а н и я ситуации; ср. *Увидев, что кто-то вошел, Анна Ричардовна вскопчила — — — стала трясти бухгалтера и кричать: — Слава Богу! Нашелся **хоть** один храбрый!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [в этот контекст подставимы без больших смысловых изменений также **хотя бы** и **по крайней мере**]; б) в различных п о б у д и т е л ь н ы х предложениях; ср. — *Нет уж, девушки, — сказала я, — давайте постираем **хотя бы** носильное* (В. Аксенов. Апельсины из Марокко); — *Ну так заплати же мне теперь, **по крайней мере**, за извозчика, — приставал Тарантьев, — три целковых* (И.А. Гончаров. Обломов).

ПРИМЕЧАНИЕ. В ряд входит также более редкий синоним *хоть бы*, специфика которого по сравнению с рассмотренными лексемами состоит в невозможности употребления в контекстах реального существования ситуации. *Хоть бы* употребляется исключительно в контекстах желательности и несбыточности; ср. *Хоть*

бы от поезда до поезда побродить по воронежским улицам, посмотреть на знакомые тополя, на тот голубенький домик за городом (И. Бунин. Деревня); Хоть бы просто так увидеть ее, поболтать с ней (И. Бунин. Антигона); Время наше уходит, мы уже не молоды, и хоть бы в конце жизни нам не прятаться, не лгать (А.П. Чехов. Чайка); но не *Хорошо, что он хоть бы денег дал.

■ К ■ Синонимы различаются, главным образом, по степени своей синтаксической свободы и способности занимать разные позиции в предложении.

Наиболее синтаксически свободным синонимом является частица **по крайней мере**. Она может находиться в непосредственной препозиции к слову или именной группе, от которой синтаксически зависит; ср. – *По крайней мере вы-то на меня не сердитесь?* – протянул ему руку Ставрогин (Ф.М. Достоевский. Бесы); может отделяться от своего синтаксического хозяина другими словами и быть в постпозиции к нему; – *Я полчаса просидел под вашим кнутом, и по крайней мере вы бы могли отпустить меня вежливо* (Ф.М. Достоевский. Бесы) [≈ *Я полчаса просидел под вашим кнутом, и вы бы могли по крайней мере отпустить меня вежливо*]; – *Ты бы написал опять к кому-нибудь из своих приятелей: узнали бы, по крайней мере* (И.А. Гончаров. Обломов).

По крайней мере может также быть вводным словом; ср. *По крайней мере, страшный образ ростовщика перестал навещать его, и портрет пропал неизвестно куда* (Н.В. Гоголь. Портрет (редакция "Арабесок")).

У **хоть бы** более узкие синтаксические возможности. Наиболее типична для этого синонима непосредственная препозиция к определяемому слову, хотя два других словорасположения тоже допустимы. Ср. *Отец, за неимением общения, стремится сохранить хоть бы символ его* (А. Битов. Жизнь в ветреную погоду); ср. *А инспектора роно Кашинцева забыли вовсе, и он, возмущенный, звонил в газету, говорил, что – – – пусть ни единым словом не отметили его пятидесятилетний юбилей, но уж это, это хоть бы он заслужил!* (Г. Бакланов. Карпухин); ср. *Левий Матвей бежал рядом с цепью в толпе любопытных, стараясь каким-нибудь образом незаметно дать знать Иешуа хоть бы уж то, что он, Левий, здесь, с ним* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [*хоть бы то*]; *А если ты человеку не платишь, значит, хоть бы должен его любить* (С. Довлатов. Ремесло) [*хоть бы любить*].

У **хоть** наиболее ограниченные синтаксические возможности. Эта частица является клитикой и может находиться либо в непосредственной препозиции, либо в непосредственной постпозиции к своему синтаксическому хозяину. Ср. *Завтра как раз было воскресенье – единственный день за эти две сумасшедшие недели, когда я хоть на час – на два мог засесть за свою любимую работу* (Ф. Абрамов. Слоп голубоглазый); *Ребенка хоть пожалей*.

Другое важное различие между синонимами касается того, какие именно группы слов они могут определять.

По крайней мере и в этом отношении обладает наибольшими возможностями. Эта частица может относиться к отдельным словам, именным и глагольным словосочетаниям и – в качестве вводного слова – целым предложениям. Ср. *Надо было посадить по крайней мере картошку; Надо было по крайней мере убрать со стола; По крайней мере, мне не надо будет заезжать в министерство; По крайней мере я теперь свободен* (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо).

Хоть бы и **хоть** могут относиться к отдельным словам, а также к различным именным и – реже – глагольным словосочетаниям, но не к предложениям; ср. *Ты мог хоть бы стол очистить, Ты мог хоть бы помыть посуду, Скажи хоть слово, Мог бы хоть заглянуть ко мне, но не *Хоть бы я теперь свободен, *Хоть я теперь свободен*.

Для **хоть**, в силу повышенной эмоциональности этого слова, типично употребление в восклицательных предложениях; ср. *Пряхина же приложила кулак ко лбу и закричала резким, высоким голосом: – Меня сживают со свету! Бог Господь! – – Да взгляни же хоть ты, Пречистая Матерь, что со мною делают в театре!* (М. Булгаков. Театральный роман). Для **хотя бы** это возможно, а для **по крайней мере** – нехарактерно.

■ С ■ Синоним **хоть** обладает наиболее специфической сочетаемостью. Он тяготеет к образованию устойчивых сочетаний с различными (часто имплицитно отрицательными) показателями малого количества или малой степени типа *крошечка, капелька, чуточка, толика, йота, крупница, на кончике пальца, чуть-чуть, немного, немножко, один, сколько-нибудь* [ну *хоть* сколько-нибудь], *какой-нибудь* [*Подарил бы хоть какой-нибудь пустяк*], *что-нибудь* [*Ну хоть чем-нибудь помоги*] и т.п.; см. также З.

Хоть употребляется в контексте лексем *хорошо, спасибо* и *ладно*; ср.: *Хорошо хоть ты хлеб не забыл купить; Спасибо хоть окно не выбили; Нахотавившись вдосталь над приунывавшими артистами, тетя Тося удовлетворенно заметила: – Ладно хоть гитару с аккордеоном не пропили* (В. Астафьев. Курица – не птица).

Для **хотя бы** также достаточно характерны контексты *малого количества и малой степени*; ср.: *Он жил один, хотя новые и старые знакомые не раз предлагали ему сдать хоть одну комнату из трех или хотя бы маленький мезонин с косым потолком – мезонин упирался в крышу* (В. Каверин. Силуэт на стекле).

Другие особенности сочетаемости см. в зоне З.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. 1997 – Структура словарной статьи словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. 1991 – Русская политическая метафора: материалы к словарю. М., 1991.
- Бульгина Т.В., Шмелев А.Д. 1997 – Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Васильева А.Н. 1972 – Частицы русской разговорной речи. М., 1972.
- Иорданская Л.Н. 1992 – Перформативные глаголы и риторические союзы // Festschrift für Viktor Jul'evič Rozenzvejg zum 80. Geburtstag. Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 1992. Sonderband 33.
- Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. 1974 – Значение и синтаксические свойства союза *а* // Научно-техническая информация. Сер. 2. № 9. 1974.
- Молотков А.И. 1967 – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967.
- Николаева Т.М. 1985 – Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985.
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Вып. 2 (в печати).
- Санников В.З. 1989 – Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989.
- Фужерон И. 1998 – Не заблудиться бы в трех "хотя" // ИАН СЛЯ. 1998. № 3.
- Шведова Н.Ю. 1960 – Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Широкова Е.Г. 1982 – Частица *-таки*: Семантика и условия употребления // Семиотика и информатика. Вып. 19. 1982.
- Шмелев Д.Н. 1960 – О "связанных" синтаксических конструкциях в русском языке // ВЯ. 1960. № 5.
- Lubensky S. 1995 – Russian-English dictionary of idioms. New York, 1995.
- Wierzbicka A. 1986 – Precision in vagueness: the semantics of English 'approximatives' // Journal of pragmatics. V. 10. 1986.

© 1999 г. А.В. ГЛАДКИЙ

НАБРОСОК ФОРМАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПАДЕЖА

Цель настоящей работы состоит в построении формального определения падежа существительного, которое позволило бы лучше понять логическую структуру интуитивных представлений, лежащих в основе традиционного понятия падежа – точнее, того идущего от греческой традиции понятия падежа, с которым мы впервые знакомимся, изучая русскую грамматику в начальной школе, а потом встречаемся "в другой одежде", если нам доведется изучать, например, латинский или один из балтийских языков. Первая попытка построения такого определения была предпринята автором около 30 лет назад [Гладкий 1969; 1973]. Предложенный тогда вариант определения автор рассматривал как предварительный [Гладкий 1973: 40] и с тех пор не раз возвращался к обдумыванию этого вопроса, но только сейчас решается опубликовать новый вариант, который, как ему представляется, лучше согласуется с традиционной идеей падежа.

1. Предварительные соображения. Среди всех традиционных грамматических категорий падеж обладает, по-видимому, наиболее сложной логической структурой. Природа категории падежа была предметом споров уже в древности [Античные теории 1966: 75–76], и эти споры не прекращаются до настоящего времени¹.

Попытаемся, однако, встать на "наивную" точку зрения – точку зрения человека, изучавшего падежи в школе, но не знакомого с лингвистическими теориями – и с этой точки зрения попробовать ответить применительно к современному русскому языку даже не на вопрос "Что такое падеж (существительного)?", а на более простой вопрос "Что такое существительное в дательном падеже?" (в предположении, что мы всегда можем отличить существительное от не-существительного). "Школьное" определение – "существительное, отвечающее на вопрос *кому?* или *чему?*" – придется сразу забраковать как содержащее порочный круг: ведь *кому* и *чему* – формы дательного падежа вопросительных местоимений *кто* и *что*, но эти местоимения в синтаксическом аспекте представляют собой существительные, и определение их падежа должно содержаться в определении падежа существительного, а не предшествовать ему². Можно, конечно, просто сослаться на таблицы склонения и сказать: существительное в дательном падеже – это такая словоформа, которая для таких-то основ оканчивается на *-у*, для таких-то на *-е* и т.д. На такой способ чрезвычайно "непоучителен": он ни на шаг не приближает нас к пониманию природы категории падежа. А сверх того мы наталкиваемся здесь на серьезное затруднение: ведь, например, *стене* может быть формой либо дательного падежа, либо предложного. Определить падеж

¹ Обзором различных теорий падежа, предлагавшихся в древности, в Средние века и в Новое время, посвящены разделы А, В, С первой части книги [Hjelmstedt 1935] и книга [Serbat 1980].

² Несостоятельность такого способа определения падежа как в научном, так и в методическом аспекте убедительно доказана А.М. Пешковским [Пешковский 1919]. Кроме указанного порочного круга, он отметил ряд других несообразностей – в частности, то обстоятельство, что "значения падежных форм ... допускают, а иногда и **требуют** других вопросительных слов в речи. Нельзя спросить *Он был в чем?* и ответить – *в деревне*, *Из чего он вышел?* – *Из дому*, *Кого ручку он взял?* – *сестры* и т.д."

слова, взятого изолированно, вне текста, в общем случае невозможно. И даже с "наивной" точки зрения мы неизбежно приходим к выводу, что падеж существительного зависит от его роли в предложении.

Однако совокупность таких ролей, отвечающих, скажем, тому же русскому дательному падежу, трудно четко выделить и систематизировать – трудно не только "наивному" носителю языка, но и искушенному лингвисту. И возникает впечатление, что категория падежа – не что-то "внутреннее присущее" языку (как, например, категория числа), а скорее какая-то "сетка", наброшенная на него грамматикой – нечто вроде системы координат.

Это впечатление еще усилится, если мы проделаем мысленный эксперимент: вообразим, что в русском языке исчезли все одушевленные существительные и все существительные 1-го склонения. Лингвист, знакомый только с таким состоянием языка, несомненно, выделил бы в нем не шесть падежей, а только пять, не различая именительный и винительный. Аналогично, если бы в латинском языке остались только существительные 2-го склонения, совпали бы *Dativus* и *Ablativus*, а если бы остались только существительные среднего рода – *Nominativus* и *Accusativus*.

Такую "сетку" можно наложить на язык, конечно, лишь в том случае, когда синтаксическая и/или семантическая роль существительного в предложении так или иначе влияет на его форму. Но есть еще одно условие, при невыполнении которого "падежная сетка" оказывается тривиальной и, в сущности, ненужной: в рассматриваемом языке должно быть некоторое число достаточно представительных классов существительных, различающихся между собой способами оформления одних и тех же синтаксических и/или семантических ролей. (Мы назовем их условно "ролевыми классами.") При этом способы распределения ролей между формами в разных классах могут быть разными. Например, в русском языке единственное число лексемы *отец* имеет пять форм, а единственное число лексемы *мать* – только три, причем форма *мать* выполняет все роли, выполняемые формой *отец*, и часть ролей, выполняемых формой *отца*, а форма *матери* – остальную часть ролей, выполняемых формой *отца*, и все роли, выполняемые формами *отцу* и *отце*.

Примером языка, удовлетворяющего первому условию и не удовлетворяющего второму, может служить венгерский. В нем имеется много форм существительных, каждая из которых отвечает некоторому набору ролей, и для каждого такого набора отвечающая ему форма образуется всегда одинаковым образом³ – с помощью суффикса, не зависящего ни от типа основы, ни от наличия других суффиксов (множественного числа и лично-притяжательных). И, видимо, не случайно традиционная венгерская грамматика обходится без понятия падежа и имеет дело лишь с конкретными "прилепами" (*pérvagok*).

2. Исходные понятия. Система исходных понятий, используемая при построении формального определения падежа, должна давать возможность для каждого конкретного языка представлять в формализованном виде те сведения о его строении, которые необходимы для набрасывания на него "падежной сетки", если только на данный язык ее можно набросить. Желательно, конечно, чтобы эта система не содержала ничего лишнего.

Как во всякой формализованной теории, наши исходные понятия будут неопределяемыми. Это значит, что в рамках самой теории они не получают никаких определений. Но мы будем сопровождать их введение содержательными комментариями (остающимися, само собой, вне этих рамок).

Наша система исходных понятий состоит из следующих компонентов:

1) Конечное множество *V*, элементы которого будут называться **лексически значимыми сегментами**.

³ С точностью до фонетических вариантов, наличие которых обусловлено гармонией гласных.

Комментарий. Понятие лексически значимого сегмента является в определенном смысле промежуточным между понятием сегмента в смысле А.А. Зализняка и понятием словоформы. В книге [Зализняк 1967] сегмент определяется как "единица внешней стороны текста" (что применительно к письменной форме языка означает просто "цепочку букв от пробела до пробела с поставленным знаком ударения"), а под словоформой понимается "слово как двусторонняя единица текста". Таким образом, словоформу можно понимать как сегмент вместе с его лексическим значением и всеми грамматическими значениями. Что же касается лексически значимого сегмента, то это сегмент вместе с его лексическим значением, но без каких бы то ни было грамматических значений.

Далее мы для краткости будем называть лексически значимые сегменты просто **сегментами**.

2) Два подмножества множества V , которые мы будем обозначать S и P и интерпретировать соответственно как множество существительных и множество предлогов и/или послелогов. Элементы S мы будем называть **S -сегментами**.

3) Конечное множество Q цепочек (т.е. конечных последовательностей) сегментов, содержащее в качестве элементов некоторые (в частном случае – все) цепочки вида ps или sp , где $s \in S, p \in P$, а также все одноэлементные цепочки (т.е. попросту все сегменты). Элементы множества Q мы будем называть **обобщенными словами**.

Комментарий. Обобщенные слова, отличные от сегментов, интерпретируются как "составные слова", т.е. сочетания слов, в синтаксическом отношении эквивалентные отдельным словам. Сюда относятся, в частности, сочетания предлогов (или послелогов) с подходящими формами существительных. Кроме того, мы будем причислять к обобщенным словам аналитические формы глаголов.

4) Конечный набор $R_1, \dots, R_m$ бинарных отношений на множестве Q , называемых **потенциальными поверхностно-синтаксическими отношениями (ППСО)**.

Комментарий. Содержательный смысл ППСО состоит в следующем. Обозначим через $T_1, \dots, T_m$ поверхностно-синтаксические отношения (ПСО) [Мельчук 1974: гл. II, § 1]. (Вопрос о том, в какой мере набор этих отношений является универсальным, для наших целей не имеет значения.) Тогда наличие отношений R_i между обобщенными словами x и y означает, что существуют грамматически правильные (не обязательно осмысленные) предложения рассматриваемого языка, в которых x синтаксически подчиняет y , причем в поверхностно-синтаксических структурах этих предложений между узлами, отвечающими x и y , имеется отношение T_i . (Ради простоты мы игнорируем сейчас то обстоятельство, что узлами описанных в книге [Мельчук 1974] поверхностно-синтаксических структур являются не обобщенные слова, а просто слова. Строго говоря, здесь следовало бы пользоваться системами синтаксических групп [Гладкий 1985].)

Если между обобщенными словами x и y имеется отношение R_i , мы будем говорить, что **обобщенное слово x управляет обобщенным словом y по типу i** .

В дальнейшем мы будем обозначать через T_1 предикативное ПСО (связывающее сказуемое с подлежащим), через T_2, T_3, T_4 – соответственно 1-е, 2-е и 3-е комплементное (связывающее сказуемое с 1-м, 2-м или 3-м дополнением), через T_5 – атрибутивное, через T_6 – обстоятельственное и через T_7 – агентивное (*рассматривается комиссией* и т.п.). При таком соглашении очевидно, что, например (для русского

языка), сегмент *подарил* связан отношением R_1 с сегментом *отец*, отношением R_2 с сегментом *сыну* и отношением R_3 с сегментом *книгу*⁴.

5) Конечный набор $D_1, \dots, D_i$ бинарных отношений на множестве Q , называемых **потенциальными семантическими отношениями (ПСемО)**.

Комментарий. Содержательный смысл ПСемО состоит в следующем. Обозначим через $U_1, \dots, U_i$ некоторый набор семантических отношений между лексемами рассматриваемого языка (не обязательно полный или сколько-нибудь приближающийся к полному; достаточно, чтобы он содержал те отношения, которые в этом языке влияют на форму существительного). Тогда ПСемО относятся к $U_1, \dots, U_i$ так же, как ППСО к $T_1, \dots, T_m$ ⁵.

Этот компонент нужен только для определения семантических падежей (см. ниже, раздел 4). Если в рассматриваемом языке таких падежей нет, он отсутствует.

б) Некоторым ППСО могут быть сопоставлены **указания о согласовании**. Такое указание для отношения R_i представляет собой конечное множество C_i , элементы которого суть подмножества Q , состоящие не менее чем из двух элементов каждое и называемое **согласовательными срезами**.

Комментарий. Согласовательные срезы интерпретируются следующим образом. Пусть L – множество всех форм некоторой лексемы, и некоторые (быть может, все) элементы L управляют какими-то существительными по типу i , согласуясь с ними при этом по каким-то грамматическим категориям (эти категории мы будем называть **согласуемыми**). Тогда согласовательные срезы – это максимальные не одноэлементные подмножества множества L , такие, что для всех их элементов значения всех несогласуемых категорий совпадают (иначе говоря, максимальные не одноэлементные подмножества множества L , элементы которых различаются только значениями согласуемых категорий).

Поясним это на примере. Пусть L – подмножество всех форм некоторого русского глагола⁶. Тогда для ППСО R_1 (напомним, что оно отвечает предикативному отношению, так что управление глагола существительным по типу 1 означает, что это существительное может служить при нем подлежащим) согласуемыми категориями будут – при условии, что личные местоимения отнесены к существительным – лицо, число и род, несогласуемыми – залог, наклонение и время. Таким образом, согласовательные срезы, образующие множество C_1 , будут состоять из всех форм одного залога, одного наклонения и одного времени, например: {читаю, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ют}, {читал, -а, -о, -и} и т.п.

Необходимо подчеркнуть, что для фактического выделения согласовательных срезов нужно знать только несогласуемые категории, а они заведомо не зависят от категории падежа существительного.

3. Определение синтаксического падежа. Синтаксическими падежами существительного мы называем те падежи, которые определяются исключительно его син-

⁴ Таким образом, мы относим связь между сказуемым и подлежащим к числу подчинительных и в соответствии с этим считаем именительный падеж управляемым (см. ниже). Такой же точки зрения придерживается И.А. Мельчук [Мельчук 1974; 1998]. В традиционных описаниях русского языка принята другая точка зрения, согласно которой связь между сказуемым и подлежащим не является подчинительной (см., например [Русская грамматика 1980]). Впрочем, представление об именительном падеже как управляемом – далеко не новое; как отмечает Л. Ельмслев [Hjelmslev 1935: 22], оно восходит к Средним векам.

⁵ Здесь может возникнуть вопрос: что означают семантические отношения между словами в грамматически правильном, но не осмысленном предложении? Но если понимать грамматическую правильность как "потенциальную осмысленность", такие отношения также нетрудно осмыслить.

⁶ К которым мы не относим формы причастия, считая его, таким образом, отдельной лексемой.

таксической ролью. Ролевые классы, участвующие в образовании таких падежей, также определяются исключительно синтаксическими ролями.

Для всего дальнейшего очень важно, что все роли, от которых зависят падежи существительного, рассматриваемые в настоящей работе – пассивные⁷. (Это относится как к синтаксическим падежам, так и к семантическим, рассматриваемым ниже.) Таким образом, ролевые классы, с которыми нам придется сейчас иметь дело – это классы существительных, допускающих один и тот же "тип управления".

Перейдем теперь к точным определениям. Ради простоты мы допустим, что множество Q не содержит цепочек вида sp , где $s \in S, p \in P$, и в соответствии с этим будем называть элементы P **предлогами**. (Распространение определений на общий случай не представит никаких трудностей.)

1) Будем называть i -ой областью беспредложного управления обобщенного слова x и обозначать N_x^i множество всех S -сегментов, которыми x управляет по типу i .

2) Будем называть i -ой областью управления обобщенного слова x через предлог p и обозначать $N_x^{i,p}$ множество всех S -сегментов s , таких, что x управляет обобщенным словом ps по типу i .

Ради упрощения дальнейших определений вместо N_x^i мы часто будем писать $N_x^{i,\Lambda}$. (Λ – обычное обозначение "пустой цепочки символов".)

Пример. Для современного русского языка 1-я область беспредложного управления обобщенного слова (в данном случае – сегмента) *подарил* состоит из таких сегментов, как *брат, друг, кот, дом...*⁸ (но не таких, как *братья, дома, сестра, окно...*); 2-я область беспредложного управления – из таких, как *брата, братьев, дом, дома, сестру, сестер, книгу, книги, окно, окна...*; 3-я – из таких, как *брата, братьям, дому, домам, сестре, сестрам, окну, окнам...*; 2-я область управления сегмента *разговариваю* через предлог *с* состоит из таких сегментов, как *братом, братьями, домом, домами, сестрой, сестрами, окном, окнами...*; 3-я область управления того же сегмента через предлог *про* – из таких сегментов, как *брата, братьев, дом, дома, сестру, сестер, окно, окна...*; 5-я область беспредложного управления сегмента *фотография* состоит из таких сегментов, как *брата, братьев, дома, домов, сестры, сестер, окна, окон...*; 6-я область управления сегмента *прыгал* через предлог *на* состоит из таких сегментов, как *стол, столы, столе, столах, табуретку, табуретки, табуретке, табуретках, сиденье, сиденья, сиденьях...*; 7-я область беспредложного управления сегмента *рассматривается* – из таких сегментов, как *комитетом, комитетами, комиссией, комиссиями, правлением, правлениями...*

3) Мы будем называть область управления **минимальной**, если он не содержит никакой области управления, отличной от нее самой.

В нашем примере все области управления минимальны, кроме предпоследней, содержащей, в частности, 2-ю область беспредложного управления сегмента *видит* (состоящую из таких сегментов, как *стол, столы, табуретку, табуретки, сиденье, сиденья, ...*).

4) **Связкой областей управления** мы будем называть всякое множество, являющееся для некоторых заданных i и p объединением всевозможных множеств вида $N_x^{i,p}$ по всем x , входящим в некоторый заданный согласовательный срез, принадлежащий множеству S . Иначе говоря, связка областей управления есть множество всех тех

⁷ Иначе говоря, рассматриваемая нами категория падежа – это категория управляемого падежа в смысле И.А. Мельчука (см. [Мельчук 1998: 325]).

⁸ Вспомним, что при интерпретации ППСО мы исходим из понятия грамматически правильного предложения, не обязанного быть осмысленным.

S-сегментов, которые управляются через некоторый заданный предлог (возможно, "пустой") по некоторому заданному типу всевозможными сегментами, входящими в некоторый заданный сопоставленный этому типу согласовательный срез.

Пример. Рассмотрим согласовательный срез, состоящий из всех форм настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения глагола *читать*: { *читаю*, *-ешь*, *-ет*, *-ем*, *-ете*, *-ют* } (см. пример в конце раздела 2). Этот срез принадлежит множеству C_1 . (Напомним, что множество C_1 сопоставлено потенциальному поверхностно-синтаксическому отношению R_1 , которое отвечает предикативному ПСО.) Положим $i = 1, p = \Lambda$. Для каждого сегмента x , принадлежащего выбранному нами срезу, множество $N_x^{1,\Lambda} = N_x^1$ состоит из всех S-сегментов, управляемых сегментом x по типу 1. Например, $N_{читаю}^1$ состоит из одного сегмента *я*, $N_{читает}^1$ – из таких сегментов, как *брат*, *сестра*, *дитя*, *дом*, *комната*, *село*, $N_{читают}^1$ – из таких сегментов, как *братья*, *сёстры*, *дети*, *домá*, *комнаты*, *сёла*. Легко себе представить и остальные три множества N_x^1 . Объединение всех этих шести множеств будет состоять, очевидно, из всевозможных S-сегментов, отвечающих формам именительного падежа.

5) **Синтаксическим падежом** мы будем называть всякое множество, являющееся либо минимальной областью управления, либо связкой областей управления.

Пример. Шесть основных русских падежей (точнее, множества сегментов, являющихся формами этих падежей) представляют собой синтаксические падежи в смысле только что сформулированного определения.

Именительный падеж, как мы только что видели, можно охарактеризовать как связку областей управления, отвечающую согласовательному срезу, состоящему из всех форм настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения глагола *читать*; при этом ясно, что настоящее время можно заменить здесь прошедшим или будущим, а глагол *читать* – любым другим не безличным глаголом.

Родительный падеж можно определить как 5-ю область беспредложного управления произвольного S-сегмента (или как 1-ю область беспредложного управления сегмента *нет*); минимальность этой области управления не вызывает сомнений.

Дательный падеж – это 3-я область беспредложного управления сегмента *даю*, или 2-я область беспредложного управления сегмента *радуюсь*, или 2-я область управления сегмента *иду* через предлог *к* или *по* (причем каждый из приведенных сегментов можно заменить любой другой личной формой того же глагола); нетрудно указать много других аналогичных способов определить этот падеж.

Винительный падеж – это 2-я область беспредложного управления сегмента *вижу*, или сегмента *рисую*, или любой другой личной формы переходного глагола.

Творительный падеж – это 2-я область беспредложного управления сегмента *занимаюсь* или сегмента *доволен*, или 3-я область беспредложного управления сегмента *рисую*, или 6-я область управления сегмента *стою* через предлог *над*, или 7-я область беспредложного управления сегмента *рассматривается*; легко указать и здесь другие способы определения.

Предложный падеж можно определить, например, как 3-ю область управления сегмента *думаю* через предлог *о* или 6-ю область управления сегмента *произошло* через предлог *при*.

Так называемый 2-й предложный (местный) падеж также является синтаксическим падежом в указанном смысле: он может быть определен, например, как 6-я область управления сегмента *нахожусь* через предлог *в* или *на*. В то же время 2-й родительный (партитивный) падеж под это определение не подходит, поскольку он не является ни

минимальной областью управления, ни связкой областей управления. Здесь, несомненно, проявляется существенное типологическое различие между основными падежами и 2-м предложным с одной стороны и 2-м родительным с другой. (Ср. описание этих падежей в [Зализняк 1967; 1973].)

4. Определение семантического падежа. Семантическими падежами существительного мы называем те падежи, которые определяются не только его синтаксической ролью, но и семантической. Релевные классы, участвующие в образовании таких падежей, также определяются как синтаксическими, так и семантическими ролями⁹.

Точные определения выглядят следующим образом:

1) Пусть D – одно из ПСемО $D_1, \dots, D_i$ (см. раздел 2), R_i – некоторое ППСО, x – некоторое обобщенное слово и p – некоторый предлог, причем ради сокращения формулировок мы будем причислять к предлогам также "пустую цепочку символов" Λ . Будем называть **областью семантической зависимости** обобщенного слова x **через предлог p по отношению D и синтаксическому типу i** и обозначать $K_x^{D,i,p}$ множество всех S -сегментов s , таких, что между обобщенными словами x и ps имеются отношения D и R_i . Множество $K_x^{D,i,\Lambda}$ мы будем обозначать также $K_x^{D,i}$ и называть **областью беспредложной семантической зависимости по отношению D и синтаксическому типу i** обобщенного слова x .

2) Мы будем называть область семантической зависимости **минимальной**, если она не содержит никакой области семантической зависимости, отличной от нее самой.

3) **Семантическим падежом** мы будем называть всякую минимальную область семантической зависимости, обладающую тем свойством, что она не может быть областью семантической зависимости по двум или более разным отношениям (даже для разных обобщенных слов, разных предлогов и разных синтаксических типов).

Таким образом, семантический падеж отличается от синтаксического не только тем, что наряду с синтаксической ролью в его определении участвует семантическая. Другое, не менее фундаментальное различие состоит в том, что синтаксический падеж может определяться одновременно несколькими синтаксическими отношениями, а семантический всегда определяется только одним семантическим отношением. Представляется, что именно благодаря единственности семантического отношения падеж получает "семантическую окраску". (Кроме того, здесь нет никакого аналога понятия связки областей управления. Такой аналог, вероятно, можно было бы ввести, но автор не располагает примерами случаев, когда это было бы нужно.)

Примерами семантических падежей могут служить русские 2-й предложный и 2-й родительный падежи. В самом деле: пусть L – ПСемО, отвечающее семантическому отношению "Быть местом, где", т.е. отношению между личной формой глагола и обстоятельством, обозначающим "местонахождение" в широком смысле слова, без различия таких оттенков, как "внутри", "на поверхности" и т.п. (но не обозначающим направления движения). Тогда 2-й предложный падеж можно определить как область семантической зависимости личной формы глагола по отношению L и 6-му синтаксическому типу через предлог *в* или *на*. Аналогичным образом, если $Part$ – ПСемО, отвечающее семантическому отношению "Распространяться на часть или некоторое количество", то 2-й родительный падеж можно определить как область беспредложной семантической зависимости сегмента *дал* по отношению $Part$ и 2-му синтаксическому типу. Минимальность и выполнение условия единственности семантического отношения в обоих случаях представляются очевидными.

⁹ Таким образом, мы употребляем термины "синтаксический падеж" и "семантический падеж" в том же смысле, в каком их использует И.А. Мельчук [Мельчук 1998: 327]. В статье Е. Куриловича [Kurutowicz 1949], где эти термины появились, видимо, впервые (см. сноску на с. 186 русского перевода), они употребляются в ином смысле.

Может случиться, что некоторый семантический падеж является одновременно и синтаксическим падежом. В таком случае мы будем называть его **семантико-синтаксическим**. Семантический падеж, не являющийся синтаксическим, мы будем называть **чисто семантическим**, синтаксический падеж, не являющийся семантическим – **чисто синтаксическим**¹⁰.

Все основные русские падежи являются, по-видимому, чисто синтаксическими. 2-й предложный падеж, как следует из сказанного выше, – семантико-синтаксический, 2-й родительный – чисто семантический.

Еще одним примером семантико-синтаксического падежа может служить, по-видимому, латышский местный падеж, который может быть определен либо как 6-я область беспредложного управления личной формы глагола, либо как область беспредложной семантической зависимости личной формы глагола по только что введенному отношению *L* (и тому же 6-му синтаксическому типу). (Минимальность и выполнение условия единственности семантического отношения представляются очевидными и здесь.)

Напрашивается гипотеза, что если в каком-либо языке имеется несколько пространственных падежей, то эти падежи – чисто семантические. Однако эта гипотеза нуждается в проверке для каждого конкретного языка, поскольку в ходе эволюции семантические падежи могут, по-видимому, "синтаксизироваться" (в частности, в связи с развитием абстрактной лексики).

В качестве примера рассмотрим венгерский язык. Как уже говорилось в разделе 1, в традиционной венгерской грамматике понятие падежа отсутствует. Но во многих нетрадиционных описаниях (в основном принадлежащих перу иностранных лингвистов) говорится о богатой системе венгерских падежей, каждый из которых оформляется единственной прилепой. Все эти падежи выделяются и с помощью наших определений. По крайней мере четыре из них должны быть, по-видимому, признаны чисто синтаксическими: именительный, оформляемый "нулевой прилепой", винительный, оформляемый прилепой *-t*¹¹, дательный, оформляемый прилепой *-nak/-nek*, а также падеж, оформляемый прилепой *-vall/-vel* (на русский язык он чаще всего переводится творительным падежом без предлога или с предлогом *с*): для него вряд ли можно указать единственное семантическое отношение, которому он соответствовал бы, и в то же время он, видимо, может быть определен, например, как 2-я область беспредложного управления сегмента *büskélkedik* "гордится" или 3-я область беспредложного управления сегмента *fertőz* "заражает" (См. схемы управления соответствующих глаголов, приведенные в словаре [Apreszjan, Páll 1982].) Кроме того, для личных форм многих глаголов он совпадает, по-видимому, с их 2-ми или 3-ми областями управления через послелог *szemben, együtt*. С другой стороны, по крайней мере один падеж – темпоралис, оформляемый прилепой *-kor* – является чисто семантическим. Что же касается пространственных падежей, то их, скорее всего, следует считать семантико-синтаксическими. Например, падеж, оформляемый прилепой *-ban/-ben* и выражающий, как обычно говорят, отношение "нахождения внутри" ("инессив"), может быть определен, видимо, не только как область беспредложной семантической зависимости личной формы глагола по соответствующему ПСемО (и 6-му синтаксическому типу), но и как 2-я область беспредложного управления сегмента *kétkeldek* (сомневается), или 3-я область беспредложного управления сегмента *megegyősit* "утверждает в чем-л.", а падеж, оформляемый прилепой *-ra/-re* и выражающий отношение "движения

¹⁰ И.А. Мельчук [Мельчук 1998: 325] замечает, что "чисто семантический падеж, в отличие от чисто синтаксического, невозможен". Но здесь выражение "чисто семантический падеж" имеет другой смысл: оно означает "падеж, не выражающий никакой синтаксической роли".

¹¹ Заметим, что не только именительный, но и винительный падеж должен определяться здесь с использованием связки областей управления (ввиду наличия категории определенности/неопределенности, по которой переходный глагол согласуется с прямым дополнением).

на поверхность" – не только как область беспредложной семантической зависимости личной формы глагола по соответствующему СемПО (и 6-му синтаксическому типу), но и как 2-я область беспредложного управления сегмента *hivatkozik* "ссылается" или 3-я область беспредложного управления сегмента *emlékeztet* "напоминает".

Все эти соображения носят, разумеется, предварительный характер, как, впрочем, и приведенные выше утверждения, относящиеся к русскому и латышскому языкам. Для каждого конкретного языка вопрос о синтаксическом или семантическом характере падежей, выделяемых в нем с помощью наших определений (а также, конечно, о том, в какой мере эти падежи соответствуют традиционным), нуждается в специальном исследовании.

Заключение. Подведем теперь некоторые итоги. Мы построили формальную модель, которая позволяет, исходя из некоторой строго ограниченной совокупности сведений о лексемах, включающей в себя, в частности, задание класса существительных, выделить в этом классе подклассы, отвечающие падежам. При этом мы не касались вопроса о том, каким образом можно для заданного вхождения существительного (точнее, сегмента-существительного) в предложение определить, какой из возможных для него падежей следует ему приписать. Решение этой задачи может оказаться не таким уж простым (особенно для тех случаев, когда данное вхождение существительного не является управляемым), и она должна быть предметом отдельного исследования.

Представляется весьма правдоподобным, что понятие падежа, описываемое нашей моделью, совпадает с традиционным не только по объему, но и по содержанию. Иными словами, есть основания рассматривать эту модель как экспликацию той лингвистической интуиции, которая лежит в основе традиционного понятия падежа. Это лишний раз подтверждает ту истину – если она еще нуждается в подтверждении, – что возникшее в XX столетии стремление к строгому логическому анализу и уточнению лингвистических понятий вовсе не означает разрыва со старыми традициями, и противопоставление "традиционной" и "структурной" лингвистики как наук с разными методами не имеет под собой реальной почвы. Древнее учение о грамматических категориях опирается на стройную систему абстрактных понятий, полностью сохраняющую свое значение и в наше время; но сейчас становится возможным и необходимым переход на более высокий уровень абстракции, отвечающий современным требованиям к логическому строению научных концепций. Напрашивается сравнение с геометрией; она тоже опирается на систему абстрактных понятий, разработанную еще в древности, но эта система была в прошлом столетии уточнена в соответствии с возросшими требованиями к логической строгости, благодаря чему геометрия добилась значительного продвижения, в том числе в таких направлениях, которые до перехода на более высокий уровень абстракции невозможно было бы даже наметить.

Грамматика, как и геометрия, создана греческим гением, и в обоих случаях ярко проявилась свойственная ему склонность к абстракции и систематизации. Но в отношении учения о падеже можно отметить еще одно обстоятельство, благоприятствовавшее, по всей вероятности, созданию этого учения: простое строение и ясную очерченность в древнегреческом языке "ролевых классов" существительных. Если отвлечься от двойственного числа, в историческую эпоху употреблявшегося редко, и от звательного падежа, о котором мы скажем чуть позже, мы увидим в этом языке всего один, и притом очень простой, тип вполне регулярной "падежной омонимии" – совпадение форм именительного и винительного падежей обоих чисел имен среднего рода, – и еще один тип, не так сильно бросающийся в глаза: совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа некоторых имен мужского и женского рода (таких, как $\rho\rho\epsilon\sigma\upsilon\varsigma$, $\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$, $\delta\upsilon\alpha\mu\iota\varsigma$). Второй тип "менее заметен" не только из-за сравнительной немногочисленности склоняющихся по нему имен, но и потому, что формы артикля остаются здесь различными, так что это "не совсем настоящая" падежная омонимия. Вне этих двух типов имеются лишь единичные слу-

чаи совпадения форм разных падежей (например, именительного и винительного падежей единственного числа существительного $\tau\epsilon\iota\ \theta\acute{\omega}$, не имеющего множественного числа).

В двойственном числе формы именительного и винительного падежей регулярно совпадают у всех имен, и столь же регулярно совпадают формы родительного и дательного.

Получается, таким образом, простая и стройная картина – значительно более простая, чем для латинского или русского языка.

Что же касается вокатива, то он, как считается, был включен в систему падежей в I в. до н.э. Дионисием Фракийцем, в то время как остальные греческие падежи были введены в рассмотрение значительно раньше¹².

Наша модель не выделяет вокатив ни в качестве синтаксического, ни в качестве семантического падежа, и это, как нам представляется, свидетельствует о правоте тех авторов, которые рассматривают его как чужеродный элемент в падежной системе¹³.

Было бы очень интересно провести экспериментальные исследования с привлечением достаточно обширного и представительного текстового материала, чтобы точно выяснить, что дает наша модель в применении к различным языкам. Если такое исследование хотя бы для таких языков, как древнегреческий, латинский и русский, приведет к системам падежей, в основном совпадающим с традиционными, это будет серьезным доводом в пользу утверждения, что данную модель действительно можно считать экспликацией той самой интуиции, на которой основана традиционная концепция падежа; с другой стороны, такая экспликация позволит лучше понять строение этой концепции и, в частности, внести некоторую ясность в вопрос, служащий предметом давних споров: является ли категория падежа по своей природе синтаксической или семантической? Если же для некоторых языков получатся системы, отличные от традиционных, то это, быть может, приведет к выявлению типологических различий между категориями, по традиции называемыми для разных языков одним именем*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Античные теории 1936 – Античные теории языка и стиля / Под общей редакцией О.М. Фрейденберг. М.;Л., 1936. (2-е изд: СПб., 1996).
- Гладкий А.В. 1969 – К определению падежа и рода существительного. // ВЯ. 1969. № 2.
- Гладкий А.В. 1973 – Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного // Проблемы грамматического моделирования / Под ред. А.А. Зализняка. М., 1973.

¹² В 1931 г. Э. Зиттиг [Sittig 1931] высказал мнение, что понятие о падежах существовало уже в VI в. до н.э., причем упорядочивались они так же, как сейчас. Основанием для этого послужило ему стихотворение Анакреонта (фр. 3), подлинность которого, как он замечает, никогда не оспаривалась:

Κλευβούλου μὲν ἔγωγ' ἐρέω,
Κλευβούλω δ' ἐπιμαίνομαι,
Κλευβούλου δὲ διοσκέω.

(Возможно, что здесь утрачена первая строка, на что указывает и μὲν в начале.)

В качестве еще одного доказательства справедливости утверждения Зиттига можно привести следующие строки Архилоха (фр. 70), где налицо все четыре падежа:

νῦν δὲ Λεώφιλος μὲν ἄρχει, Λεωφίλου δ' ἐπικρατεῖν,
Λεωφίλω δὲ πάντα κεῖται, Λεωφίλου δ' ἀκούε(τε).

¹³ Такой точки зрения придерживался Л. Ельмслев, исключивший вокатив из "падежной категории" (la catégorie casuelle) на том основании, что он, в отличие от настоящих падежей, не выражает отношения между двумя предметами (см. [Hjelmslev 1935: 97]). Ср. также следующее замечание Э. Зиттига [Sittig 1931: 3]: "Wie wir wissen, hatten schon die Stoiker die sprachwissenschaftlich richtige Erkenntnis, dass der Vokativus als προσαγορευτικόν πρᾶγμα kein Kasus in Satzgefüge sei, sondern ein kleiner eingeschobener Satz für sich, der ohne weiteres syntaktisch losgelöst werden kann."

* Автор благодарен Ю.Д. Апресяну, внимательно прочитавшему рукопись и сделавшему ряд важных замечаний.

- Гладкий А.В. 1985 – Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М., 1985.
- Зализняк А.А. 1967 – Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк А.А. 1973 – О понимании термина "падеж" в лингвистических описаниях. I. // Проблемы грамматического моделирования / Под ред. А.А. Зализняка. М., 1973.
- Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "смысл $\leftrightarrow$ текст". М., 1974.
- Мельчук И.А. 1998. – Курс общей морфологии. Т. II. М.; Вена, 1998.
- Пешковский А.М. 1919 – Вопрос о "вопросах" // Родной язык в школе. 1919–1922. Кн. 1; 1923. Кн. 3. (Перепечатка: Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959).
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.
- Apreszjan J.D., Páll E. 1982 – Orosz ige – magyar ige. Vonzatok és kapcsolódások. 1, 2. Budapest, 1982.
- Hjelmslev L. 1935 – La catégorie des cas. Étude de grammaire générale. Première partie. Aarhus, 1935.
- Kuryłowicz J. 1949 – Le problème du classement de cas // Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego. T. 9. 1949 (Русский перевод: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.)
- Serbat G. 1980 – Cas et fonction. Étude des principales doctrines casuelles du Moyen Age à nos jours. Paris, 1980.
- Sittig E. 1931 – Das Alter der Anordnung unserer Kasus und der Ursprung ihrer Bezeichnung als "Fälle" // Tübinger Beiträge zur Altertumswissenschaft. Hf. XIII. Stuttgart, 1931.

© 1999 г. И.Э.С. РАХМАНКУЛОВА

**МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ В ДИАХРОНИИ**

Обращаясь к отображению в языке окружающей человека действительности, можно прийти к заключению, что природа языковой единицы определяется очень сложной и подвижной совокупностью следующих факторов: 1) экстралингвистических, обусловленных объективной природой отображаемой реальности; 2) концептуальных, обусловленных закономерностями отражения объективного мира в сознании человека; 3) собственно языковых, обусловленных закономерностями, действующими в определенном языке. Для диахронических исследований следует отметить особую важность первого и третьего фактора: экстралингвистического и собственно языкового. Концептуальное значение для диахронических исследований играет, по нашему мнению, меньшее значение, ведь как считает один из современных философов, древние по-другому познают мир и их познание нам так же чуждо, как пещера циклопа или остров Цирцеи [Herbig 1991: 10].

Известный исследователь истории немецкого языка Р. Гроссе, работая над словарем древневерхненемецкого языка, написал, что любая новая лингвистическая модель, любая грамматическая или семантическая теория только тогда может считываться на полное признание, когда она оправдывает себя при рассмотрении исторического материала [Grosse 1977: 11].

Предложенный мною метод пяти структурно-функциональных моделей предложения [Рахманкулова 1974], разработанный на 100.000 примеров из картотеки "Словаря современного немецкого языка" Р. Клаппенбах и В. Штайница [Klappenbach, Steinitz, Hrsg. 1977], был успешно использован Г. Байталовой на представительном древневерхненемецком, средневерхненемецком и ранненововерхненемецком материале [Baitalowa 1988a]. Ею было подтверждено функционирование на всех этих стадиях развития немецкого языка пяти разработанных мною моделей предложения. Г. Байталова провела весьма тонкий анализ путей развития многозначности в системе немецкого глагола. Причем, следует отметить, что наложение сетки пяти структурно-функциональных моделей предложения не обеднило работу, а, наоборот, дало простор для диахронического обозрения через века развития немецкого языка. Г. Байталова смело вторглась в механизм семантического функционирования глагольных единиц, проведя глубокие наблюдения за развитием семантических явлений от их возникновения до полного расцвета. Причем ею был специально выделен глагол *bekommen* как наиболее многозначный глагол в древневерхненемецком периоде развития немецкого языка. Г. Байталова отметила также и необычность лексической семантики глагола *bekommen*, состоящую в том, что в древневерхненемецком (ahd) этот глагол был как непереходным, так и переходным, в средневерхненемецком (mhd) в основном непереходным, а в ранненововерхненемецком (fnhd) только переходным. Точка зрения Г. Байталовой относительно глагола *bekommen* полностью совпадает с трактовкой лексической семантики этого глагола Я. Гриммом и В. Гриммом в их многотомном словаре [Grimm J., Grimm W. 1854: 90, 1425]. Авторы словаря предлагают даже будущим исследователям решить проблему разрыва (Kluft) между употреблением глагола *bekommen* в средневерхненемецкий период и в современном немецком языке.

Как известно, глагол *bekommen* является самым типичным представителем лексико-семантической группы глаголов "получения". Так, в ответ на просьбу, адресованную немцу-информанту или любому, владеющему немецким языком, дать пример глагола со значением "получения" ответом будет глагол *bekommen*. Глаголы той же ЛСГ *kriegen* и *erhalten* являются стилистически окрашенными. И если глагол *kriegen* во всех случаях употребления глагола *bekommen*, приведенных Гриммами, может заменить этот глагол, то глагол *erhalten* только в двух случаях из восьми [Grimm J., Grimm W. 1854: 90, 1428].

В нашем исследовании мы попытаемся вскрыть динамику перехода семантики глагола *bekommen* от непереходности к переходности в рамках ahd, mhd, fhhd, используя метод пяти структурно-функциональных моделей предложения. Далее мы подробнее остановимся на этом методе.

1. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ФИНИТНЫХ ГЛАГЛОВ

Опыт линейного моделирования предложения, базирующегося на учете нарастающего состава моделей предложения, позволяет выделить пять основных типов структурно-функциональных моделей предложения (СФМП).

1. Исходная модель предложения, в рамках которой глагол имеет прямое значение и благодаря которой он может быть отнесен к определенной лексико-семантической группе глаголов, так как для всех глаголов определенной ЛСГ существует одна исходная модель предложения (например, для глагола *liegen* такую модель предложения можно усмотреть в синтаксическом построении: *Das Buch liegt auf dem Tisch* – "Книга лежит на столе".

2. Контекстуально-терминологическая модель предложения, в рамках которой глагол имеет конкретное значение, правда, отличное от прямого значения глагола исходной модели предложения, то есть специальное значение. Эта модель предложения может быть употреблена только в определенном контексте, например, *Die Schicht sperrt* – "Слой запирает" (в тексте по электронике). Такое же употребление мы имеем в русских примерах: *Он сидит (в тюрьме)*; *Он пьет* (имеется в виду алкогольные напитки, а не молоко или воду). Интересно употребление глагола *выкинуть* в контекстуально-терминологическом значении в конце романа "Подросток" Достоевского: *Лиза осталась одна с будущим своим ребенком... она упала с нашей лестницы, не высоко, всего с трех ступенек, но она выкинула, и болезнь ее продолжалась всю зиму*. Особенно часто контекстуально-терминологическое употребление в немецком языке встречается из-за широкого распространения глаголов с отделяемыми приставками, причем один и тот же глагол может иметь несколько специальных значений в зависимости от контекста. Ср. значения глагола *auflegen*: 1) "положить телефонную трубку", 2) "наложить макияж", 3) "разложить еду по тарелкам"; 4) "поставить лодку на прикол" (все эти значения употребляются в соответствующих контекстах в элиминированной модели предложения без всякого объекта).

3. Фразеологическая модель предложения, в рамках которой глагол либо асемантизируется, либо имеет переносное значение (например: *Das kommt zum Ausdruck* – "Это выражается"; *Das Problem kommt zur Debatte* – "Проблема обсуждается"; и *Er steht mir im Wege* – "Он мешает мне"; *Er geht mir auf die Nerven* – "Он играет на моих нервах").

4. Синтагматическая модель предложения, в рамках которой глагол имеет дополнительное грамматическое значение (например, такой моделью предложения для глагола *gehen* является структурное построение: *Er kommt gegangen* – "Он подходит"; *Es wohnt sich gut in der Stadtmitte* – "Хорошо можно жить в центре города").

Эта модель предложения весьма употребима в немецком языке, хотя во многих предстательных словарях немецкого языка она отсутствует. В нашей докторской диссертации отмечены 156 синтагматических моделей предложения только для четырех ЛСГ: 1) глаголов ориентированного положения субъекта в пространстве (глагол-эталон *liegen*); 2) ориентированного перемещения объектов в пространстве (глагол-эталон *legen*); 3) движения субъектов в пространстве (глагол-эталон *laufen*); 4) глаголов абстрактной деятельности (глагол-эталон *tun*) [Рахманкулова 1974].

5. Модифицирующая модель предложения, в рамках которой глагол переходит из своей исходной лексико-семантической группы в другую группу (например, в предложении *Er setzte über den Graben* – "Он перепрыгнул через окоп"). Такое же употребление мы имеем и в русском языке. Например: *Он рванул в лес*; Ср. с употреблением: *Он рванул ее за рукав*.

Соответственно значения, отмечаемые нами в пяти структурно-функциональных моделях предложения, будут называться: исходное, контекстуально-терминологическое, фразеологическое, синтагматическое (дополнительное грамматическое), модифицированное.

Г. Байталова установила в своем исследовании широкое распространение в аhd наряду с исходными моделями предложения также фразеологических моделей предложения с нулевой образностью. Модели предложения с усредненной, а особенно повышенной образностью возникают в основном в аhd. Незначительно распространены в аhd, mhd и даже в fnhd контекстуально-терминологические модели предложения, но зато синтагматические и модифицирующие модели предложения представлены, начиная уже с аhd.

II. РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА BEKOMMEN В АHD, МHD, FNHD

Сначала рассмотрим развитие семантики глагола *bekommen* по словарю Я. и В. Гриммов [Grimm J., Grimm W. 1854: 90, 1425–1426].

Так, глагол *bekommen* в формах goth. *biqiman*; ags. *becuman*; аhd. *piquēman*; mhd. *bekomen*; nnl. *bekomen*; engl. *become* имел интранзитивное значение, как корневой глагол *kommen*. При этом Я. Гриммы и В. Гримм указывают 6 подзначений, из которых 5 являются эквивалентами глагола *kommen*. Это:

1) *bekommen, wachsen, gedeihen, hervorkommen, fortkommen*. (...) *disz volk pflanzet und handelt nicht, geneuzt was im selbs bekumt (von selbst, wild wächst)*. Frank welth. 222^b; *wir säeten mancherlei samen als rätlich, lattich, salat, kürbs, die bekamen all in XVI tagen und wurden in XXXVI tagen abgenumen*. 222^b.

2) Из конкретного *wachsen* возникает абстрактное английское *become* "становиться". Из этого значения Я. и В. Гриммы выводят абстрактное значение глагола *bekommen*, употребляемое с дательным падежом. Например: *jetzund bekumt mir nichts bessers, als gut wein, gut bett, den rucken am ofen, den bauch beim tisch, den schemel under den fützen und ein tiefe schüssel*. Garg. 154^b; *welchen das studieren nicht allein zu spott, sondern zum elend bekommen*. Schuppius 707.

3) Ближе расположено к этому значению "подходить", "соответствовать". Например: *das bekumt nu sonderlich der heiligen mutter der kirchen, die ist ein rechte hausmutter und die braut Christi*. Luther 1, 467^a; *dis spital bekumet bblein den rechten armen, als widwen, waisen, gesten und andern verlassen leuten*. 5, 152^b.

4) Еще одно значение глагола *bekommen* – "встретить кого-нибудь". При этом в этом значении Я. и В. Гриммы отмечают этот глагол как в аhd, так и в mhd, и в fnhd; в XVIII в. это значение исчезает. Например: *bekumt mir ein meitlin mit minen geiszen*. Tho. Plater 11.; *wie weri den das war, das Christus s. Peter were vor Rom bekumen*. 40; *einer bekam uns ouch, dem hangeten kuttlen usz*. 78; *und wenn es sich begab, das sie einander*

bekamen, so gieng ie einer ein andere straszen. sch. u. ernst cap. 191; da bekam im der herzog. Eulensp. cap. 25; wem er bekam. Восс. 2, 115^a; im ein edelmann bekam. 2, 209^a; ê uns bekume der mitte tac. krone 13194.

5) Редкое употребление глагола *bekommen* с родительным падежом предметного существительного, это значение приближается к транзитивному употреблению. Например: *darmit ein jeder tagloner seines taglons bekomme. Frank weltb. 45^b; weil er (gott) aber keins rechtens bei uns bekomen mag und er uns folgen müsz, so würdt er in uns und will in uns, das wir sind und wöllen. parad. 20^a; got wart mit groszer langmütigkeit auf des menschen willen, ob er seines werks in im bekommen möcht. 166^a.*

И, наконец, 6) транзитивное значение, оно равно значению готских глаголов *anaqiman* (ан, auf einen kommen) и *usqiman*, которые можно интерпретировать как *bei etwas, zu etwas kommen, einem beikommen*. Таким образом, мы видим пеструю картину внутри словарной статьи для глагола *bekommen*. Авторы словаря приводят некоторые значения в основном в примерах из mhd и fnhd. Но в отношении последнего значения отмечается, что в mhd переходное значение у глагола *bekommen* исчезает, несмотря на то, что в современном немецком языке это самое распространенное значение. Среди шести значений, отмеченных Гриммами, только два значения (второе и третье) имеют место в современном немецком языке. В то время как Гриммы отмечают в ahd у Ноткера: *bechumet tih daz ieh? sentisne haec? bechumet tih eigeslich des charchares? movet te facies carceris?* (J. Graff 4, 668) = *ergreift dich das nicht? ergreift dich der schauder des kerkers?* [Grimm J., Grimm W. 1854: 91, 1427], они же отказывают средневерхнемецкому материалу в таком употреблении, объявляя даже лингвистической загадкой отсутствие поддержки транзитивности глагола *bekommen* в современном немецком языке примерами из mhd. Восполнением пробела в переходе интранзитивного глагола *bekommen* в mhd в транзитивное состояние в nhd мы и будем заниматься. Но отправной точкой нам послужит более или менее хаотическое проявление то интранзитивности, то транзитивности в ahd. Инструментом исследования будет моделирование предложений с учетом акционального значения глаголов, которые появляются в рамках определенных моделей предложения. Эту роль акциональности совершенно справедливо отметила Г. Байталова в своем исследовании [Байталова 1988б: 6]. И мы строим свое исследование на том, что все время происходит каузирование состояния: либо состояния наличия (при непереходном значении), либо состояния обладания (при переходном значении). Значение каузирования четко проявляется во фразеологических моделях предложения на нижней ступени связанности глагола (по другой терминологии в аналитических глагольно-именных сочетаниях с функциональными глаголами).

Фразеологическая модель предложения с асемантизированным глаголом, которая имела распространение уже в готском языке (в "Готском серебряном кодексе" в 32-й строфе истории о переселении бесов в свиней [Чемоданов 1953: 208] мы имеем фразу, что свиньи бросились с кручи в море, где "бросились" выражается глагольной именной группой в рамках СФМП с нулевой образностью: *run gawaurhtedun*, что дословно означает "учинить, совершить бег"), послужила в ahd тем скрытым "резервуаром", в котором и в mhd сохранилось значение транзитивности как каузирование какого-то психического или физического состояния [Guchman 1976: 21]. Мы можем отметить, что и в ahd, и в mhd глагол *bekommen* в исходной модели предложения идентичен глаголу *kommen*, то есть имеет семантику *sich etwas nähern*. Например: *Dô bechâm îro ðuh îro suîger maia* (Marc: 150, 21. P. 830); *zuo ainer linden er bekam* (Eck: 55, 4); *uff den hoff bekam* (Marc: 3, 60). В ahd и в mhd явно подчеркивается значение глагола движения через компоненты моделей предложения: *zuo ainer linden, uff den hoff*. Экспликация непереходного значения у глагола *bekommen* в mhd может осуществляться посредством действительного элемента *her*: *dar umbe bin ich her bekomen* (Nib: 107). Значение движения в fnhd проявлялось скорее не с перфектным, а с эффективным значением. Тем более, что это имело место в mhd: *an dem stade bekam er in* (Trist: 7113). Значение,

основывающееся на эффектививе в смысле достижения движущегося предмета, осталось у глагола *bekommen* и в современном немецком языке, хотя уже только в переходном значении: *Er hat den Ball gerade noch vor der Pfütze bekommen; Er hat den Zug gerade noch bekommen*. Конкурентом глаголу *bekommen* в современном немецком языке является глагол другого корня с приставкой *er-*: *Er hat den Zug gerade erreicht*.

В.П. Конецкая в своей последней статье об аксиомах, закономерностях и гипотезах поставила интересную проблему о роли внешнего воздействия экстралингвистических факторов в развитии лексических единиц. Так, она пишет: "В том случае, когда язык испытывает сильное воздействие извне, например, в периоды большого наплыва заимствований, происходит сбой в прямолинейном равномерном развитии лексики – видоизменяется не только объем и состав микросистем, но и строение синонимических рядов, их доминант, изменяются смысловые и стилистические коннотации слов и т.п." [Конецкая 1998: 34]. Такой наплыв заимствований имел место в первую очередь в *ahd* при переводе греческих и латинских первоисточников и в *fnhd* в процессе перевода литературы с латинского, итальянского и французского языков в период европейского Ренессанса. Об этом мы имеем много свидетельств.

Так, "Энциклопедия немецкого языка" [DS 1969] свидетельствует, что объектом переводческой деятельности монахов был не только религиозный материал. Монахи переводили философские произведения и произведения античной литературы. Широко развитая философская терминология латинского языка не имела соответствий в немецком языке. Чтобы ее интерпретировать, нужно было создавать новые слова. Ученые монахи не только заимствовали нужные термины, но и образовывали новые слова при помощи суффиксов и словосложения. Таким образом в *ahd* образовался специальный философский подъязык. Например, у Ноткера из Сентгалленского монастыря (X–XI вв.) мы находим такие слова, как *sin* "Sinn", *lëra* "Lehre", *wist* "Wesen, Sein", *wisheit* "Weisheit", *ewigheit* "Ewigkeit", *unordenhafti* "Ungeordnetheit", *ununderskeit* "Nichtunterschiedensein" и другие. Ноткер, выросший в лоне антико-латинской науки, продемонстрировал такую способность к словообразованию, которой после него никто не мог повторить. Многие из его словообразований употребляются и сегодня, например слово *Freiheit*. Это большая заслуга монастырей того времени, которые приспособили весьма удачно немецкий лексикон для выражения сложных философских понятий. Для образования необходимых абстрактных понятий были найдены формальные средства – суффиксы. Например: *scōni* "Schöne, Schönheit", *suoz* "Süße", *kleini* "Kleinheit", *einhafti* "Einheit", *gimeinsami* "Gemeinsamkeit", *mannagfalti* "Mannigfaltigkeit", *wesini* "Natur, Beschaffenheit". Подобное же значение имеют образования на *-ida* (> *nhd. -de*): *spāhida* "Weisheit", *girida* "Begierde", *frewida* "Freude", *gimeinida* "Gemeinschaft", *irlōsida* "Erlösung" [DS 1969: 474–475].

По разнообразию тематики, богатству лексики, развитию словотворчества, особенно плодотворному в сферах абстрактных категорий, переводная проза Ноткера – показатель того уровня, которого достиг письменный язык к концу рассматриваемого периода. Фактически Ноткер – создатель немецкой научно-философской терминологии. Он ввел в язык такие слова, как *lirnunga* "наука, учение", *gilirnunga* "знание", *wizeereda* "разум", *wissprāhunga* "научное исследование", *buohlist* "наука, умение (книжное знание, книжное искусство)", *guissunga* "доказательство", *wist* "субстанция, бытие", *berohafti* "природа", *behefteda* "состояние", *fruotheit* "рассудок" = лат. *prudentia*, *foleglihhi* "обилие, совершенство", *wendeling* "относительное понятие", *ung(e)wisheit*, *ungwiss* "неопределенность" и т.д. Ноткер использовал синонимику, создавая все новые единицы: лат. *opus* в Евангелии Татиана переводится только как *werc* (32 раза), Ноткер употребляет кроме *werh* еще такие синонимы – *scaffunga*, *hanttât*, *zeichen*, субстантивированный инфинитив *tuon*, из них *scaffunga* и *hanttât* – новообразования Ноткера. Точно так же лат. *lex* в Исидоре переводится только как *êwa* (3 раза), в Евангелии Татиана также встречается *êwa* (32 раза), Ноткер же использует сле-

дующие синонимы: *êa, gebot, geduing, scaffunga, waltêsôd*, из них *geduing, scaffunga, waltêsôd* – новообразования Ноткера, причем *scaffunga* означает не только закон, но и дело, *waltêsôd* – закон и господство, то есть и вновь создаваемые единицы имели довольно широкую смысловую структуру.

Ноткер свободно использует многочисленные словообразовательные модели; существовавшие в родном языке для создания новых единиц, способных, по его мнению, точнее передать содержание текста. Его словарь, насчитывающий свыше 7000 единиц (у Отфрида 3355, а в Евангелии Татиана только 2300), – показатель словообразовательных потенциалов, которых достиг письменный язык к концу рассматриваемого периода. И вместе с тем язык Ноткера – это не региональное явление, а некая наддиалектная форма существования языка, выразитель относительного единства языка немецкой народности [Гухман, Семенюк 1983: 32–33].

Исследователь немецкого именного словопроизводства в аhd Л.М. Глизерина отмечает употребительность следующих суффиксов с абстрактными существительными: для существительных женского рода *-heit, -scaft, -st, -ft, -t*, для существительных среднего рода *-tuom, -niss, -sal, -izz, -isk* [Глизерина 1977: 7].

В fhhd обращение к античному наследству не означало нового открытия латыни. Ведь латынь не являлась мертвым языком в период Средневековья. И церковь, и наука использовали ее. Только теперь еще раз обратились к классической латыни. Были открыты новые области применения переводных терминов, латинский язык науки гуманистов оставил свои следы в словарном составе немецкого языка. Хотя переводчики и жаловались, что они испытывают недостаток в немецких терминах; они внесли большой вклад в расширение немецкого лексикона. Большой прирост словаря можно увидеть среди абстрактных существительных: *Dekoration, Operation, Region, Opinion, Opposition, Spekulation, Audienz, Eloquenz, Instanz, Kuriosität, Immunität; Korrektur, Temperatur*. [DS 1967: 486]. Эта же "Энциклопедия немецкого языка" дает небольшой прирост абстрактных существительных в mhd, взятых Лютером в его перевод Библии: 4 абстрактных существительных на 40 неологизмов [Там же].

В рыцарской поэзии и в канцелярском употреблении mhd также в основном употребляются в качестве неологизмов конкретные нарицательные существительные. Например: *recke, degен "Held"; wigant "Kämpfer"; bouc "Ring"; isenwât "Eisengewand", "Rüstung"; rant "Schild"* [Там же: 476–477]. В канцелярско-торговом обиходе мы встречаем такие неологизмы, которые также являются конкретными нарицательными существительными: *Datum, Kopie, Nota, Privileg, Register, Summe, Wechselbrief, Buchhalter, Hauptbuch, Kunde, Börse, Bank, Konto, Muster, Post* [Там же: 483].

Таким образом, отмечаемое всеми авторами большое внедрение в лексикон немецкого языка уже в древневерхнегерманский период абстрактных существительных вызвало широкое употребление аналитических глагольных именных сочетаний (АГИС). Г. Байталова отметила употребление в качестве функциональных глаголов в АГИС наряду с *bekommen* появившиеся в mhd глаголы *begehen* и *ergehen*, в fhhd ею в качестве функциональных глаголов называются глаголы *befahren* и *unterlaufen*.

При рассмотрении системы структурно-функциональных моделей предложения для понимания ситуации вокруг глагола *bekommen* важно сопоставление исходной и фразеологической модели предложения. Обе модели предложения имеют одну структурную формулу и не обладают образностью. И таким образом мы уже у Я. и В. Гриммов [Grimm J., Grimm W. 1854: 1426] встречаем такое фразеологическое употребление, когда после предлога *bei*, требующего обычно дательного падежа, употребляется винительный падеж: *bei einen, bei etwas bekommen*. Авторы словаря сами выстраивают такой переход: *min zorn ist mir bekommen* (Eck: 108, 13). Это фразеологическое употребление можно приравнять: *Mein Zorn bekam mich* и *Ich bekam zum Zorn*. В fhhd мы уже имеем: *die (Freude) ich nit weiß bekommen* (Kett: 214); *von der fresserey einen rohen magen bekommen* (Hutt: 43). Однако следует согласиться с авторами "Немецкого

словаря" [Grimm J., Grimm W. 1854], что более употребителен в аналитической форме глагол *bekommen* с непереходным значением. Об этом свидетельствует употребление глагола *bekommen* в перфекте с вспомогательным глаголом *sein*: *so ist mir leit, das ich dir bin bekom in dine lagen* (Eck: 115, 7).

Как мы можем уже сделать вывод, для нашего исследования наибольший интерес представляет фразеологическая СФМП, так как благодаря ей во все периоды развития глагольной системы могла проявляться многозначность глаголов. При опоре на структурные признаки были установлены три ступени фразеологической связанности глагола: низшая, средняя и высшая, проявление которых является результатом взаимодействия двух критериев построения фразеологичности моделей предложения, а именно образности и идиоматичности (лексической, структурной, контекстуальной).

При выведении образности той или иной фразеологической модели предложения опорой служит структурная характеристика моделей предложения. Отправной точкой на шкале образности является исходная модель предложения. Эта же модель является моделью предложения с нулевой ступенью образности. Модели предложения, имеющие большее число членов, чем соответствующая исходная модель предложения, классифицируются как фразеологические модели предложения с повышенной образностью. Так, для глаголов движения как исходная, так и фразеологическая модель предложения с нулевой образностью имеют формулу NVPN (N – существительное, V – финитный глагол, P – предлог). В этой модели предложения проявляется как прямое значение (например, *Er geht in den Wald; Er kommt zu seinem Freund*), так и фразеологическое значение (*Der Wald liegt unter Beschuß; Das Buch kommt zum Verkauf*). Эти модели предложения, обладающие нулевой образностью и находящиеся на низшей ступени фразеологической связанности глагола, фактически являются тем "лоном", в котором глагол *bekommen* "вибрировал" в IX–XI вв. от значения глагола движения к значению глагола обладания, затем в XII–XIII вв. вернулся к своему первоначальному значению глагола движения, а в XIV–XVI вв. снова стал глаголом "получения" с широким диапазоном употребления (наряду с абстрактными существительными, в модели предложения "получения" стали употребляться конкретные существительные).

На материале исследования глагола *bekommen* мы можем отметить эффективность метода структурно-функциональных моделей предложения, даже если этот метод обладает лишь прогнозирующей силой. Правда, в своем исследовании Г. Байталова настаивает на том, что структурно-функциональные модели предложения являются языковыми универсалиями [Байталова 1988б: 10].

Мы не станем называть развитие семантики глагола *bekommen* от переходного значения к непереходному и вновь к переходному как волнообразное, а скорее как спиралевидное, так как, видимо, на всех стадиях развития семантики этого глагола оба значения сосуществовали и лишь временами одно значение превалировало над другим. При этом надо учитывать незафиксированность функционирования этого глагола в устной форме общения. Таким образом, мы не претендуем на опровержение отмечаемой многими лингвистами тенденции развития лексической семантики слов от конкретного к отвлеченному, от чувственно наглядного и материального к более сложным абстрактным понятиям психологического и интеллектуального порядка [Жирмунский 1956: 317]. Мнение В.М. Жирмунского мы, правда, можем сравнить с более поздними воззрениями Г. Обяртеля о необходимости учета возможности изменения семантики глагола от абстрактного к конкретному значению [Objartel 1988: 311–312].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Eck – Eckenlied Fassung L. / Hrsg. Martin Wierschin. Tübingen, 1974.
Hutt – Ulrich von Hutten. Deutsche Schriften / Hrsg. Heinz Mettke. Bd. 1. Leipzig, 1972.
Kett – Frühneuhochdeutsche Texte / Ausgewählt und eingeleitet von Kettmann G. Leipzig, 1971.
Marc – Notker der Deutsche. Marctianus Capella, De nuptiis Philologiae et Mercurii / Hrsg. James C. King. Tübingen, 1979.

- Nib – Der Nibelungen Not / Hrsg. E. Sievers. Leipzig, 1981.
 Notk Psalt – Notker der Deutsche. Der Psalter. Psalm 1–50. Die Werke Notker des Deutschen / Hrsg. Petrus W. Tax. Bd. 8. Tübingen, in Reihe: Altdeutsche Textbibliothek, Nr. 84 (без года).
 Trist – Tristan. Gottfried von Strassburg / Hrsg. Gottfried Weber. Darmstadt, 1967.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глизерина Л.М.* 1977 – Активное именное словопроизводство в древневерхненемецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
Гухман М.М., Семенов Н.Н. 1983 – История немецкого литературного языка IX–XV вв. М., 1983.
Жирмунский В.М. 1956 – История немецкого языка. М., 1956.
Конецкая И.П. 1998 – Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии // ВЯ. 1998. № 2.
Рахманкулова И.С. 1974 – Исследование семантики немецких глаголов в рамках структурно-функциональных моделей предложения. Дис. ... докт. филол. наук, М., 1974.
Чемоданов Н.С. 1953 – Хрестоматия по истории немецкого языка. М., 1953.
Baitalowa G. 1988a – Zur Satzmodellierung und zur Semantik der Basis- und Präfixverben im Althochdeutschen, Mittelhochdeutschen und Frühneuhochdeutschen. Dissertation. Leipzig, 1988.
Baitalowa G. 1988b – Zur Satzmodellierung und zur Semantik der Basis- und Präfixverben im Althochdeutschen, Mittelhochdeutschen und Frühneuhochdeutschen. Thesen zur Dissertation. Leipzig, 1988.
 DS 1969 – Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie / Hrsg. E. Agricola, W. Fleischer, H. Protze. Bd. I. Leipzig, 1969.
Grimm J., Grimm W. 1854 – Deutsches Wörterbuch. Bd. I. Leipzig, 1854.
Grosse R. 1977 – Zur Problematik der Bedeutungserschließung im althochdeutschen Wortschatz // Beiträge zur Bedeutungserschließung im althochdeutschen Wortschatz. Berlin, 1977.
Guchman M.M. 1976 – Die Ebenen der Satzanalyse und die Kategorie genus verbi // Satzstruktur und genus verbi. Reihe Studia grammatica XIII. Berlin, 1976.
Herbig J. 1991 – Der Fluß der Erkenntnis. Hamburg, 1991.
Klappenbach R., Steinitz W., Hrsg. 1977 – Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin, 1977.
Objartel G. 1988 – Bedeutungsgeschichte im neuen 'Paul' // Das Wörterbuch: Artikel und Verweisstrukturen. Jahrbuch 1987 des Instituts für Deutsche Sprache. Bd. 74 / Hrsg. G. Harras. Düsseldorf, 1988.

© 1999 г. Г.П. КЛЕПИКОВА

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ СЕМАНТИКИ

(метод «семантического поля» Н.И. Толстого)

Н.И. Толстой является одним из тех отечественных лингвистов, кто в начале 60-х гг. выступал за расширение сферы использования типологических методов, и, в частности, применительно к изучению близкородственных языков, например, славянских, а также, что особенно важно, совокупностей их диалектов [Толстой 1997: 12–14, 71]. В общем виде, как известно, эти методы сводятся к моделированию языковых систем (или их фрагментов) и к установлению – в результате сопоставительного анализа на единой основе – определенных рядов соответствий для некоторого числа языков (диалектов). В ряде работ – таких, как «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» (I, II), «Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии» и др. (см. [Толстой 1997]), – Н.И. Толстой впервые в науке, используя результаты, достигнутые в фонологии и грамматике (ср. [Там же: 70]), эксплицировал задачи типологического изучения и в области славянской (диалектной) лексикологии и семасиологии, хотя в то время еще высказывались сомнения, правомерно ли применение понятия «системы», «системности» к лексике и семантике, – в силу практически трудно исчислимого количества единиц этих «уровней» языка и их максимальной «открытости». В тот период сложность типологического изучения лексико-семантической сферы современных славянских диалектов определялась как состоянием славянской диалектной лексикографии (количество и качество диалектных словарей, слабое отражение лексики и семантики в лингвогеографических трудах и т.д.), так и отсутствием достаточно экономных и надежных способов характеристики лексико-семантической системы в целом [Толстой 1997: 16], методов сопоставления и оценки степени общности/различия между системами отдельных языковых идиомов, например, диалектов (= «частных диалектных систем» [ЧДС], «диасистем»).

1. Исходным для Н.И. Толстого в его штудиях было понимание слова как е д и н с т в а лексемы (= план выражения) и семемы (= план содержания)¹ [Толстой 1997: 46, 70 и др.]).

2. Применение Н.И. Толстым метода лингвистического моделирования, использовавшегося ранее лишь в фонологии, также и в исследованиях лексико-семантической системы позволяет эксплицировать самое систему (= ее фрагменты) и с т р у к т у р и р о в а т ь ее, выявляя совокупности дискретных (и взаимосвязанных) лексико-семантических м и к р о с и с т е м, или м и к р о п о л е й². По Н.И. Толстому, модель

¹ Ср. и соответствующее определение предмета лексикологии и семасиологии: первая рассматривает «словарный состав языка с его формальной стороны, т.е. лексемный инвентарь... и структуру лексем», вторая – «словарный состав языка с его внутренней стороны, т.е. значение лексем (их предметную соотносительность) и их взаимное соотношение» [Толстой 1997: 70].

² Чаще всего этим термином описывается некоторая совокупность единиц, характеризующаяся следующим образом: «"поле" в языке является лингвистической, а не понятийной или ассоциативной категорией», «в качестве поля в языке можно интерпретировать лишь некоторые инвариантные и функционально-инвариантные группы», «для полей характерно наличие общих функций и их элементов и лишь иногда общих, ... нередко экстралингвистических, дифференциальных признаков» (= ДП) и др. [Щур 1974: 162, 234, 219]. Общее же для «концепции поля» – «постулирование общих ДП группам элементов, рассматриваемых как поле» [Щур 1974: 233].

строится для совокупности языковых идиомов (языков, диалектов), поэтому она является метаязыковой (надязыковой, наддиалектной) и определяется как «искусственная, внутренне непротиворечивая модель-сетка с максимальным набором дифференциальных признаков» [Толстой 1997: 48] (= ДП), релевантных для суммы изучаемых языков (диалектов); к сожалению, эта важная особенность метода – обращение к совокупности (gesp. континууму) ЧДС, – по существу, осталась не оцененной исследователями в полной мере³ (подробнее в [Клепикова 1980]). Построение «надидиомной» лексико-семантической модели – «лексико-семантического (микро)поля» – осуществляется на базе одной, реально существующей системы (языка, диалекта), с учетом всех присущих ей ДП, и предусматривает расширение модели – за счет ДП из других систем. Следовательно, метамодель (= микрополе) включает максимальный набор ДП и может иметь вид сетки (или матрицы идентификации).

3. **Ц е н т р а л ь н ы м** же в данной концепции, на наш взгляд, является, положение о необходимости «найти способ выделение микрополя, которое заключало бы в себе не только *однокоренные* слова (гнезда слов и т.п.), но и было бы в то же время построено на *формально-лингвистических*, а не *логических* основаниях... важно, чтобы это поле могло служить *основой* для сравнения фрагментов лексико-семантических систем близкородственных диалектов» [Толстой 1997: 17] (курсив наш. – Г.К.).

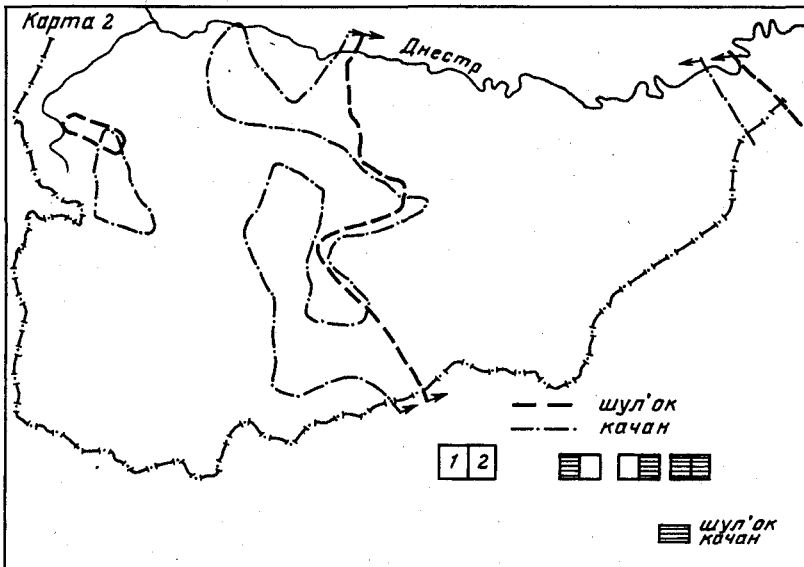
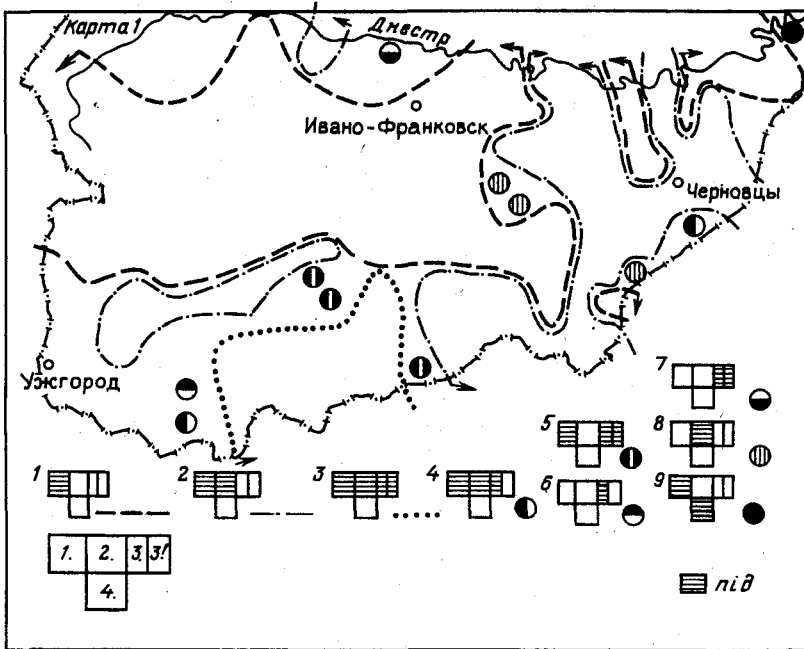
Формально-лингвистический (а точнее – семасиологический) критерий объективного определения границ модели [= «семантического поля»] Н.И. Толстой видит в установлении междиалектной (межязыковой) **а м п л и т у д ы** **к о л е б а н и я** так называемой «опорной» лексемы. Таким образом, эта «амплитуда» представляет собой сумму всех зафиксированных семантических переходов (сдвигов), выраженных одной лексемой в группе близкородственных языков (диалектов) [Толстой 1997: 18, 26 (о семантическом поле дериватов)]. Каждая лексема, соответствующая в пределах «поля» той и иной семеме, может стать «опорной» и образовать другое «поле», и, следовательно, можно представить связь между «полями» не как «примыкание», а как «перекрещивание» и «вхождение» друг в друга (что придает лексико-семантической системе «не только прочную внутреннюю спаянность, но и известную мобильность и гибкость») [Толстой 1997: 18–19].

4. **Внутри сетки-модели**, – состоящей из конечного числа «клеток», – выявленные ДП упорядочиваются (= иерархизуются), в зависимости от характера ДП. При этом каждой клетке модели (= семантического поля) должна соответствовать **о д н а** лексема (не словосочетание!), обнаруживаемая хотя бы в одном из диалектов (= ЧДС) исследуемого континуума.

5. С целью типологического изучения реализовавшихся в языках (диалектах) семантических микросистем проводится их сопоставление, **с о о т н е с е н и е** – путем «наложения» их на надязыковую (наддиалектную), т.е. максимальную, эталон-модель. В результате в каждой конкретной микросистеме выделяются **а н а л о г и ч н ы е** и **р а з л и ч а ю щ и е** с я части семантического объема «опорной» лексемы. Комбинации (= конфигурации⁴) этих общих и различающихся частей в семанти-

³ Ср., например, неточное (неполное) ее изложение в [Шур 1974: 76], отсутствие упоминания об этом методе в [Уфимцева 1986] и под. Характерно, что, например, В. Бланар дает высокую оценку и методу Н.И. Толстого в целом, и его обращению к диалектному материалу [Бланар 1971], несомненно и влияние на него взглядов Н.И. Толстого [Бланар 1990: 117, 119]. Вместе с тем в своей конкретной исследовательской практике В. Бланар предпочитает концепт «понятных» полей и соответствующие приемы (компонентный и дистрибутивный анализ) [Бланар 1961; Бланар 1984: 72 и др.], а диалектологический аспект он рассматривает в качестве одного из дополнительных источников исторической реконструкции семантики лексем, входящих в определенное поле [Бланар 1984: 72, 74, 204].

⁴ Последние могут быть определены как топологический признак, указывающий на характер «пересечения» подмножеств данного множества-объекта [Шур 1974: 1558, 201]. О конкретных конфигурациях (= расположении «составляющих на заданном семантическом пространстве») см. в [Толстой 1997: 84, 88 и др.]. Ср. также: «Конфигурация лексем, т.е. результат их дистрибуции» (= на семантической сетке-модели) [Толстой 1997: 49].

Карта 1. Условные обозначения: 1. чердак; 2. пол чердака; 3. потолок (нештукатуренный); 3~ (штукатуренный); 4. пол.

Карта 2. Условные обозначения: 1. початок (с зернами); 2. ~ (без зерен).

ческом пространстве «поля», характеризуют – в конечном счете – семантические (resp. лексико-семантические) м и к р о т и п ы, которые могут стать объектом дальнейших сопоставлений [Толстой 1997: 18]. По мнению Н.И. Толстого, причины появления различий в семантическом объеме той или иной лексики в диалектном континууме могут быть собственно лингвистическими (= историко-лингвистическими – сдвиги, трансформации в семантике [= семантизация, десемантизация, транссемантизация ДП]) см. [Там

же: 33], – поэтому современный диалектный ландшафт можно рассматривать как нечто «вроде развернутой в пространстве диахронии» [Там же: 15]. Различия семантических объемов в диалектах объясняются и внелингвистическими причинами, ср., например: «...в разных языках и разных диалектах... внеязыковая действительность сегментируется различно» [Толстой 1997: 73 и др.]. Заметим, что сходным образом – как «семантическое членение» (= «картирование») – определяет это явление и У. Вейнрейх [Вейнрейх 1970: 163]. В результате подобной сегментации может возникнуть ситуация, когда одна лексема занимает две и более клетки наддиалектной сетки-модели, что трактуется Толстым как «неразличение» (не «нейтрализация»! – см.: [Толстой 1997: 83 и сл.]) соответствующих семем.

В целом предложенный метод типологического изучения явлений лексико-семантической сферы, по определению автора, «...не позволяет игнорировать ряд релевантных... семантических связей, остающихся часто вне наблюдений исследователя при подходе к семантическому полю с точки зрения... сферы чистых понятий или предметных и семантических групп» [Там же: 57]. Вместе с тем Н.И. Толстой трезво оценивал возможности типологии; так, он подчеркивал, что «...типологическое изучение лексики может нам предложить ряд ограничений в отношении набора... лексем, их корреляции и семантического наполнения, равно как и типология семантики может определить характер конфигураций семантических сеток, также с рядом запрещений взаимоисключающих семем» [Толстой 1997: 74].

Как известно, достоинства метода были продемонстрированы Н.И. Толстым на примере уже ставшего классическим для славянской семасиологии анализа семантического поля «дождь – погода – время – год – час» [Толстой: 44 и сл.]. Автор отмечает, что с формально-логической точки зрения семантические фрагменты «дождь – погода» и «время – год – час» не связаны, и поэтому обычно их относят к разным п о н я т и й - н ы м полям. Однако при определении границ семантического поля на собственно лингвистических основаниях – в соответствии с амплитудой колебания «опорной» лексемы *godina в различных славянских диалектах – становится очевидным, что данная лексема, анализируемая на «метаязыковом» уровне, соответствует е д и н о м у семантическому пространству, включающему все 5 семем (ср. и объединение их при психолингвистическом эксперименте [Толстой 1997: 20]).

Работы Н.И. Толстого по славянской семасиологии имели исключительно типологическую направленность. Вместе с тем уже в статье «Из опытов... (I)» [Толстой 1997] он предлагал использовать данную «полевую» методику в практике славянской лингвогеографии, в которой в то время господствовало картографирование «атомарных» фактов – слов и значений. Н.И. Толстой считал подобный подход в ряде ситуаций неэффективным, например, в случаях семантической несопоставимости лексем, различной широты семантического спектра лексемы в разных диалектах и под. [Там же: 60]. По его мнению, использованию новых – семасиологических – «пблевых» методов в лингвистическом картографировании должно предшествовать п р о г р а м - м и р о в а н и е семантических сеток-моделей с максимальным по возможности набором ДП, что обеспечивает полное описание семантического объема «опорной» лексемы и установление с у м м ы альтерирующих с нею лексем (об этом в [Толстой 1997: 64]). Говоря о возможностях предлагаемого метода, он писал: «...в лингвогеографической проекции можно демонстрировать не только материальную манифестацию явлений, но и их отношения и даже т о л ь к о отношения» [Там же: 66].

Разумеется, с самого начала Н.И. Толстому было ясно: массовость, интенсивность использования в исследовательской практике этого, несомненно, перспективного метода изучения лексико-семантической сферы будет зависеть от наличия значительного по объему, соответствующим образом собранного и препарированного, материала (см., например в [Толстой 1997: 46, 89 и сл.]). Это доказывают прежде всего его собственные работы. Так, например, материал 1-й статьи «Из опытов...» [Толстой 1997] был неоднородным (наряду с собственными наблюдениями и сообщениями других исследователей привлекались и эксерпции из словарей, атласов и под.), и в этом была

уязвимая ее сторона; напротив, для 2-й статьи (1966 г.), посвященной дистрибуции суффиксов «в заданном семантическом пространстве» (см. [Толстой 1997: 96] лексема *берега* и дериваты)⁵, материал собирался по специальной программе, включавшей ряд детализирующих вопросов ономастиологического порядка [Толстой 1997: 77], и, что существенно, в пределах «сплошного диалектного ландшафта» (континуума), а не отдельных диалектов «из разных языковых зон» [Там же: 76]. Именно поэтому факты 12 говоров Полесья, анализируемые в этом этюде, отличаются полнотой и системностью, что предопределило и содержательность результатов. Но как раз в этой статье Н.И. Толстой писал: «...мы *вынуждены* пока (курсив наш. – Г.К.) довольствоваться рассмотрением отдельных групп лексики» [Толстой 1997: 73], а в работе «Некоторые проблемы...», посвященной изучению семантического объема лексемы *gaj, он призывал расширять сферу исследований: «...Наши наблюдения проводились в основном над *ограниченным* кругом номенклатурной лексики... Более широкие и, вероятно, более благодатные возможности даст обращение к *абстрактной* лексике. Целесообразно проводить семантические исследования и по группам лексики, относящейся к определенным частям речи» [Толстой 1997: 42–43] (курсив наш. – Г.К.). Очевидно, что эти задачи требовали и обновления приемов сбора диалектного материала.

Новаторские идеи Н.И. Толстого получили в нашей стране значительное распространение; немало его учеников и последователей среди белорусских лингвистов (Г.Ф. Вешторт, Л.Т. Выгонная, И.И. Луциц-Федорец, В.В. Мартынов и др.), которые в 60-70-е гг. опубликовали ряд работ, близких по методике к исследованиям Н.И. Толстого и анализировавших материалы, целенаправленно собиравшиеся в полесских говорах и посвященные некоторым разрядам терминологической лексики (сельскохозяйственной, строительной, географической и под.) [3 жыцця... 1968; Полесье 1968; Лексіка... 1971] и др.

С энтузиазмом восприняли новый подход к изучению диалектной лексики и семантики и московские коллеги ученого. В частности, этот подход был широко использован при подготовке лексико-семантической части (т.е. 4/5 всех пунктов) Программы-вопросника «Карпатского диалектологического атласа» (= КДА) [КДА: 35–62]. При этом и составитель основного проекта Вопросника В.М. Иллич-Свитыч, и авторский коллектив в целом учитывали тот факт, что только специальные формулировки вопросов, ориентированные на перспективу *моделирования* семантических сеток соответствующих лексем могут обеспечить сбор в карпатоукраинских говорах материала, который позволит в дальнейшем проводить типологические исследования и картографировать выявленные лексико-семантические «микротипы». В результате работы над Вопросником КДА практически *каждый* вопрос указанного раздела содержит две части: 1) что значит слово *x*? (с перечислением в *сех* зафиксированных в диалектной литературе и архивах «значений») и 2) как выражается каждое из указанных в 1-й части «значений»? (= т.е. прямой и так называемый «обратный» вопросы). В этом, кстати, уникальность Вопросника КДА, что во многом повлияло и на особенности картографирования семантических явлений в КДА. Особо отметим, что сам Н.И. Толстой заинтересованно относился к мысли на практике, в ходе и диалектологического обследования говоров зоны Карпат, и картографирования соответствующих явлений, проверить свой метод. Самое деятельное участие он принимал и на заключительной стадии работы над Вопросником Атласа, – в частности, на Ужгородском совещании (июнь 1962 г.), на котором этот Вопросник был утвержден [КДА: 25]. В то же лето по нему начался сбор материала.

В дальнейшем стало ясно, что несмотря на известные трудности в работе с таким Вопросником в большинстве пунктов сетки обследования и по большинству вопросов удалось собрать вполне надежный для типологических штудий материал. Более того – в первой публикации по КДА 1967 г. уже были осуществлены опыты картогра-

⁵ При этом «характеризуется не какой-либо отдельной взятый формант при отдельно взятом значении, а ряд словообразовательных формантов, распределенных на семантической сетке» [Толстой 1997: 96].

фирования семантических объемов некоторых лексем. Широко использовались данные Атласа, интерпретировавшиеся с помощью «полевого» метода Толстого, в ряде специальных семасиологических и сема-ономасиологических публикаций [Клепикова 1969; 1977; 1986] и др. Наш опыт работы с материалами КДА убеждает, что изучение и картографирование семантического объема лексемы в составе микрополя является, несомненно, наиболее полной и экономной презентацией диалектных данных в совокупности ЧДС.

В то же время надо иметь в виду, что существуют известные ограничения в применении «полевого» метода Н.И. Толстого. Укажем два из них.

(1) Так, в диалектных континуумах возможны ситуации, когда вследствие, во-первых, значительной семантической амплитуды «опорной» лексемы (и – соответственно – увеличения числа лексем-альтернантов), и, во-вторых, обширности самого изучаемого континуума (например, сетка КДА включает около 130 украинских говоров), фиксируется большое число «типов» дистрибуции. В качестве примера воспользуемся нашим анализом семантики лексемы *під* в составе микрополя и картографированием выявленных конфигураций [Клепикова 1986; в КДА: № 131] (см. в статье карту № 1). Отмечено несколько лексем, альтернантов *під* (*стрих, повала, стел'а, підлога, плафон* и под.), следствием чего является существование в четырехклеточном пространстве поля более 90(!) различных соотношений «опорной» и иных лексем [Клепикова 1986: 74–77]. Очевидно, что картографирование множества сложных по составу конфигураций позволяет представить их лишь в виде островных ареалов и единичных фиксаций, но при этом не могут быть выявлены изоглоссные области. Поэтому для решения последней задачи целесообразно в нашем примере интерпретировать диалектные формы с учетом лишь одного противопоставления – «х» ~ «не-х» (т.е. *під* ~ не-*під*)⁶. При этом число конфигураций сокращается до 9, и эти, «вторичные», обобщенные конфигурации картографируются (см. карту № 1). Таким образом выявляются достаточно значительные компактные микрозоны, свидетельствующие о типологической близости ряда диалектов; на стыках микрозон и на периферии обследованного континуума располагаются малочастотные типы.

(2) Отмечаются ситуации, когда картографирование «микротипов» представляется нецелесообразным. Ср., например, по КДА, микрополе «початок кукурузы (с зернами и без зерен)» (карта № 2). По [Клепикова 1977], наиболее частотны в данном микрополе лексемы *шул'ок* и *качан*, и, следовательно, они могут быть выбраны в качестве «опорных». Однако они не фиксируются в большом числе говоров ареала, поэтому картографирование бинарных отношений (*качан* ~ не-*качан* и под.) в составе микрополя сводится к противопоставлению иного типа – зон, где есть *х* и где отсутствует *х*; по этой же причине картографирование микрополя со всеми лексемами-альтернантами (помимо указанных, *кйях*, *ишика*, *струк* и др.), образующих 22 конфигурации, как и в предыдущем примере, не способствует выявлению изоглоссных областей (поэтому в КДА включена карта «початок с зернами» [№ 167]).

Отдавая предпочтение лингвистическим принципам построения микрополя, Н.И. Толстой допускал возможность и правомерность других «полевых» приемов, ср.: «...можно взять в основу эталон с внеязыковыми параметрами, можно... взять одну из реально существующих языковых систем, можно сконструировать модель на основе статистических параметров, можно, наконец, сконструировать эталон при помощи опорной лексемы. Все это лишь создание и н с т р у м е н т а для сравнения, но не само сравнение» [Толстой 1997: 89]. Не случайно в той или иной мере влияние идей Н.И. Толстого ощущается в трудах многих исследователей, использовавших, как правило, иные методы системного изучения диалектной лексики, ср., например, работы О.Н. Мораховской [Мораховская 1978; 1996] (там же – анализ соответствующей литературы), М. Младенова [Младенов 1978], В. Радевой [Радева 1970], Е.А. Нефе-

⁶ «Релевантным оказывается только соотношение пустых и полных клеток» [Толстой 1997: 88].

довой [Нефедова 1978] и под. Вместе с тем, по-видимому, отсутствует прямая связь между разысканиями Н.И. Толстого и чисто ономасиологическими подходами к изучению лексико-семантических явлений, выработанными коллективом «Молдавского лингвистического атласа» и нашедшими отражение в ряде специальных публикаций (Р.Г. Пиотровского [Пиотровский 1957], также В.С. Сорбалэ, В.К. Павела и др.) (см. подробнее [Клепикова 1980: 81–82]).

Замечательный пример продуктивности использования целого спектра «полевых» методик при изучении фрагмента лексико-семантической сферы южнобессарабских говоров демонстрирует П.Е. Гриценко ([Гриценко 1984]; также [Гриценко 1982]), творчество которого, несомненно, испытало воздействие Н.И. Толстого. Так, автор, с одной стороны, следует методу Толстого (отсюда – конструирование микрополей на основе «опорной» лексемы, с учетом и без учета альтернирующих с ней лексем), а, с другой, – прибегает и к иным методам, – строит различного вида структурно организованные микросистемы-модели ономасиологического и сема-ономасиологического характера и с их помощью анализирует множество тематических групп лексики (во внеязыковом плане они соотносятся с группой объектов [= реальный], объединенных общностью [близостью] свойств, назначений, применений). Несомненно, успеху этой книги [Гриценко 1984] способствовало и качество материала, – специально собранного для решения четко сформулированных задач; он же дал возможность автору проводить своего рода эксперименты по моделированию фрагментов лексико-семантической системы выбранного континуума. Заметим, что во второй книге, посвященной ареальному варьированию лексики [Гриценко 1990], проблемы моделирования не затрагиваются, так как основным в данном случае был материал украинского атласа [АУМ], недостаточный для решения указанных проблем.

Отметим и интересный опыт изучения Е.Л. Турчин микрополя «время принятия пищи» (= ‘завтрак’ ~ ‘дневная еда в поле [обед]’ ~ ‘еда перед вечером, [полдник]’ ~ ‘ужин’) в украинских говорах (по данным ОЛА) [Турчин 1982].

В настоящее время, когда в распоряжении исследователей имеется множество методов, в том числе «полевых», уже опробованных при анализе славянской диалектной лексики и семантики как в единичных языковых системах, так и в их совокупностях, можно с уверенностью говорить о нецелесообразности а б с о л ю т и з а ц и и какого-то одного метода. Применение отдельных методов (и их комбинаций) должно прежде всего диктоваться и самим исследуемым материалом (т.е. какого типа языковые явления оказываются предметом изучения – ЛСГ, полисемия и под.), и конкретными целями, которые ставит исследователь (подробнее – [Клепикова 1980: 82]). Практика изучения тех или иных групп лексики показывает необходимость постоянных модификаций и обновления уже существующих «полевых» методов и приемов, поскольку разработанные для анализа конкретных лексических групп приемы могут оказаться не вполне адекватными при анализе иных групп.

К сожалению, упоминавшаяся книга П. Гриценко [Гриценко 1984] была, на наш взгляд, последней масштабной публикацией в нашей стране (в дальнейшем – и в СНГ), посвященной общим и частным аспектам практического моделирования лексико-семантических систем на диалектном уровне. Существует, по-видимому, множество объективных и субъективных причин заметного снижения интереса к указанной проблематике в конце 70-х – начале 80-х гг. В частности – осознание того, что эффективность «полевых» методов напрямую зависит от качества предварительных изысканий, полноты и систематичности изучения по специальным программам совокупностей диалектов в типологическом и ареалогическом аспектах. Естественно, что для накопления значительных объемов такого, принципиально нового, материала требуется длительное время. Свою роль, несомненно, сыграл и отход Н.И. Толстого в 70-е гг. от активной разработки концепта «семантического поля» в теоретическом и практическом отношениях. Могут быть названы и некоторые другие причины. Можно лишь констатировать факт, что, в общем, подобные исследования фактически прекратились (или уже подготовленные труды не публикуются).

На смену «интенсивному» (= «типологическому») изучению диалектной лексики и семантики (естественно, там, где ранее оно существовало) приходит, так сказать, «экстенсивное»: отмечается, с одной стороны, усиление работы над лингвистическими атласами разных типов (упомянем прежде всего русский лексический атлас, атлас лексики Подмосковья А.Ф. Войтенко и др.), а, с другой, – активизация диалектной лексикографии. В качестве примера можно привести положение в белорусской диалектологии, в которой основной задачей в 80–90-е гг. становится создание «Лексического атласа белорусских народных говоров» [ЛАБНГ]; ср. рецензию Т.И. Вендиной в журнале ВЯ [Вендина 1997], при этом продолжается и работа по диалектной лексикографии. И Атлас, и диалектные словари, помимо решения своих собственных задач, служат еще одной цели – н а к о п л е н и ю качественно новой информации о единицах лексико-семантического уровня белорусского диалектного языка; она характеризуется как строго синхронная и систематическая, и в дальнейшем м о ж е т стимулировать развертывание типологических (и сравнительно-исторических) штудий лексикологического и семасиологического характера. Следствием этого станет неизбежное обращение к «плевым» методам, действительно, наиболее адекватным при решении типологических задач.

Ту же стадию – стадию аккумуляции новой информации о лексико-семантических явлениях в украинских говорах Правобережного (Житомирского) Полесья – можно усматривать и в поистине подвижнической деятельности Н.В. Никончука (а теперь и его сына). Речь идет об уже изданных (в виде идеографических словарей) материалах Лингвистического атласа указанной части Полесья, и представляющих собой тщательное описание корпуса лексических единиц ряда терминологических разрядов [Никончук М. 1979; 1988; Никончук М., Никончук О. 1990]. Уже сейчас, до завершения всего проекта, эти публикации, помимо прочего, дают надежный материал для конструирования (без преувеличения) д е с я т к о в микросистем-полей, в том числе в строгом соответствии с процедурой типологического изучения лексики и семантики диалектного континуума, предложенной Н.И. Толстым, а также для операций с этими микросистемами. Это и возможность выбора, в качестве «опорных», лексем со значительной семантической амплитудой, определяющей границы конкретного микрополя, это и построение наддиалектной сетки-модели или матрицы идентификации, это и возможность изучения дистрибуции всех лексем, альтерирующих в семантическом пространстве модели, это, наконец, операция конфронтации – на единой основе – микросистем ряда ЧДС.

* * *

В заключение подчеркнем следующее. Нам представляется, что ситуация известной стагнации в сфере типологического изучения славянской диалектной лексики и семантики рано или поздно изменится к лучшему и использование «полевых» методов, в том числе и, метода, разработанного Н.И. Толстым, вновь будет признано актуальным. Как справедливо писал П.Е. Гриценко, «теория поля не исчерпала себя» [Гриценко 1984: 8].

Разумеется, задачи типологического изучения указанной сферы существующими «полевыми» методами (resp. их возможными модификациями) и на качественно новом материале будет решать уже молодое поколение славистов-диалектологов, которое, несомненно, с уважением и интересом воспримет идеи и их конкретные реализации своих предшественников, и в том числе, конечно, Н.И. Толстого, его учеников и последователей. Как тенденцию усиления внимания к типологии лексико-семантических явлений и нового обращения к концепту «семантического поля» можно оценить тот факт, что в докладе к XII съезду славистов (1998 г.), написанном молодыми учеными А.Н. Соболевым, М.В. Домосилецкой и А.А. Плотниковой [Соболев, Домосилецкая, Плотникова 1998] как раз содержится анализ фрагмента семантического поля, включающего некоторые термины животноводства (в частности, названия, связанные с возрастом животных, по материалам некоторых южнославянских диалектов).

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- АУМ – Атлас української мови. Т. I–II. Київ, 1983; 1988.
- Бланар В. 1971 – О внутренне обусловленных семантических изменениях // ВЯ. 1971. № 1.
- Вейнрейх У. 1970 – О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Т. V. М., 1970.
- Вендина Т.И. 1997 – ВЯ. 1997. № 2 – Ред.: Лексичні атлас беларускіх народних гаворак. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.
- Гриценко П.Ю. 1982 – Тваринницька лексика українських західностепових говірок. Питання організації тематичної групи // Структура українських говорів. Київ, 1982.
- Гриценко П.Ю. 1984 – Моделювання системи діалектної лексики. Київ, 1984.
- Гриценко П.Ю. 1990 – Ареальне варіювання лексики. Київ, 1990.
- З жыцця... 1968 – 3 жыцця роднага слова. Лексікалагічны зборнік. Мінск, 1968.
- КДА – Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
- Клепикова Г.П. 1969 – Из опытов картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя) // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1969.
- Клепикова Г.П. 1977 – Сема-ономастиологический аспект в исследовании некоторых лексических групп (на материале карпатоукраинских говоров) // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1977.
- Клепикова Г.П. 1980 – Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем // Сов. славяноведение. 1980. № 2.
- Клепикова Г.П. 1986 – К проблеме изучения лексико-семантической вариативности в гомогенном и гетерогенном диалектном континууме (карпато-балканский ареал) // Славянское и балканское языкознание. М., 1986.
- ЛАБНГ – Лексичні атлас беларускіх народних гаворак. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.
- Лексіка 1971 – Лексіка Палесся ў прасторы і часе. Мінск, 1971.
- Младенов М. 1978 – Из наблюдений над болгарской диалектной лексикой. Т. 3. Глаголы *доя*, *кърма*, *мълзем* // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1978.
- Мораховская О.Н. 1978 – К вопросу о методе картографирования в лингвистике // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1978.
- Мораховская О.Н. 1996 – Крестьянский двор: История названий усадебных участков. М., 1996.
- Нефедова Е.А. 1978 – О гипонимических отношениях в группе микологической диалектной лексики // ОЛА. Мат-лы и иссл. М., 1978.
- Никончук М.В. 1979 – Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ, 1979.
- Никончук М.В. 1988 – Сільськогосподарська лексика Правобережного Полісся. Київ, 1988.
- Никончук М.В., Никончук О.М. 1990 – Транспортна лексика Правобережного Полісся в системі східнослов'янських мов. Київ, 1990.
- Пиотровский Р.Г. 1957 – Структурализм и языковедческая практика // ВЯ. 1957. № 4.
- Полесье 1968 – Полесье. М., 1968.
- Радева В. 1970 – Селскостопанска лексика на централния балкански говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. IX. София, 1970.
- Соболев А.Н., Домосилецкая М.В., Плотникова А.А. 1988 – Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание. XII МСС. М., 1988.
- Толстой Н.И. 1997 – Избранные труды. Т. I: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
- Турчин С.Л. 1982 – Лексико-семантична, словотворча і ареальна характеристика назв на позначення часу приймання їжі // Структура українських говорів. Київ, 1982.
- Уфимцева А.А. 1986 – Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М., 1986.
- Щур Г.С. 1974 – Теория поля в лингвистике. М., 1974.
- Blanár V. 1961 – Zo slovenskej historickej lexikológie. Bratislava, 1961.
- Blanár V. 1984 – Lexikálno-sémantická rekonštrukcia. Bratislava, 1984.
- Blanár V. 1990 – O vývinových zákonitostiach čiastkových lexikálno-sémantických systémov // Metódy výskumu a opisu lexiky slovenských jazykov. Bratislava, 1990.

© 1999 г. М.М. МАКОВСКИЙ

МИФОПОЭТИКА ПИСЬМА В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Светлой памяти моих бесконечно дорогих родителей – Р.В. Маковской и М.Л. Маковского посвящается

Язычники рассматривали Вселенную как большую Книгу, где буквы написаны одними чернилами и на вечной скрижали божественным Пером [ср. нем. *Feder* «перо», но др.-инд. *pitār* «Бог-отец»; ср. также гот. *frapjan* «понимать» (Мировой Разум); лат. *petra* «камень» (каменный небосвод); англ. диал. *fret* «ливень» (дождь как божественное семя, оплодотворяющее Землю); лат. *spiritus* «дух, душа»; авест. *raβrem* «оберег, охрана»; тох. А *spartu* «узел», др.-литовск. *spartas* «связь»; англ. диал. *freit* «omen, prediction»; «a charm»; «a superstition»]. Именно такие трансцендентальные письмена после кристаллизации в божественном Всеведении были "опущены" божественным дыханием на низший уровень, где они и породили очевидный (явленный) Мир. Таким образом, устанавливается соответствие между божественными письменами и различными уровнями «явленной» Вселенной, т.е. нашего мира. При этом опущенные на Землю священные письмена рассматривались как образ или отражение изначальных священных («иератических») письмен. «Утерянные письмена», или, скорее, скрытые от людей Темного века, точно так же стали для них невидимыми и недоступными, как недоступен для них и Высший Центр Вселенной, т.е. Божество. Ср. в этой связи: нем. *schreiben*, лат. *scribere* «писать» (и.-е. **ker-*), но арм. *kerp* «образ» и и.-е. **kel-/ker-* «прятать, скрывать»; ср. также и.-е. **ker-* «связь; связывать» – др.-инд. *kabara* «пестрый, раскрашенный» – и.-е. *kabeiro «божество» – **ker-* «верх, небо» – кельтск. **krab-* «религия».

Вселенная как Книга – это хорошо известный символ Розенкрейцеров: *Liber Mundi* (иногда говорят о *Liber Vitae* – Книга жизни, которая символически уравнивается с Древом жизни, Мировым деревом). В широком смысле Книга мира, исписанная изнутри и снаружи (аллегория эзотерического и экзотерического), близка к образу обоюдоострого меча (ср. др.-сев. *stæfr* «буква», но исл. *steipir* «Schwert»). При этом образ книги и буквы, как указывает известный французский исследователь Р. Генон [Генон 1997], связан с символикой ткачества – сплетения бессмертного со смертным, горизонтального (земного и смертного) и вертикального (божественного и бессмертного), мужского и женского, различных планетарных сфер. Ср. в связи с этим: греч. *στοιχεῖον* «буква», но русск. *ткать, ткань*; др.-сев. *stæfr* «буква», но англ. *stuff*, нем. *Stoff* «вещество»¹ (божественная первоткань Вселенной), исл. *stofn* «Grundlage», исл. *stupa* «emporstehen, in die Höhe ragen» (божественная вертикаль, лестница в небо); и.-е. **mad-* «знак», но лат. *materia* «вещество, первовещество»² (ср. **mand-* «Rutenverflechtung»); лат. *li-ber* «книга», где элемент *li-* – табуирующее отрицание (ср. хеттское

¹ Значение «ткать» обычно соотносится со значением «бить, ударять, пронзать»: ср. англ. *stub* «ударять чем-либо острым» (типологически ср. русск. *тыкать*, но русск. *ткать, ткань*).

² Ср. и.-е. табуирующее отрицание **ma-* + арм. *tar* «буква».

отрицание *le*), а корень соотносится с и.-е. **bher-* «flechten»; англ. *book* «книга», но литовск. *bukis* «gestricktes Fischernetz»; русск. *книга*, но др.-англ. *cnyscan* «binden, flechten»; др.-инд. *grantha-* «книга», но др.-инд. *granth-* «binden, flechten, weben». Буква мыслилась как вечная божественная сущность: ср. арм. *tar* «буква», но лат. *e-ter-nitas* «вечность» (с другой стороны, ср. др.-англ. *teors* «renis»: вечность как бесконечное продолжение потомства; типологически ср. литовск. *raidà* «буква»; но др.-инд. *ret-* «мужское семья»). Ср. также: лат. *littera* «буква», но др.-сев. *leid* «время, вечность»; др.-инд. *varna* «буква», но и.-е. *cer-men «время, вечность»; латышск. *būrts* «буква», но др.-инд. *byre* «время, вечность». Вместе с тем слова со значением «буква» и «книга» соотносились со значением «колдовство»: ср. лат. *el-ementum* «буква», но и.-е. **al-* «колдовство» (ср. хет. *al-wanza* «колдовство»); латышск. *būrts* «буква», но литовск. *burtai* «колдовство»; греч. φάρμακεία «колдовство», но арм. *tar* «буква» + корень, представленный арм. *makon* «палка» (орудие колдовства и элемент буквы), ср., с другой стороны, корень, представленный русск. *мазать*; русск. *книга* (и.-е. **kenk-*), но нем. *Hexe* «ведьма», *Hexerei* «колдовство»; др.-сев. *stāfr* «буква», но др.-сев. *taufr* «колдовство» (нем. *Zauber*), ср. др.-англ. *tēafor* «краска»; русск. *нучать*, но ирл. *pisoc* «колдовство, чары»; лат. *codex* «книга», но валлийск. *hud* «колдовство». В свою очередь как понятие колдовства, так и понятие письма связаны с понятием крови (кровь как материал для письма): ср. валлийск. *menu* «to impress» (> «write»), но хет. *manis* «кровь»; греч. στοιχεῖον «буква»; но осет. *tug* «кровь»; лат. *cruor* «кровь», но и.-е. **ker-* «писать»; лат. *signum* «знак», но лат. *sanguis* «кровь» [Osthoff 1904; Wagner 1939; Spitz, 1972; Fromm, Harms, Ruberg, 1975].

Понятия «книга», «письмо, письменное послание», «буква», естественно, соотносятся с понятием Вселенной; ср. сербско-хорв. *has-lo* «знак, буква», но греч. κοσ-μoς «Вселенная»; тох. А *pārs-* «письмо, связный текст», но др.-англ. *feorh* «Вселенная»; др.-инд. *gātha* «связный текст», но авест. *gaēpa-* «Вселенная»; др.-инд. *lekhyā* «писать», но *loka-* «Вселенная»; учитывая, что названия всего сакрального табуировались (а письмена считались в высшей степени сакральными и доступными только жрецам), можно допустить, что корень русского слова *книга* (и.-е. **kenk-*) представляет собой табуированное образование (ср. одинаковые начало и конец корня, т.е. начальное *k-* является табуирующим преформантом: табу в слове обычно располагается слева, т.е. в месте нахождения злой силы); таким образом, здесь перед нами в действительности корень, представленный др.-инд. *anghu-* «Вселенная».

Существовал образ «Книги мира» как вселенской Вагины, на которой Божество сеет свои письмена, или в виде Неба, на котором Божество рассыпает письмена-звезды³. Ср. в связи с этим: лат. *codex* «книга, свиток» (< лат. *cadere* «рассекать»: речь идет не только о вырезании букв, которое в древности считалось колдовством, но и о божественном создании Вселенной путем разрыва Хаоса), но и.-е. *kudos «женский половой орган». С этим корнем интересно сопоставить хет. *kuttas* «стена» – символ женского начала (ср. утверждение Суламифи в «Песне Песней»; «Я – стена...»). С другой стороны, латинское слово *codex* «книга» соотносится с ирл. *cond* «(Мировой) разум» (т.е. Божество), и.-е. **kut-* «(божественная) сила» и с рядом ритуальных понятий: ср. и.-е. **kond-* «essen» (речь идет о съедании обрывков дерева или кожи с нанесенными на них письменами как вид жертвоприношения); кимрск. *cudd* «Verbergung» (книга, письмена как оберег); осет. *xudyn* «смеяться» (смех уравнивался с молитвой, способной излечить больного или навлечь на него чары); тох. А *kutk-* «воплощаться, перевоплощаться» (маски богов); и.-е. **kod-* «top, crest»; ирл. *coed* «(мировое) Древо»;

³ Ср. литовск. *raidà* «буква», но ирл. *rind* «звезда»; англ. *star* «звезда», но арм. *tar* «буква»; гот. *meljan* «писать», но *mul* «звезда»; с другой стороны, ср. др.-инд. *varna* «буква», но греч. οὐρανός «небо»; тох. А *pārs-* «письмо, связный текст», но ирл. *speir* «небо»; греч. στοιχεῖον «буква», но литовск. *dangūs* «небо»; литовск. *raidà* «буква», но др.-англ. *roðor* «небо».

др.-инд. *kunḍala* «круг» (символ Вселенной); др.-сев. *skydir* «Mond»; *skjottr* «scheckig». Понятие буквы соотносилось с понятием «лестницы в небо»: ср. и.-е. **ker-/*kel-* «писать», но лат. *scala* «лестница» (ср. др.-инд. *kalama* «Schreibrohr», но *kalila* «Chaos» и др.-инд. *kalyaḥ* «gesund»: буква как источник гибели и как источник исцеления, ср. также др.-инд. *kala* «Kunst»: Гармония, вселенский порядок; с другой стороны; ср. др.-инд. *khallaḥ* «Leder»: кожа как материал для письма; др.-инд. *kalalam* «der Embryo kurz nach der Zeugung»: буква как символ божественного творения); ср. далее; лат. *littera* «буква», но англ. *ladder* «лестница (в небо)»; греч. *στοιχεῖον* «буква», но нем. *Stiege* «лестница (в небо)»; ср. также хет. *illesar* «знак», но хет. *ilan* «лестница» + хет. *sar* «верх». Интересно сопоставить название старославянской буквы **АЗЪ** и осет. *asen* «лестница» (ср. др.-сев. *ass* «бог»).

Рисованные буквы⁴ и слова-символы мыслились как т е к с т, понимаемый в мистическом смысле как Путь (ср. др.-инд. *lekhyā-* «писать», но ирл. *slige* «дорога, путь»; сербско-хорв. *has-lo* «знак», но ирл. *cassan* «путь»; др.-инд. *gathā* «связный текст, песня», но др.-сев. *gata* «путь»; греч. *στοιχεῖον* «буква», но литовск. *taka* «тропинка»). С другой стороны, буква и слово-символ представлялись как многомерное пространство: в самом деле в слове-символе или в букве сочетаются такие различные уровни, как протяженность текста влево и вправо (тело слова или буквы) и значения (душа слова или буквы), стоящие как бы над текстом, над формой слова или буквы; кроме того, в слове или в букве наслаиваются друг на друга такие различные измерения, как языковые и метаязыковые значения. Необходимо учитывать, что отдельные элементы рисованного слова (а также отдельной буквы) иерархически неравноправны между собой: те или иные буквы (части или сочетания букв) зависимости от их сакральной значимости, а также комбинаторно, могут занимать более высокий или более низкий ранг (регистр); определенные части слова неизменно связаны только с «верхними», «божественными» стихиями (символ шеста или «лестницы в небо»), другие же — только с нижним или только со средним миром, а также либо с внутренним, либо с внешним началом. В связи с этим необходимо отметить, что понятие буквы и сочетания букв непосредственно связано с антиномией верха и низа, представляющей собой диалектическое единство противоположностей. Диада «верх — низ» олицетворяет Мировую Ось (ср. др.-инд. *varṇa* «буква» — англ. *write* «писать» < и.-е. **cer-* «резать, царапать», но и.-е. **cer-* «верх» и др.-англ. *swir* «столб», а также и.-е. **cer-* «огонь»: огненная вертикаль). Мировая Вертикаль символизирует д в о й с т в е н н о с т ь божественного движения: движение мыслится снизу вверх и сверху вниз, как соединяющее (приближающее) и разъединяющее (удаляющее), положительное и отрицательное, спасительное и гибельное (вертикальное — божественное — движение соединяет две космические зоны — Землю и Небо, — которые некогда были двуединым целым: первоначально Отец-Небо и Мать-Земля были слиты воедино и первым условием самого творения было их разъединение, раз-движение и отталкивание друг от друга). Только тогда, когда это условие было выполнено, появилось п р о с т р а н с т в о т в о р е н и я (ср. тох. *A pārs-* «письмо, послание, связный текст», но тох. *A eprer* «воздушное пространство»). Понятие «верх» может символизировать единство вселенских начала и конца (ср. и.-с. **cer-* «верх», но др.-инд. *varṇa* «буква» и тох. *A warn-* «начинать»), что по существу равносильно Мировому Разуму, т.е. Божеству (ср. и.-е. **ker-* «царапать, писать», нем. *kerben* «делать зарубки», нем. *schreiben* «писать», и.-е. **ker-* «верх» и тох. *A kār-* «знать»: Мировой Разум). Понятие верха — символ вселенской целостности (ср. др.-инд. *śarva* «целый») и мировой Души (ср. тох. *A wras* «дыхание»); верх считался оберегом (ср. хет. *warras* «help»; *warressa* «shut in, protest»). Существует непосредственная связь между понятиями «буква»: «писать», с одной стороны, и «верх»: «творить» — с другой: ср. др.-инд. *varṇa* «буква», но и.-е.

⁴ Каждая буква соотносилась с определенным числом и имела свою символику.

**cer-* «верх» и и.-е. **cer-* «творить»; подобно этому: и.-е. **ker-* «писать», но и.-е. *ker «верх» и **ker-* «творить» [Топоров 1996; Wrobel 1995].

Рисованное слово-символ фактически олицетворяет обрядовый танец, мыслимый как многомерное движение: ср. алб. *kërcej* "танцевать" (танец мыслился как сгибание рук и ног, сходное с движением языков пламени: и.-е. **ker-* "гнуть": **ker-* "гореть": алб. *krah* "рука", болг. *крак* "нога") и и.-е. **ker-* "писать" (изогнутые линии букв, как и ветки деревьев, связывали с колдовством: ср. литовск. *kėras* "Staude", *kerėti* "in die Äste schießen", но литовск. *kerai* "чары"). В этом плане как формальный, так и концептуальный «рисунок» отдельных слов-символов – различен. Слово-символ можно также рассматривать как космогоническое плетение (ср. плетение воды и огня), как совокупность иерархически неравнозначных божественных узлов. На одних иерархических уровнях узлов более существенными оказываются одни энергии, ритмы, направления связей, на других – другие.

Инструментом письма для Божества была божественная десница (ср. русск. *ручка* «инструмент для письма») или божественный пенис (он приравнивался к божественной деснице): ср. греч. *χερ* «рука», но и.-е. **ker-* «писать, царапать»: ср. нем. *kerben* «наносить зарубки»; нем. *schreiben* «писать»; тох. А *poke* «рука», но русск. *буква*, англ. *book* «книга». С другой стороны, ср. др.-англ. *teors* «пенис», но арм. *tar* «буква»; и.-е. *pesnis «пенис», но русск. *писать*, тох. А *pārs-* «письмо, послание, связный текст», но и.-е. **per-* «рука». Божественная десница и божественный пенис приравнивались метафорически к тростнику – наиболее известному орудю письма: ср. русск. *тростник*, *трость*, но др.-англ. *teors* «пенис»; лат. *calamus* «тростник», но корнийск. *cal* «пенис»; ср. с другой стороны, лат. *penis* < *pesnis, но англ. *pen* «ручка для письма» (ср. англ. *spin* "ткать").

Рисованное слово-символ в своем первозданном виде представляло собой криптограмму, заключавшую в себе зашифрованный на основе определенных алгоритмов комплекс скрытых смыслов (внутренний пласт криптограммы), который вторично шифровался в рамках тесно связанного с ним графического криптокомплекса (внешний пласт криптограммы, включающий геометрическую символику буквенных знаков, их количество, качество и взаимное расположение по отношению друг к другу). Слово-символ заключало в себе несколько «банков данных», представленных в виде концентрических кругов, т.е. находившихся как бы один в другом, и надежно «упрятанных» за глухим забором графической анаграммы. «Семантическая спираль» слова-символа включала в себя широкий спектр единиц, начиная от потенциальности, никак не выраженных в слове, но явившихся неотъемлемой частью целостности слова, и кончая шкалой так называемых семантических субститутов, т.е. запрограммированных в рисованном слове механизмов замены одних значений другими, причем несколько значений могло быть субститутами одного, а одно значение – субститутом нескольких значений. Как формальные, так и семантические комплексы слова одновременно являлись и своеобразными моделирующими системами, обладающими свойствами саморегулирования и самонастройки во всех случаях внешней (формальной) и внутрисловной энтропии (в мифологическом понимании этого термина). При этом необходимо иметь в виду, что любой «беспорядок» имеет свою упорядоченность, а любой «порядок» в той или иной мере беспорядочен. Каждое слово-символ несло в себе определенный – меньший или больший (количественно и/или качественно) «заряд» – космической и мистической энергии, который изменяется в зависимости от длины слова, его качественного состава и позиции буквы или сочетания букв (магических узлов) в слове: как во внешней оболочке буквы или слова, так и «внутри» слова или буквы устанавливается определенный энергетический «баланс». При этом как в букве, так и в сочетании букв различался ряд метаязыковых элементов, которые стояли как бы «над» основным мистическим смыслом буквы или сочетания букв; это – табуирующие, тотемические, виктимальные и сакральные маркеры [Маковский 1998; Dornseiff 1925; Bertholet 1949].

Понятие буквы непосредственно соотносится с понятием огня: отдельные части

буквы рассматривались как языки огня и интерпретировались в соответствии с их геометрическим положением. Ср. русск. *буква*, но и.-е. **bhok-* «гореть»; латышск. *būrts* «буква», но и.-е. **bher-* «гореть»; др.-инд. *varṇa* «буква», но и.-е. **cer-* «гореть»; др.-сев. *staf, stāf* «буква», но и.-е. **teb-/ *tep-* «гореть»; латинское слово *littera* «буква» представляет собой табуированное образование, в котором два раза повторяется один и тот же элемент: **tel- > lit-*; **tel- > *ter-*: ср. индо-арийск. *tal* «гореть»; греческое слово *γραμμά* «буква»⁵ (ср. греч. *γραφεῖν* «писать») соотносится с и.-е. **gher-* «гореть»; лат. *liber* «книга», но латышск. *lèpt* «гореть».

Поскольку, согласно древним представлениям, центр огня в антропоморфной модели Вселенной (человека) находился в животе, большинство слов со значением «буква» соотносится со значением «желудок», «кишки»: ср. русск. *буква*, но др.-англ. *buc*, нем. *Vauch* «живот»; др.-инд. *varṇa* «буква», но греч. *βρυα* «кишка»; литовск. *raidà* «буква», но др.-англ. *réada* «желудок коровы»; др.-англ. *runa* «буква» (букв. «тайнство»), но лат. *rumen* «желудок». Греческое слово *γραμμά* «писать» соотносится с ирл. *crod* «желудок», др.-англ. *gréada* «Schoß, Busen»; латышск. *būrts* «буква», но ирл. *bri* «живот»; сербско-хорв. *has-lo* «знак», но литовск. *kasà* «поджелудочная железа»; лат. *legere* «читать», но хет. *legan* «внутренности»; лат. *elementum* «буква», но лат. *ilia* «кишка»; ср. также: исл. *áll* «Keim» (буква как первоестество); хет. *ilan* «лестница» (в небо); лат. *liber* «книга», но англ. диал. *lebb* «Kalbmagen».

С самого начала своего возникновения в виде пиктографии письмо использовалось в белой и черной магии (буквенная магия). Магическая сила написанного менялась в зависимости от материала, на котором была сделана надпись (ср. и.-е. **lep-* «камень», но лат. *liber* «книга», др.-инд. *lip-* «Schreiben, Schrift»; англ. *leather*, нем. *Leder* «кожа», но лат. *littera* «буква»; арм. *tar* «буква», но и.-е. **ter-/ *tar-* «дерево»), а также от материала, которым делалась надпись (острые предметы, мел, краска, кровь, «священные» предметы, использовавшиеся для письма). Большое значение имела личность самого писца. Определенные буквы, буквенные формулы, сочетания и сокращения букв, нанесенные на тот или иной материал, подвешивали на шею в виде амулетов [Hansmann, Kriss-Rettenbeck 1977], писали на теле; словесные обереги прикрепляли к стенам или дверям домов, подкладывали под новорожденного, проглатывали записки с нанесенными на них буквами-оберегами: это были своеобразные жертвоприношения, но также и молитвы, позволявшие «слиться с божеством». Ср. в этой связи: др.-инд. *varṇa-* «буква», но авест. *xvar-* < **swer-* «съедать»; англ. *book* «книга», но др.-инд. *bhuḥ* «съедать, проглатывать»; греч. *στοιχεῖον* «буква», но арм. *taç* «пища»; греч. *γραφεῖν* «писать», но и.-е. **gher-* «съедать». Ср. еще: др.-англ. *writan* «писать», но др.-сев. *verðr* «сакральная трапеза»; гот. *meljan* «писать», но нем. *Mahl* «еда, обед»; русск. *писать*, но лат. *pas-co* «füttern».

С другой стороны, слова со значением «буква», «книга» соотносятся со значением «сущий» (метафора Божества): ср. др.-инд. *varṇa* «буква», др.-сев. *vara* «быть, существовать» (ср. литовск. *varas* «сила»); греч. *στοιχεῖον* «буква», но тох. А *tak* «быть, существовать»; можно полагать, что латинское слово *littera* «буква» представляет собой сочетание табуирующего отрицания *le-* (ср. хеттское отрицание *le*) + корень, представленный арм. *darnal* «быть, существовать; становиться»; с другой стороны, не исключено, что здесь перед нами сложение корней с регрессивной ассимиляцией (ср. удвоение *-tt-*), представленных арм. *linel* «быть, существовать; становиться, превращаться» < **klin-* + арм. *dar-n-al* «быть; превращаться, становиться»: ср. и.-е. **dhel-* «schwellen» > «sein». Ср. также: сербско-хорв. *has-lo* «знак», но хет. *kiša* «быть»; и.-е.

⁵ Ср. тох. А *karme* «истинный». Ср. также: англ. *spell* «произносить или писать слово по буквам», но и.-е. **pel-* «гореть»; «огонь» [Глазерман 1997]. Понятие огня часто соотносится с понятием «истинный»: ср. осет. *súgun* «жечь; гореть», но осет. *sygdoeg* «настоящий, святой»; и.-е. **dhel(g)-* «гореть» (ср. греч. *φλόγις* «пламя»), но русск. *по-дли-нн-ый*.

*ker- «царапать, писать» (нем. *schreiben*), но осет. *coeryn* «жить». Далее следует сопоставить: др.-сев. *stæfr* «буква», нем. (*Buch*)*stabe* «буква», но литовск. *tapti* «становиться, превращаться; возникать»; русск. *буква* (ср.-англ. *book* «книга»), но и.-е. *bhū-k «быть».

Значение «буква» и «книга» может соотноситься со значением «родить, производить на свет»: ср. др.-инд. *varṇa* «буква», но осет. *waryn* «родить»; лат. *littera* «буква», но англ. *litter* «выводок (животных)»: лат. *liber* «книга», но лат. *liberi* «дети»; тох. А *pärs-* «письмо, послание», но лат. *pariō* «родить»; латышск. *būrts* «буква», но и.-е. *bher- «родить»; литовск. *raidà* «буква», но русск. *родить*. В связи с этим интересно, что понятия буквы и книги могут соотноситься с понятием гриба – символа сексуальной потенции (Божества): ср. хет. *hatrai* «писать», но др.-инд. *chattrā* «гриб»; лат. *fungus* «гриб», но русск. *буква*, англ. *book* «книга»; нем. *kerben* «делать зарубки», нем. *schreiben* «писать», греч. *γραφεῖν* «писать», но русск. *гриб*.

Понятия буквы и книги соотносятся, как уже говорилось, с понятием божественного Движения: ср. лат. *codex* «книга», но др.-сев. *skunda* «schnell fortschaffen»; др.-инд. *varṇa* «буква», но др.-инд. *worīan* «двигаться»; греч. *στοιχεῖον* «буква», но греч. *στελεῶ* «двигаться»; лат. *littera* «буква», но гот. *ga-leiþan* «двигаться»; лат. *liber* «книга», но исл. *labb* «leiser Gehen»; латышск. *būrts* «буква», но и.-е. *bher- «двигаться».

С другой стороны, понятия буквы и книги связаны с понятием очищения: ср. др.-инд. *varṇa* «буква», но литовск. *svarūs* «чистый»; арм. *tar* «буква», но литовск. *tyras* «чистый» (ср. и.-е. *ter- «три» – символ вселенской гармонии, божественного Разума, совершенства, неба; ср. также валлийск. *tor* «матка»); лат. *codex* «книга», но др.-инд. *śuddha-* «чистый».

Далее следует отметить связь понятий «буква» и «книга» с понятием змеи: ср. тох. А *pärs-* «письмо, послание, связный текст», но нем. диал. *Pier* «червь, змея»; лат. *littera* «буква», но др.-сев. *liðr* «змея» + бретонск. *aer* «змея» (ср. также: лат. *littera* «буква», но др.-сев. *liðr* «змея» + др.-инд. *taruḥ* «червь, змея»); арм. *tar* «буква», но др.-инд. *taruḥ* «червь, змея». Тох. А *pärs-* «послание, связный текст» можно также сопоставить с англ. диал. *free* «червь, змея».

Понятия буквы и книги соотносятся, кроме того, с понятием «начало» (буква как первичная сущность Мироздания): ср. др.-инд. *varṇa* «буква», но тох. А *warn-* «начинать»; русск. *книга*, но и.-е. *ken-/ *kon- «начинать» и «кончать» (единство начала и конца); латышск. *būrts* «буква», но шведск. *börja* «начинать» (и.-е. *bher-)⁶.

Письмена, нанесенные резцом или краской на том или ином материале, использовались для излечения больных: ср. др.-инд. *lekhyā* «писать», но и.-е. *lek «лечить»; и.-е. *ker-/ *kel- «писать», но др.-инд. *kalya* «здоровый» (ср. и.-е. *kel- «говорить, заговаривать болезнь»); др.-инд. *varṇa* «буква», но русск. *врачевать, врач* (ср. и.-е. *cer- «говорить, заговаривать болезнь»). Буква олицетворяет сверхъестественную силу божества: ср. др.-инд. *varṇa* «буква», но литовск. *varas* «сила»; арм. *tar* «буква», но др.-инд; *taras* «сила», гот. *meljan* «писать», но и.-е. *mel- «stark».

С другой стороны, книга и буква могли быть источником болезни, страданий и смерти; ср. лат. *codex* «книга», но др.-англ. *codi* «болезнь»; русск. *книга*, но и.-е. *kenk- «страдать, мучиться»; др.-инд. *varṇa* «буква», но др.-в.-нем. *sweran* «болеть, быть больным» (ср. др.-англ. *swerian* «говорить, заговаривать болезнь»); тох. А *pärs-* «послание, связный текст», но хет. *arp* «несчастье»; русск. *буква*, но хет. *puk* «ненависть»; лат. *littera* «буква», но нем. диал. *lerz* «left, bad»; лат. *scribere* «писать», но хет. *herp* «враг»⁷. Ср. далее: гот. *meljan* «писать», но литовск. *melas* «ложь, обман»; др.-

⁶ Ср. также: гот. *meljan* «писать», но др.-инд. *mula* «Ursprung, Anfang».

⁷ Можно также сопоставить: др.-инд. *varṇa* «буква», но иранск. *vrsana «голод, страдание, смерть».

англ. *writan* «писать», но русск. *вред*; литовск. *raksti* «писать», но ведическ. *raksah* «damage», др.-инд. *rakhaḥ* «Ärger; Böses»; латыш. *būrts* «буква, но лат. *fraus* "обман; ущерб"».

Понятия буквы и книги могут быть связаны с понятием божественной Стихии: ср. лат. *liber* «книга», но лат. *liber* «свободный»; тох. А *pārs-* «послание, связный текст», но англ. *free* «свободный»; греч. *στοιχεῖον* «буква», но также «стихия»; англ. *spell* «произносить или писать слово по буквам», но тох. А *pal* «природа»; др.-сев. *stæfr* «буква», ср. нем. (*Buch*)*stabe* «буква», но латышск. *daba* «природа»; др.-англ. *writan* «писать», но англ. *weather* «погода».

Письмо мыслилось как Божественное Явление (ср. русск. *писать*, но др.-инд. *paś* «erscheinen, sich vorstellen») и как вселенская Связь (ср. русск. *писать*, но др.-инд. *pāśa* «Seil, Strick»; типологически ср.: тох. А *ṣotre* «знак», но др.-инд. *sūtra* «нить»).

Специальный порошок использовался для нанесения буквенных знаков на поверхность (порошок наделялся сверхъестественной и божественной силой): ср. русск. *буква*, англ. *book* «книга», но др.-инд. *bukka* «порошок»; др.-англ. *runa* «буква», но др.-инд. *renu-* «порошок, прах»; гот. *meljan* «писать», но литовск. *smelis* «песок».

Понятие «буква» соотносилось с понятием «дух, дыхание»: ср. др.-инд. *varṇa* «буква», но тох. А *wras* «дыхание»; латышск. *būrts* «буква», но англ. *breath* «дыхание»; греч. *στοιχεῖον* «буква», но русск. *дух*; англ. *spell* «произносить или писать слово по буквам», но латышск. *elpt* «дышать»; англ. *write* «писать», но англ. *wraith* «дух».

Понятие книги и буквы непосредственно связаны с понятием краски: ср. лат. *codex* «книга», но др.-сев. *skjqttr* «gefleckt, scheckig»; лат. *littera* «буква», но др.-сев. *littr* «краска»; англ. *spell* «читать или писать слово по буквам», но литовск. *spalva* «краска»; др.-инд. *varṇa* «буква», но гот. *swarts* «черный».

Понятия письма и буквы могут соотноситься с понятием религиозного экстаза: ср. лат. *littera* «буква», но др.-сев. *leidla* «экстаз»; гот. *meljan* «писать», но и.-е. **mel-* «экстаз»; лат. *scribere* «писать», но латышск. *skurbs* «пьяный». Вместе с тем понятие буквы и книги могло соотноситься с понятием Пустоты: согласно мифопоэтическим представлениям, Пустота – источник божественного рождения и творения: ср. литовск. *raidà* «буква», но ирл. *reid* «vacuum»; др.-инд. *pustakam* «книга», но русск. *пустой*.

В эддическом эпосе можно найти свидетельства того, что руны связаны с так называемым «медом поэзии» – священным напитком мудрости. Он был создан карликами из крови убитого ими мудреца Квасира и из пчелиного меда; третьим компонентом «меда поэзии» были руны, которые вместе с кровью и медом составили напиток мудрости. В более широком смысле «мед поэзии» можно истолковать как опьяняющий напиток, который был неотъемлемой частью сакрального возлияния. В мифах также прослеживается мотив о похищении опьяняющего напитка (похищение сомы-амриты в индийских мифах, хаомы – в иранских, нектара-амброзии – в греческих). Ср. в связи с этим: хет. *senas* "image", но осет. *saen* "вино"; др.-инд. *varṇa* "буква", но алб. *verë* "вино"; лат. *littera* "буква", но др.-англ. *lið* "яблочное вино", ирл. *laith* "пиво" + русск. *тюря* "похлебка на воде с крошеным черным хлебом и солью, часто на квасе с луком", литовск. *tūrė* "каша"; греч. *υραцца* "буква" можно соотнести с корнем, представленным литовск. *geri* "пить", др.-инд. *ghela* "вино", др.-англ. *gers* "трава" (исходный материал для приготовления опьяняющего напитка) + суффикс *-men* (ср. др.-сев. *leidla* "экстаз", опьянение"); нем. (*Buch*) *stabe* "буква", др.-сев. *stæfr* "буква", но англ. диал. *tib* "small beer" (ср. др.-англ. *tiber* "жертвоприношение", др.-сев. *tifurr* "божество", англ. диал. *tiver* "краска"). Интересно соотношение слов со значением "трава" (исходный материал для изготовления напитков) и слов со значением

"писать" – "буква": ср. лат. *scribere* "писать", но лат. *herba* "трава"; др.-англ. *runa* "буква", но русск. диал. *руно* "пучок хмеля с корнями" (ср. др.-инд. *ṛṇa* "первопричина"); русск. *буква*, но др.-сев. *bygg* "ячмень"; др.-инд. *varna* "буква", но ирл. *fer* "трава"; арм. *tar* "буква", но др.-инд. *tr-na* "трава".

Важно иметь в виду, что буква, как и напиток мудрости, считались тотемами и приравнивались к зверю-тотему: ср. арм. *tar* "буква", но нем. *Tier* "зверь"; гот. *meljan* "писать", но индо-арийск. *mallu* "медведь"; русск. *буква*, англ. *book* "книга", но нем. *Bock* "козел", англ. *buick* "козел"; русск. *книга*, но нем. *Hengst* "мерин"; тох. А *pärs-* "письмо, послание", но литовск. *pele* "мышь"; нем. диал. *Pier* "червь".

Можно полагать, что древнейшие священные письменные знаки были связаны с так называемой "письменностью птиц", соответствующей сакральному языку – "языку птиц": речь идет о птичьих следах, оставляемых ими на песке или на снегу; эти "лапки", напомиавшие божественные языки пламени, принадлежат обитателям небесной тверди – птицам, которые, по традиции, считаются символами властителей неба, богов, прообразами божественных ангелов. В этой связи интересно сопоставить: англ. *bird* "птица", но латышск. *būrts* "буква"; гот. *meljan* "писать", но франц. *milan* "коршун"; арм. *tar* "буква", но русск. *тетерев* (ср. арм. *ter-čun* "птица"). Праобразом "плетения письмен" были ветки куста или дерева, а также языки пламени, которые соотносились с отпечатками лапок птиц и с рукой: ср. греч. *χείρ* "рука" – и.е. **ker-* "писать" – и.е. **ker-* "писать", **ker-* "гореть", но нем. диал. *Hart* "лес", и.е. **ker-* "куст", а также англ. *heron* "цапля", лат. *hir-undo* "ласточка").

Для обретения рун – божественной мудрости, силы и откровения – жрецам приходилось подвергать себя жестоким испытаниям: они подвешивались на деревьях, протыкали себя острыми предметами, наносили себе увечья (страдание, по представлению язычников, считалось важнейшим путем единения с Божеством, одним из звеньев божественного перевоплощения, символом чуда): ср. др.-инд. *sas-* "bezeichnen", но др.-англ. *sysl* "Qual", *seoslig* "bekümmert", др.-инд. *sasalya* "leidvoll"; хет. *tarpalliis* "знак", но русск. *тепнеть* (ср. арм. *tar* "буква" + англ. *spell* "читать по буквам"), ср. также литовск. *tarpti* "преуспевать"; лат. *signum* "знак", но др.-англ. *sacu* "Streit; Sünde" (ср. др.-инд. *saha* "сила, мощь", латышск. *sākt* "начинать").

Рассмотрим теперь отдельные буквы латинского алфавита с точки зрения "божественной геометрии", т.е. значимость и символику отдельных букв и входящих в них геометрических фигур как составляющих Мироздание, созданное "Великим Геометром" – Божеством [Aivanhov 1988].

Если точку принять символически за царство Богов⁸ (в древности точка символизировала Центр, первопричину, место, откуда все происходит и куда все возвращается), т.е. за боготворческое начало, которое можно изобразить в виде зерна, из которого выходит стебель, то точка, из которой выходит Луч, есть Бог-творец, который творит Мироздание, что и дает Единицу. Но от Божества исходит не один луч, а много, таким образом устанавливается диалектическая взаимосвязь единичного с общим (множественным) и множественного (общего) с единичным. Именно такие два луча, исходящие из одной точки, представлены в написании буквы А: один из лучей – это божественный Свет, а второй – это тьма, пустота; кроме того, буква А представ-

⁸ Божественная точка наиболее явно обнаруживается в латинской строчной букве *i*. Геометрическая точка ничтожна количественно и не занимает никакого пространства, но именно она есть Принцип, посредством которого произведено все пространство, являющееся лишь разворачиванием ее собственных виртуальных возможностей в различных плоскостях. Равным образом арифметическая единица является самым малым из чисел, если рассматривать ее как погруженную в их множественность, но она же является самым большим числом изначально (в принципе), потому что она всех их заключает в себе виртуально и производит весь их ряд бесконечным повторением себя самой. Точка есть одновременно принцип и зародыш протяженностей; единица есть одновременно принцип и зародыш чисел.

ляет собой треугольник – символ Божества, вселенской Гармонии, вселенского порядка, сцепления, и человека как антропоморфного символа Вселенной. Буква *A* олицетворяет опускание божественной Энергии в созданный Божеством материальный мир; кроме того, лучи, исходящие из одной точки в букве *A*, символизируют возвращение всех энергий творческого процесса в божественное пространство. Буква *A* – это единство противоположностей: начала и конца, бытия и небытия, мужского и женского, верха и низа, внешнего и внутреннего. Единица предстает как соединение противоположностей, т.е. как двойка, спаянная воедино, горизонтальная черта, соединяющая два луча в букве *A* – это связь противоположностей, определяющих божественное Бытие. Буква *A* – это символ Божества (ср. др.-сев. *ass* "бог, божество"), это символ божественного Глаза (ср. тох. *A ak* "глаз"); буква *s*, присоединяемая к *A* в первом случае, символизирует божественную спираль (олицетворение вселенского равновесия и боготворчества), а буква *k* во втором случае символизирует вселенский порядок и гармонию.

Буква *B* представляет собой изображение божественного шеста (фаллоса, лестницы в небо), соединенное с расколотым пополам Мировым яйцом (оно же может фигурировать и как часть мужского полового органа – фаллос и мошонка); обе части Мирового яйца повернуты вправо (число "три"). Символика буквы *B* – начало божественного творчества, истечение семени, экстаз, вспышка, молния, рождение, рассвет, восход Солнца⁹.

Буква *C* – это символ разрыва круга, разрыва вселенского Порядка и божественной Вечности, это символ луны, потустороннего мира (ср. лат. *cessare* "прекратить, разорвать", где буква *C* соединена с *S* – символом вселенского равновесия). Вместе с тем, согласно мифопоэтической традиции, божественный разрыв Хаоса – это символ боготворчества, олицетворение скрытого огня, концентрированной энергии жизни, божественной силы, божественного семени, а также души и воздуха.

Буква *D* олицетворяет дверь, переход из одного состояния в другое. Вместе с тем рассматриваемая буква символизирует женский половой орган, коитус, а также женскую грудь. Однако значение "дверь" может одновременно означать отделение одного божественного энергетического пласта от другого, а также отделение тела от души (смерть как соотносительный элемент в диаде "жизнь – смерть")

Буква *E* – это шест с отходящими от него параллельно расположенными тремя лучами, направленными вправо: она символизирует лестницу в небо, каждая ступенька которой олицетворяет различное распределение божественной энергии (три неба); буква *E* – символ боготворчества, солнца, света, огня, звука. В букве *E* все три пласта (божественный, огненный и материальный), которые рождаются от творческого процесса Бога-Творца, объединяются в единый поток, чтобы вернуть всю энергию в Царство Бога. Буква *E*, таким образом, – это символ божественных энергий, от верха до низа и от низа до верха. Поэтому буква *E* в зеркальном отражении также символизирует шестиконечную звезду (щит Давида).

Буква *F*, в отличие от буквы *E*, имеет только два параллельных луча, исходящих от божественного шеста (фаллоса): первый луч отходит от верхней части шеста, олицетворяя божественный Разум, а второй луч от средней части олицетворяя сердце. Лучи в букве *F* символизируют также рога священного животного – коровы (небожителя и символа божественной силы). Символика буквы *F* – огонь, солнце, божественная энергия.

Буква *G* – это та же *C* с загнутым нижним концом (божественный узел). Она символизирует не только разрыв непрерывности, но и различные по магической силе Узлы, связывающие Землю с Небом, а также отдельные микро- и макромиры. Символика этой буквы – самодостаточность, божественная творческая сила, целост-

⁹ Ср. и.-е * *bhū-* "быть", * *bhā-* "гореть"; * *bhā-* "издавать звуки".

ность Мироздания. С другой стороны, некоторые авторы (например, Генон) указывают на следующее. Если четыре греческих буквы Г (гамма) сложить под прямым углом, то образуется свастика – символ вращения вокруг центра Мироздания, символ постоянного возрождения, реинкарнации, а также боготворчества; свастика символизирует четыре основных точки в пространстве. Если же разделить символ свастики пополам, то мы получим прототип современной латинской буквы G (справа) [Генон 1997].

Буква H – это два параллельно стоящих вертикальных шеста, соединенных горизонтальной перекладиной. Эта буква олицетворяет двойственность божественной единичности (расщепление божественной единицы как акт творения: ср. хет. *hās* "открывать, разорвать", но *hās* "родить, зачать") и в то же время спаянность, неразрывность двух противоположных частей Единицы (соединительная черта между двумя параллельными вертикальными линиями). Вместе с тем рассматриваемая буква олицетворяет небесные столпы, божественную дверь, небесных близнецов [Chevalier, Gheerbrant: 546–547].

Буква I – вертикально стоящий шест – символизирует мировую Ось, вечность, а также божественный фаллос.

Буква K – это божественный шест (фаллос) с отходящими от его середины (сердце в мифопоэтической символике) под острым углом двумя лучами, располагающимися справа. Одновременно верхняя и нижняя части буквы K образуют острые углы, повернутые соответственно вниз (мужское начало) и вверх (женское начало). Буква символизирует андрогина (божественная самодостаточность). В другой проекции перед нами символ срединного пути, пути золотого сечения (Даосская философия, учение Будды), а также олицетворение стрелы – символа божественного Разума (ср. лат. *sagax* "мудрый", но *sagitta* "стрела"), символ фаллоса и божественного творения, символ связи неба и земли.

Буква L – это божественный шест с лучом, отходящим от его основания (крест). Эта буква олицетворяет единство Верха и Низа, божественное пространство. С другой стороны, луч, отходящий от вертикального шеста, олицетворяет Божественную Руку (в мифопоэтической традиции Божество нередко символизируется божественной десницей: ср. лат. *deus* "божество", но и.-е. **dous-* "рука"; и.-е. **bhag-* "рука", но русск. *бог*; лат. *manus* "рука", но др.-перс. *mana* "god").

Буква M – это сочетание трех треугольников, два из них направлены острым углом вверх (женское начало), один вниз (мужское начало). Символика буквы – столкновение морских волн (олицетворение рождения), гора (символ Вселенной), небесное восхождение¹⁰.

Буква N – это сочетание двух треугольников – у одного острый угол направлен вниз (мужское начало), а у другого – вверх (женское начало) – тезис и антитезис. Символика буквы – олицетворение единства противоположностей, бытия и небытия, движение Духа в различных направлениях в пространстве, божественного Таинства (буква N входит в M).

Буква O – это символ мирового Яйца, женского начала, космоса, солнца (глаз Вселенной), а также Божественной вечности, символизируемой кругом, символ Мироздания.

Буква P – символ мужских половых органов, боготворчества, Мирового разума. Она представляет собой божественный шест (фаллос), справа от которого находится половинка расколотого Мирового яйца (ср. русскую букву Ф, где представлены обе половинки Мирового яйца и божественный шест, раскалывающий его посередине).

Буква R по своему строению напоминает букву P с той лишь разницей, что от середины божественного шеста в этой букве под острым углом отходит луч. Как и в

¹⁰ Буква W – это перевернутое M.

букве *P*, в рассматриваемой букве в верхней части шеста находится окружность (символ вечности, совершенства, мирового разума), направленная вправо. Луч, отходящий от середины (символ сердца) шеста, как и окружность, находящаяся в верхней части шеста (символ головы), олицетворяют непреложность божественной Воли¹¹. Вместе с тем, как и буква *P*, рассматриваемая буква имеет явно выраженный фаллический характер: об этом говорит, в частности, треугольник, направленный острым углом вверх (женское начало): этот треугольник образуется лучом, отходящим от середины шеста.

Буква *S* символизирует Божественную Змею – символ вечности, бесконечности, бессмертия; с другой стороны, буква *S* символизирует спираль – олицетворение космоса, а также цикличности, вечности Бытия, независимого от изменчивости движения, ритмичности; кроме того, спираль имеет фаллическое значение.

Буква *T* представляет собой вертикальный божественный шест (фаллос), перпендикулярный горизонтальной линии на его вершине (крест): речь идет о Боже-стве–творце, символизируемом шестом, упирающимся верхней частью в небо (оно олицетворяется горизонтальной чертой); рассматриваемую букву можно также интерпретировать как объединение Духа Покоя и Духа Движения – от их соединения получается Дух творчества (вообще перпендикулярная линия символизирует боготворчество)¹².

Буквы *U*, *V* символизируют Чашу – олицетворение Космоса (разломанного мирового яйца) и бессмертия, мужского начала (острый угол в буквах *V*, *W* направлен вниз), а также Судьбы.

Буква *X* представляет собой два треугольника, соединенные в верхней части острыми углами, т.е. соединение мужской и женской сущности (космос), а также пересечение линий (крест). Вместе с тем левая и правая стороны буквы *X* образуют два других треугольника, соприкасающихся острыми углами, что символизирует переход из одной сферы (тьма, смерть, тупик) в другую (свет, жизнь), т.е. перевоплощение, реинкарнацию. Буква *X* состоит из римской цифры *X*, соединенной с другой римской цифрой *Y* в нижней части: она символизирует объединение пяти небесных и земных стихий в единую сущность.

Рассмотрение латинского алфавита с точки зрения языческой символики отдельных геометрических фигур, входящих в отдельные буквы, показывает, что в основе построения букв лежат такие геометрические сущности, как точка (олицетворение Божества), вертикальная линия (священный луч, исходящий от Божества и символизирующий божественный фаллос, боготворчество), лучи, отходящие от вертикального шеста под острым углом (вверх и вниз), окружность (символ мирового яйца), находящаяся в верхней или нижней частях вертикального шеста, а также справа или слева от него; параллельные или перпендикулярные вертикальные линии. В этом плане интересно сравнить латинское *L* и русское *Г*; латинское *R* и русское *Я*; латинское *P* и латинское *b* или *d*, а также русское *Ф*.

Остановимся кратко на некоторых строчных буквах латинского алфавита. Строчная буква *a* (*a*) – это виток спирали, которая символизирует постоянство вращения божественной энергии в верхнем, среднем и нижнем мирах (в божественном, огненном и материальном мирах); эта буква символизирует также свернутую змею – символ Вселенной и магического узла; строчная буква *e* также указывает на спиральность и волновое развитие (трансформацию) божественной энергии, ибо *e* – это часть (одно звено) спирали; строчная буква *g* – это вертикально стоящая Змея (символ Вселенной), лестница в небо (с множеством магических узлов); окружность в латинских буквах *b* и *d* находится в нижней части шеста и повер-

¹¹ Воля возникает в сердце и в голове. Метафорой божества является не только боготворчество, но и воля.

¹² Буква *T* символизирует также знамение, предзнаменование.

нута соответственно вправо (белое пространство) и влево (черное пространство)¹³ [Harter 1951; Stuhlfauth 1937].

Обратимся теперь к подробному рассмотрению индоевропейских слов со значением "книга" (понятия книги и буквы часто контаминируются: ср. ст.-слав. *книга* "буква"; полабск. *буква* "книга" и сербско-хорв. *slovo* "буква").

1. Русское слово *книга* соотносится с греч *κνίξω* "царапать, вырезать", др.-англ. *spocian* "бить"; англ. диал. *gneck* "зарубка", др.-сакс. *knagan* "тереть, царапать". С другой стороны, следует принять во внимание: др.-англ. *спуссан* "связывать", англ. диал. *kink* "узел", др.-сев. *kengr* "согнутость"¹⁴, *kinga* "брактеат". В связи с тем, что священные и жертвенные предметы обычно подвешивались язычниками на деревьях, можно полагать, что русское слово *книга* соотносится с такими словами, как англ. *to hang*, нем. *hangen, hängen* "вешать, висеть". Важно иметь в виду, что понятие сгибания и узла в древности обычно соотносилось с колдовством, со связыванием кого-либо чарами или со связыванием уже наложенных чар. ср. также исл. *knukill* "узел". Соотношение понятий "гнуть" и "колдовать" становится очевидным при рассмотрении таких слов, как исл. *kunngi* "способность колдовать", исл. *knega* "мочь, быть в состоянии". Для этимологизации русского слова *книга* важно привлечь для сравнения нем. *Knochen* "кость" (кость считаласьместилищем душ и священного огня, а также источником рождения, т.е. чуда). С другой стороны, интересно с русским словом *книга* соотнести англ. *knuckle* "сустав пальца" и дат. *knuge* "нажимать" (прикосновение считалось таинством, в результате которого могло возникнуть как добро, так и зло).

Начертание и произнесение сакральных формул – этих самых ранних предшественников книги – были призваны не только навредить врагу или вымолить у Божества то или иное благо для своего племени, но и слияние с Божеством, внезапное небесное Озарение: ср. в этой связи литовск. *knýkteleiti* "plötzlich in den Sinn kommen"; "plötzlich aus dem Schlaf emporfahren".

С русским словом *книга* интересно сопоставить также слова, соотносящиеся с отправлением языческого культа: ср. и.-е. **konk-* "остановиться" (экстаз); типологически ср. др.-инд. *grantha-* "книга", но нем. диал. *gröden* "to stop". Ср. далее: и.-е. **kenk-* "огонь, гореть"; др.-англ. *cinc, cincung* "ритуальный смех" (символ роста, здоровья, очищения от скверны, чуда); др.-англ. *knagge* "шест" (язычники поклонялись шестам); англ. диал. *kniggim* "неприятный вкус" (при съедании обрывков дерева или кожи с нанесенными на них письменами); англ. *knack* "умение, сноровка" (> "колдовство"). Интересно др.-англ. *cniht* "слуга", которое буквально означало "жрец, приобретенный к тайнам письмен".

2. Латинское слово *liber* "книга" можно соотнести с сочетанием корней, представленных др.-англ. *lybb* "колдовство" + и.-е. **ar-* "внешний, потусторонний" (ср. и.-е. **al-* "колдовать"). С другой стороны, следует принять во внимание др.-инд. *lipi* "Schreiben, Schrift" (ср. др.-инд. *lip-* "beschmieren, beschmutzen") + ирл. *spēir* "небо", букв. "письмена на небе". Вместе с тем следует учесть сложение: нем. диал. *Liep, Lieb* "корова" (небожитель, божество) + и.-е. **er-* "корова". Далее можно сопоставить: литовск. *lipti* "совершать восхождение" + и.-е. **er-* "in die Höhe bringen" (символ "лестницы в небо"); англ. диал. *lebb* "Kalbmagen" + и.-е. **ar-* "an sich nehmen, suchen zu erreichen" (чтение по внутренностям жертвенного животного); латышск. *lēpt* "гореть" + и.-е. **ar-* "гореть"

¹³ Понятие пространства может соотноситься с понятием цвета: ср. тох. А *eprer* "воздушное пространство", но др.-англ. *earp* "dunkel-farbig"; лат. *regio* "местность, пространство", но перс. *reng* "цвет, краска"; лат. *ragus* "местность, пространство", но др.-англ. *fah* "краска, цвет"; и.-е. **cer-* "пространство", но одновременно "темный цвет".

¹⁴ Как уже говорилось, значение "разрывать", резать, делать зарубки непосредственно соотносится со значением "гнуть, связывать" (связь – символ вселенской Гармонии), а это последнее значение дает значение "книга": ср. др.-инд. *grantha-* "книга", но др.-инд. *granth-* "связывать".

(ср. и.-е. * *lib-* "клятва у огня"); кроме того, можно сопоставить лат. *labor* "колдовские действия"; др.-в.-нем. *liben* "schützen" (письмена как оберег); литовск. *liepti* "приводить в порядок" (письмена как символ вселенской Гармонии); и.-е. * *lep-* "камень" (орудие письма и материал, на который наносились письмена); англ. диал. *lippen* "случайность" (божественная стихия); англ. диал. *to lib*, нем. диал. *lippen* "резать" (колдовские действия); латышск. *slēps* "таинство"; англ. диал. *libbet* "кусочек дерева" (материал, на который наносились письмена).

3. Английское слово *book* "книга" непосредственно соотносится с др.-инд. *bhuji* "поклоняться божеству", а также "оказывать услугу; доставлять удовольствие; улаживать; улаживать; улаживать"; осет. *buz* "благодарность". С другой стороны, др.-инд. *bhuji* означает "поедающий, пожирающий" (об огне, пожирающем кусок дерева или кожи с нанесенными на них письменами, или о человеке, съедающем письмена); литовск. *bukis* "gestricktes Fischernetz" (книга и буква как плетение); англ. *spook*, нем. *Spuk* "дух, привидение". С английским словом *book* "книга" соотносятся также англ. диал. *bock* "бояться" (бога); и.-е. * *bhok-* "гореть; огонь"; ср. тох. А *pukäl* "год", связанное со значением "гореть" (в древности различались только два времени года – теплый, огненный и холодный)¹⁵; тох. А *puk* "весь, целый" (целостность божественного Мироздания). Интересно сопоставить др.-англ. *buc* "живот, желудок" (в антропоморфной модели Вселенной живот – вместилище огня и души, символ божественной силы); тох. А *poke* "рука" (то, что сжимается; то, что используется для клятвы); русск. *бок* (нечто согнутое) > "колдовство: типологически ср. англ. *side* "сторона, бок", но др.-сев. *seið* "колдовство". Важно учесть тох. А *puk* "верить" и хет. *puk* "ненавидеть".

Английское слово *book* "книга", которое этимологически соотносится с русским *буква*, связано также с лат. *fucus* "краска" (типологически ср. др.-сев. *stæfr* "буква", нем. (*Buch*)*stabe* "буква", но др.-англ. *tiber* "жертвоприношение" и англ. диал. *tiver* "краска"). С другой стороны, англ. *book* соотносится с лат. *fucus* "Brutbiene, Drohne" ("трутень"): пчела–символ божественного Разума (Божества), олицетворение огня и души, а также Слова.

4. Греческое слово βιβλία обычно связывается с названием финикийского города Βύβλος (ср. др.-евр. *gebhul* "приграничный", "граница"). Возможно, однако и объяснение этого слова и на индоевропейской основе. Прежде всего следует принять во внимание и.-е. корень * *bhel-* "раздуться, вздыматься вверх, гореть" (ср. др.-англ. *bel* "костер, вздымающийся вверх огонь" > "сила Божества"). Древние различали цветовые круги горящего сакрального огня ("чакры огня"): самой верхней чакрой был синий цвет, олицетворявший недостижимую высоту, границу между земным и небесным, область, в которой обитают боги, потусторонний мир. В связи с этим (при учете, что рассматриваемое греческое слово – редуцированное образование) можно соотнести это слово с англ. *blue*, нем. *blau* "синий" (относительное символика синего цвета ср. русск. *голубые мечты*; русск. *голубой* "не такой, как все, не от мира сего")¹⁶. Можно сопоставить также: др.-инд. *bala* "сила, мощь"; др.-инд. *bhallah* "günstig"; индо-арийск. *baleya* "fit for the offering"; др.-инд. *balih* "Abgabe, Darbietung" (письмена приносились в жертву богам); др.-русс. *балий* "врач, заклинатель, чародей"; прусск. *ballo* "лоб" (божество писало свои предсказания на лбу людей); латышск. *balss* "голос"; тох. А *pal* "стихия, природа"; литовск. *spalva* "краска". и.-е. * *pel-* "порошок" (порошок и зола использовались для нанесения письмен на тот или иной материал).

¹⁵ Именно в проявлении года изначальная традиция видела проявление Высшего Божества. Год являлся живым и наглядным воплощением двойственной природы божественной реальности, где вечное и неизменное, духовное сочетается со смертным и преходящим, материальным.

¹⁶ Ср. также др.-англ. *bleo* "Erscheinung, Gestalt, Farbe".

Если, однако, рассматривать греческое слово βιβλιον целиком, то его можно соотнести с др.-сев. *tifurr* "божество" (ср. встречающееся в латинских глоссах слово *fufluns* "божество"), а также др.-инд. *dimbah* "(мировое) Яйцо"; др.-англ. *dybbian* "pay heed, worship, sanctify"; др.-сев. *Pyda* "deuten, bedeuten, erklären"; др.-англ. *ge- Piedan* "соединять" (вселенская Гармония, Порядок); нидерл. *dieden* "help" (книга как оберег); лат. *fides* "вера"; лат. *tōtās* "весь, целый" (целостность Мироздания); др.-сев. *didyate* "brennen, schimmern"; исл. *doðna* "gefüllos werden"; др.-сев. *Peuta* "sound"; др.-инд. *tundi* "Nabel" (Центр Вселенной); перс. *daddian* "колдовать"; др.-англ. *tydran* "рожать"; литовск. *dedulas* "еда" (съедание писем считалось жертвоприношением); ирл. *tibiu* "ритуальный смех"; др.-сев. *dubba* "украшать"; и.-е. * *teb-* "чудо"; лат. *februum* "обряд очищения", но др.-англ. *tiber* "жертвоприношение".

Русское слово *бумага* заимствовано из итальянского *bombagio* < лат. *bombavium* "хлопок", откуда франц. *bombasin* "бумаза". Слово это восходит к иранскому: ср. перс. *pambah* < * *pambak* "хлопок, вата", осет. *baembaeg* "вата". Иранское слово в свою очередь следует сопоставить с сочетанием корней: ср. др.-инд. *bamh* "расти, становиться сильным" + др.-инд. *baha* "сильный" (магическая сила материала, на который наносились письмена). Ср. также сочетание: др.-инд. *bamh* "становиться сильным" + и.-е. * *bhak-* "далекий", "неземной" (метафора Божества).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генон Р. 1997 – Символы священной науки. М., 1997
 Глазерсон М. 1997 – Огненные буквы. М., 1997.
 Маковский М.М. 1998 – Метафоры слова // ВЯ. 1998. № 4.
 Топоров В.Н. 1996 – Об одном из парадоксов движения // Концепт движения в культуре и языке. М., 1996.
 Aivānhov O.M. 1988 – The symbolic language of geometrical figures. Frejus, 1988.
 Bertholet A. 1949 – Die Macht der Schrift in Glauben und Aberglauben. Berlin, 1949.
 Clevelier J., Gheerbrant A. 1982 – Dictionnaire des symboles. Paris, 1982.
 Dornseiff F. 1925 – Das Alphabet in Mystik und Magie. Leipzig; Berlin, 1925.
 Fromm H., Harms W., Ruhberg U. (Hrsg.). 1975 – Verbum et signum. Berlin, 1975.
 Hansmann L, Kriss-Rettenbeck L. 1977 – Amulett und Talisman. München, 1977.
 Harter H. 1951 – Giebelzeichen. Form. Verbreitung. Entwicklung. Graz, 1951.
 Osthoff K. 1904 – Allerhand Zauber etymologisch erleuchtet // BB. Bd. 21, 1904.
 Spitz H.-J. 1972 – Metaphorik des geistlichen Schriftsinns. Berlin, 1972.
 Stuhlfauth G. 1937 – Das Dreieck. Die Geschichte eines religiösen Symbols. Stuttgart, 1937.
 Wagner M.L. 1939 – Sorcier et magiciens. Paris, 1939.
 Wrobel A. 1995 – Schreibung als Handlung. Tübingen, 1995.

© 1999 г. О.Г. ЧУПРЫНА

TEMPORUM OPINIO В ДРЕВНЕМ ЯЗЫКЕ И СОЗНАНИИ

Современный человек мало задумывается над тем, что такое время, и замечает его в основном по движению стрелок на циферблате. Чтобы понять представления древних о времени, необходимо вырваться из пределов нынешнего мировосприятия и попытаться осознать иные взгляды на окружающий мир и место человека в нем.

Мифология дала богатейший материал, раскрывший во многом воззрения древних на пространство, время, добро, зло, свое, чужое и иные параметры мироздания, скреплявшие его в древнем сознании в единое целое. В мифах индоевропейских народов время мыслится бесконечным и изначальным; с другой стороны, оно предписывается только земному срединному миру, а в верхнем мире его нет, но "сотворяется" оно там и оттуда отправляется на землю. Земное время конечно и тленно и может уходить назад вверх. Время, как нечто иллюзорное и чувственно неощущаемое, отождествляется с реально сущим и предстает в образе реки, персонифицируется в старца или богиню с прижатыми к губам пальцами и т.д. Перефразируя высказывание О.М. Фрейденберг, глубоко и всесторонне исследовавшей мифологическое сознание в том виде, как оно отражено в литературе отдаленных эпох, можно сказать, что время для древнего человека, отождествлявшего одушевленное и неодушевленное, представлялось и предметом, и человеком, а предмет и человек – временем [Фрейденберг 1978: 103]. Представление о времени могло включаться в общую оппозицию «"мы" – "не мы", в которой "мое" (наше) – это точка отсчета, а что вокруг нее – это не наше» [Маковский 1997: 44].

Древние соотносили время с большим числом объектов действительности. В "Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках" М.М. Маковский пишет, что "время отождествлялось с числом, кругом, с мировым деревом, горой, с земноводными, с водой, с огнем" [Маковский 1996: 103]. В упоминаемой работе исследователь раскрывает глубинные связи между особенностями архаического восприятия времени и языческими символами и действиями. Последние рассматриваются как яркие проявления «стремления "приобщиться" к "божественному" Времени и "вырваться" из "земного" времени» [Маковский 1996: 90]. Нельзя не отметить, что автор словаря приводит энциклопедическую по своей широте библиографию, включающую самые значительные работы по проблеме соотношения архаической языковой ментальности и языческой символики [Маковский 1996: 403–413].

Время неизменно ассоциировалось с пространством и движением; время двигалось либо по кругу, циклично, либо линейно. В разной степени и то, и другое представление было характерно как для мифологического, так и для исторического понимания времени (подробно о соотношении пространственных и временных понятий, а также о циклической и линейной моделях восприятия времени см. Ахундов 1982; Вернадский 1975; Гуревич 1971; Кравченко 1996; Кубрякова 1997; Лотман 1978; Осипов 1978; Першина 1975; Проскурин 1990; Стеблин-Каменский 1971; Топорова 1994; Успенский 1994; Цивьян 1990; Яковлева 1994; Bull 1960; Dombrowszky 1979; Gundlach 1966; Jankowsky 1982; TM 1936; Traugott 1975; TSP 1971; VP 1966; Wierzbicka 1973).

В древнем мировосприятии время столь же значимо, как огонь, вода, воздух, свет,

как Природа. Оно может, как все обитатели Природы, включая человека, быть добрым и злым, своим и чужим.

Естественный временной опыт, преобразованный древним сознанием, предопределил основной семантический признак номинации или внутреннюю форму темпоральных слов. Языковое сознание объединило представление о простейших, чувственно ощущаемых физических действиях и состояниях с представлениями о невидимом, чувственно неосязаемом, но воздействующем на человека и его жизнь времени.

В древнегерманских языках реконструируемая внутренняя форма большинства слов с темпоральным значением соотносится, как показывает исследование Т.В. Топоровой [Топорова 1994], с признаками отдаления, соединения – вращения – кручения, измерения, полагания – покоя, установления, роста и ширины. На этапе становления письменной традиции в древнегерманских языках, в частности древнеанглийского языка, внутренняя форма темпоральных слов снашивается и актуальное значение времени, отражаемое в письменных памятниках, оказывается никак не связанным с исходным признаком номинации. Архетип времени, воплощенный в некоторую языковую форму, наполняется содержанием в зависимости от способа постижения и объяснения времени, потому важнейшим аспектом языковой категоризации темпорального опыта следует признать включенность ее результатов в определенную культурно-языковую парадигму. К у л т у р н о - я з ы к о в о й п а р а д и г м о й следует считать совокупность языковых форм, отражающих этнически, социально, исторически, научно и т.д. детерминированные категории мировоззрения. Культурно-языковая парадигма объединяет к а т е г о р и а л ь н ы е с л о в а, т.е. выражающие значимые для всего общества или его отдельных групп представления о мире и человеке в нем. Языковые формы есть основа парадигмы, которая как бы "прошита" значимыми представлениями. Проиллюстрировать данное положение можно следующим образом. В древнеанглийском языке в парадигме, условно называемой англосаксонской героической, присвоение имени *niht* единице искусственного отсчета времени – "сутки" – было предопределено архаическим представлением, впервые упомянутым Тацитом в его описаниях древних германцев, о том, что день начинается с заходом солнца, наступлением ночи. В другой, латино-христианской парадигме та же самая единица искусственного отсчета времени обозначалась словом *dæg*; выбор этого слова был обусловлен иным взглядом на отсчет времени, согласно которому начало и конец суток следовало вести с восхода солнца. Значение "сутки" и в слове *niht*, и в слове *dæg* соотносилось с представлением не о времени, но о способе его искусственного счета, основанного на разных природных явлениях. Два знаковых комплекса, соотносившихся с одним денотативным значением, но имевших в основе своей разные представления, уживались какое-то время в древнеанглийском языке вследствие сосуществования разных культурных парадигм в лингво-культурной традиции англосаксонского общества. Функционирование этих двух слов с одним и тем же значением есть пример переплетения разных культурно-языковых парадигм в одной традиции. В древнеанглийских памятниках, обязанных своим рождением королю Альфреду, например, в англосаксонской "Хронике" длительность военных походов, запас провизии измеряется словом *niht*, а в "Рассказе о путешествии Охтхере" продолжительность путешествий обозначается словом *dæg*. В современном английском языке рефлексами древней культурно-языковой парадигмы можно считать слова *fortnight* (= fourteen nights) и ныне устаревшей, но еще употребляющейся в 30-х годах *sennight* (= seven nights).

У категориальных слов образопорождающая функция, непосредственно связанная с его концептом, как правило, преобладает над собственно коммуникативной.

К о н ц е п т есть "мысленное образование, которое замещает... в процессе мысли неопределенное множество" [Лихачев 1997: 281] предметов, явлений, состояний разного рода, но воспринятых сознанием как предметы, явления и состояния одного порядка в силу определенных психологических, социальных, исторических и прочих факторов. Содержание категориального слова складывается, таким образом, из его значений и концептов. «Концепты возникают в сознании человека, – пишет академик

Д.С. Лихачев, – не только как "намек на возможные значения" ..., но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т.п.» [Лихачев 1997: 281].

В древнеанглийском языке в англосаксонской героической парадигме в концептуальной структуре слова *niht* очевиден смысл зловещего и пагубного времени: ночь рождает страх – *niht-egesa* "ночной страх" (Ps: 90), ночью бродит *niht-genga* "ночная нечисть" (Lch: 1:2), в это время случается беда – *niht-bealu* "ночное несчастье" (Вео: 193). Слово *niht* ассоциировалось с чудовищами, существами из другого, невидимого мира и их деяниями. В "Беовульф" Грендель появляется только ночью (115, 135, 649, 683, 702, 736), ночью выползает его мать (1334), чудища объявляются ночью (1365) и в это же время дракон опалает все вокруг своим дыханием (2306, 2320). Языковое сознание ставило *niht-genga* в один ряд с *ælf(cyn)*, *deofol* и пагубным искушением (*yfel*) *costung: Gif men hwylc yfel costung weorþe oþþe ælf oþþe nihtgengan* (Lch: 3:44) "Если человек одержим пагубным искушением, или эльфами, или ночной нечистью"; *Wiþ feondes costunga and nihigengan...* (Lch: 3:60) "С враждебным искушением и ночной нечистью"; *Wiþ ælfcynne and nihtgengan and þam mannum þe deofol mid hæmþ* (Lch: 3:10) "С этими людьми знается дьявол, эльфы и ночная нечисть".

Только Герой может вмешаться в "чужое" темное время, чтобы там победить противоборствующую силу. В ночное время Беовульф побеждает морских чудовищ и сражает Гренделя. Битва с матерью Гренделя тоже по-видимому происходила ночью, поскольку спускался Беовульф в подводное царство чудища целый день (светлое время) (Вео: 1495). В "Юдифи" героиня наносит смертельный удар Олоферну ночью (Jud: 63–64).

В английском языке раннего средневековья наряду с англосаксонской героической парадигмой можно выделить народно-христианскую и латино-христианскую. Названия парадигм достаточно условны, но они выражают их ведущие характеристики. "Англосаксонская" в названии первой означает, что в содержании характерных для нее языковых единиц передавались представления, во многом типичные для всех древнегерманских племен, включая те, что переселились с континента на Британские острова. Слово "героическая" призвано подчеркнуть основное своеобразие отраженных в этих единицах взглядов англо-саксов на окружающий мир и на себя в этом мире. Необходимо отметить, что наряду с самими письменными памятниками древнеанглийского языка, богатейшим источником сведений о культуре и мировоззрении народов Европы раннего средневековья служат работы А.Я. Гуревича [Гуревич 1972, 1990]. Взгляды англо-саксов на мироустройство сводились к представлениям о полной аналогии макрокосма вселенной и микрокосма человека, подвластности земной жизни судьбе. Идеал поведения формировался дружиной; взаимная верность конунга и дружинников, институты даров и пира были одними из основных форм социально-экономических отношений. Благородство и достоинство определялись ратными подвигами, войной, но никак не трудом землешаца или скотовода. Богатство, удача были мерилем славы, чести и мощи конунга и его дружины. Вера во многих богов доходчиво объясняла непонятные природные явления. Общая направленность восприятия времени сводилась к его циклизму и превалирующей значимости прошлого. Все мироздание рассматривалось сквозь призму "свой – чужой", в системе общественных отношений "чужаком" могло выступать любое лицо даже внутри племенного круга по отношению к более узкой группе, если этот человек не входил в данную группу и тем более, если он порывал всякие связи со своим кругом родичей [Шервуд 1988: 105].

Народно-христианская парадигма складывается в результате переплетения представлений, сложившихся в течение длительного народного природного и общественного опыта, с идеями, внедрявшимися в жизнь христианской церковью. То, что считалось достоинством и благородством в героической парадигме – бесстрашие, мужество и даже жестокость, богатство, везение – оттесняется на задний план. Тяжелый труд землешаца, смирение и стойкость духа, бедность и презрение к богатству – вот

те идеалы, которые церковь усиленно насаждала. Церковь стремилась, чтобы природу воспринимали как подвластную Богу и объясняли все происходящее в ней Божественным замыслом. Но предпосылкой поведения основной массы населения было, как пишет А.Я. Гуревич, "постоянное, интенсивное взаимодействие и единство с природой", "именно ей и ее силам они поклоняются" [Гуревич 1990: 50–51]. Мир архаичный, построенный на многобожии, на примате обычаев предков, на единении живого и неживого, переплетался в сознании древнего человека с миром, основанным на единобожии; идея кругового развития соединялась с идеей исторической линейности и конечности всего существующего, детерминированности всего и вся Божественным замыслом. Народно-христианская парадигма менее выделима в ткани древнего периода английского языка по той причине, что содержание, которым темпоральные единицы наполнялись в сознании рядовых непросвещенных носителей языка, письменные памятники практически не зафиксировали. Выявить его можно путем анализа парадигматических характеристик как самих категориальных слов, так и их концептов. К парадигматическим характеристикам категориальных слов можно отнести устойчивость ассоциативных связей категориальных слов, устойчивость формул и контекстов, а также устойчивость образования производных, эксплицитно представляющих концепт слова. В народно-христианской парадигме некая христианская идея, например, идея единого Бога-защитника, встраивалась в контекст, характерный для представления идей героической культурной парадигмы. В "Елене" император Константин напуган несметным числом армии гуннов, наступает ночь, его воины располагаются лагерем, и тогда ночью во сне Константину является божественное видение, вдохновляющее его и пророчащее победу – покров ночи исчезает. В "Leechdoms" говорится следующее: *þonne gescylt þe God wiþ unswefnum þe nihternessum on menn becumaþ* (Lch: 2:88) "Тогда будет Бог защищать тебя от плохих снов, которые к людям приходят ночью". Очевидно, что сохраняется контекст, типичный для *niht* в героической парадигме, но в концептуальной структуре рассматриваемого слова формируется новый смысл подвластности ночи Богу.

С другой стороны, разрушается традиционный для языковых форм героической парадигмы контекст, игнорируется смысл пагубности и чуждости ночи. В англосаксонской героической парадигме, как отмечалось, *niht* понятию соотносится со временем злодейский чуждых сил. В "Церковной истории" Беда, напротив, повествует, что ночью епископ Лаврентий творил праведные молитвы; ночью ему является святой апостол Петр, приносящий ему божественное разумение и наставление (Bd: 115). Согласно Бедде, ночью сияет небесный свет и над святыми мощами изгоняют дьявола: *þæt ofer his reliquias þæt heofonleoht ealle niht wæs ofergestonde and sciende, þæt deofolseoce æt his reliquium wæron gelacnode* (Bd: 14).

Смыслы страха, пагубности и чуждости ночного времени в концептуальной структуре *niht* в народно-христианской парадигме отодвигались на задний план, и намеренно формировался смысл подвластности ночи единому Богу.

В основании латино-христианской парадигмы лежали собственно христианские воззрения на окружающий мир и вселенную. Те письменные памятники, в которых проявлялась данная парадигма, зачастую создавались под влиянием какого-либо произведения на латинском языке, либо под воздействием некоторой идеи, почерпнутой из латинского источника.

Христианская церковь, искореняя языческие взгляды на мироустройство, стремилась побороть представления о ночи как власти темных, пагубных сил. Внешние усилия направлялись на изменение концептуальной структуры *niht* как слова, отражавшего языческое мировоззрение.

Дидактическое изложение научных (в той степени, в какой можно говорить о существовании науки в раннем средневековье) христианских идей о мироздании укрепляет новый концепт *niht* в латино-христианской парадигме. Эльфрик в "De Temporibus Anni" (DTA), изложив библейскую легенду о сотворении мира, настойчиво

объясняет: *Niht is gesett mannum to reste – on þissum middanearde* (DTA: 18) "На земле ночь дана человеку для отдыха"; *Soplice on þam heofonlicum eðele nis nan niht gehæfd ac pær is singal leoht buton ælcum þeostrum* (DTA: 18) "Воистину на небесах ночи нет, но есть вечный свет", а значит, нет и чуждого ночного мира.

На протяжении всего древнеанглийского периода *niht* сохраняет свое основное значение "темное время суток, ночь", но его концепт и содержание единицы в целом меняется в зависимости от той культурно-языковой парадигмы, в которой бытовало это слово.

Безотносительно к типу культурно-языковой парадигмы в древнеанглийском языке можно выделить обширную группу слов, выражавших временные представления, которая также включает обозначения природного времени, вечности и единиц искусственного счета времени: *æfen, andweardnysse, ærdæg, a, awe, byre, dæg, dægred, (on) dagum, dogor, gear, geara, geardagas, geardagum, fæc, feor(r), fruma, frymþ, fyrn, fyrst, fyrðling, iu, hancred, hwil, mæl, monaþ, niht, prica, sæl, siþ, stund, tid, tima, towardnysse, þrag, uhta, wæcce, wucu, undern*.

Предметом предлагаемой статьи будет анализ одного из способов актуализации в древнеанглийском языке понятия времени как такового и исследование форм передачи представлений о прошлом, настоящем и будущем.

Древнеанглийское существительное *sæl* "время" – одна из многих этимологических и семантических загадок в истории английского языка. Собственно научная этимология *sæl* неоднозначна. В самом древнеанглийском языке исследователи объединяют *sæl* с *sel* "хороший", *selra, sella* "лучше", *selest* "лучший" (наречие и прилагательное), *gesælig* "счастливый, удачливый", *sælp* "благо, блаженство" [Bosworth 1954].

Среди древнегерманских языков др.-англ. *sæl* "время, случай; удача" включают в деривационный ряд др.-сканд. *sælligr*, др.-исл. *sæll*, др.-в-нем. *salig* "счастливый, удачливый, благополучный", гот. *sels* "(при)годный", *selei* "(при)годность", др.-сканд. *sæla* "счастье". Др.-сканд. *sæld*, др.-сакс. *salda*, др.-в-нем. *salida* "удача" < герм. *soliz [Lehman 1986]. Как можно заметить, темпоральное значение присуще только древнеанглийскому существительному.

Выделить однозначные и достоверные этимологические связи др.-англ. *sæl* на индоевропейском уровне не удастся. С одной стороны, это слово, как и другие родственные ему древнегерманские производные, связывают с лат. *solidus* "твердый", *salvus* "здоровый, целый" [Vreis 1959], др.-лат. *sollus* < *sol-nos "целый и твердый", возводя все их вместе к индоевропейскому **solo-*, *sol-wo [Lehmann 1986]. Последний, в свою очередь, рассматривается как вариант индоевропейского **sel-*, *sl-ex* > *sla* "благоприятный, успокаивающий" (лат. *solor* "утешение, успокоение"). Семантические построения в этом случае выглядят следующим образом: целый, твердый, здоровый → хороший, добрый → (при)годный → удачливый (приносящий хорошее). Основной недостаток этой цепочки, на наш взгляд, состоит в том, что в ней не находится места для объяснения темпорального признака в семантике древнеанглийского *sæl*.

С другой стороны, Бругман и Вуд, чья точка зрения приводится в словарях Я. де Фриса и Лемана, объединяют приведенные ранее древнегерманские слова с гот. *saian*, др.-англ. *sawan* "сеять" и др.-сканд. *sad*, др.-англ. *sæd*, др.-в-нем. *sat* "семя" и указывают на их родственные отношения с др.-ирланд. *sil* "семя, сеяние, время сеяния" → "пригодное время" [Lehmann 1986], лат. *satio* "сев, сеяние" → ит. *stagione*, франц. *saison* "время, часть года, сезон" [Vries 1959] и возводят их к индоевропейскому **se-*у [Lehmann 1986]. В контексте данных этимологических рассуждений выстраивается семантическая цепочка "семя/сеяние" → "время сеяния/сева" → "соответствующее время (года)" → "пригодное, подходящее время" → "нечто благоприятное, хорошее". Этимология *sæl* никак не может подменить актуального для древнеанглийского языка значения *sæl*, но может способствовать его установлению. Содержание

sæl раскрывается в письменных памятниках. В "Беовульфе" в Финнбургском эпизоде есть место, описывающее приход весны после зимы, которую Хенгест вынужденно провел у Финна: *op þæt ofer com || gear in geardas, swa nu gyt doap || þa þe syngales sele bewitiaþ*, || *wuldortorhtan weder* (1133–1136). В данном примере *sæl* употреблено в форме множественного числа, которая согласуется с формами множественного числа глагола *bewitian* и *don*. Значение рассматриваемого существительного раскрывается здесь как "времена года", вечностью или непрерывностью времен сохраняется год: *þa þe syngales sele bewitiaþ*; сам год, как это следует из примера, наступает с приходом "ясных погод": *wuldortorhtan weder*: "Но пришла пора, || повернулся год – / чередой возвращаются || времена с небес / (так и ныне!) || на земли смертных" (пер. В. Тихомирова). Необходимо сказать, что в последующей истории английского языка появляется слово *hayseel* "сенокос; время заготовки сена", датируемое этимологическими словарями английского языка XVIII веком. Бренди в историческом словаре английского языка под редакцией Мэррей наряду с *hayseel* приводит *barley-seel, wheat-seel, barking-seel* [NED 1914]. *Sel* в этих композитах значит "время, пригодное для": посева ячменя, пшеницы и заготовки коры, иными словами, оно обозначает "сезон, подходящий для некоторой сельскохозяйственной деятельности", или "время года" в проекции на трудовую деятельность коллектива говорящих. Можно заключить, что *sæl* в строке 1135 "Беовульфа" и данный ряд композитов свидетельствуют о разновременном проявлении архаической семантической потенции "время года, пригодное для какой-либо деятельности". Здесь имеет место семантическая универсалия, подробно описанная М.М. Покровским: "всюду, где условия жизни или внешняя природа связывают предметы и действия с определенным временем, имена, соответствующие этим предметам и действиям, или употребляются в качестве темпоральных имен, или даже переходят в чисто темпоральные слова" [Покровский 1959: 85]. Здесь также могла иметь место и более поздняя письменная фиксация "природного" значения рассматриваемого слова, что достаточно характерно для названий природных объектов и явлений [Бабаева 1998: 104].

Пригодность, урочность или *спопутность* (В.И. Даль) времени, обозначенного *sæl*, проявляется в других случаях употребления этого слова в поэме. И если относительно только что рассмотренного примера следует говорить об урочности прихода нового года в круговороте времен как своеобразном рефлексе архаического признака урочности сезонной работы, то в примерах, которые последуют в нашем анализе далее, явно будет выражен признак спопутности времени для героев и героических деяний.

Устойчивые контексты для *sæl* – это темы сражения-отмщения и пира. Беовульф, одержавший победу над матерью Гренделя, так рассказывает о завершении битвы: *þæt ic þu wæpne gebræd. || Ofslōh þa æt þære sæcce, þa me sæl ageald || huses hyrdas*. (1663–1665) "... я тем оружием махнул. Убил в той схватке – случай даровался (время даровалось) – дома властительницу". В строках, предшествующих этим, говорится, как тяжела и жестока схватка Беовульфа и матери чудовища, как нарастает напряжение боя. По законам эпоса герой должен победить, аудитория знает и ждет это. *Sæl* – это ожидаемое и ведомое время, это вершина эпизода и сигнал наступающейвязки.

В эпизоде с хадобардами Хродгар, убивший Фроду, вождя хадобардов, отдает свою дочь Фреавару замуж за Ингельда, сына Фроды, желая тем самым прекратить вражду племен. Но хадобарды лишь затаили месть, и когда Хродгар со своими дружинниками приезжает в гости к Ингельду, один из хадобардов видит доспехи, когда-то у них отнятые, на одном из данов, и будит в Ингельде месть, говоря ему о времени отмщения: *op þæt sæl cymep, || pæt se fæmnan þegn fore fæder dædum || æfter billes bite blodfag swefeþ*... (2057–2060) "... пока не придет то время, когда этот слуга женщины из-за дел отца от укуса меча окровавленный погибнет". Англосаксонская аудитория была хорошо знакома с подобными попытками примирения, так же как и с их результатами (в частности, сходное упоминается в Финнбургском отрывке). Поэтому можно заключить, что и в вышеприведенных строках концептуально *sæl* предстает как

ожидаемое и ведомое время; вместе с тем – это, как и в предыдущем примере, вершина эпизода – момент отмищения.

В сценах пира *sæl* – тоже самый ответственный, ожидаемый и ведомый момент, когда действие фокусируется на главных героях – Беовульфе и Хродгаре: *op þæt sæl alamp, || þæt hio Beowulfe, beaghroden cwen, || mode gefungen medoful ætbær.* (622–624) "... настало время, чтобы она Беовульфу, жена венценосная, духом стойкая, кубок меда поднесла"; *þa wæs sæl ond mæl þæt to healle || gang Healfdenes sunu* (1008) "Настало время и срок явиться в зал сыну Хальфдана". Таким образом, в героической парадигме содержание *sæl* концептуально определялось как "свое" ожидаемое время, отданное героям, кульминация их деяний.

Вне героической парадигмы в концептуальном плане *sæl* утрачивает смыслы предназначенности времени для героических деяний и кульминационности момента их свершения. Но признак ожидаемости сохраняется. Так, например, в "Соломоне и Сатурне" Сатурн замечает: *sian hire sæl cymeþ þæt heo domes dæges dyn gehiere* (Slm: 325–326) "Когда их время придет и они услышат шум судного дня". В латинохристианской парадигме *sæl* лишается этого признака и сохраняет смысл времени как маркера некоторого действия. Так, Эльфрик в "Проповедях" говорит: *Hit gelamp on sumne sæl þæt hi sæton ætgedere, Oswald and Adan...* (Hml: 46) "Это случилось в то время, когда они сидели вместе, Освальд и Адан". Таким образом, основное значение *sæl* "время" в разных парадигмах соотносилось в древнеанглийском языке с разными концептами и потому содержание всей единицы оказывалось подвижным в языковом сознании англо-саксов.

Представление о прошлом воплощалось в древнеанглийском языке в многочисленных формы. "Беовульф" начинается с изложения славной истории данов: *Hwæt we gardena in geardagum || þeodcyniga þrym gefrugn on || hu þa æpelingas ellen fremedon* (1–3) "Мы слышали о данов славе, о доблести конунгов в старину, как (они) доблестные силы добились". За этими строками следует рассказ о том, как появился у берегов данов Скильд Скевинг и от него пошло начало процветающей династии, во главе которой, как следует из дальнейшего повествования, последовательно были Беовульф, сын Скильда Скевинга, Хальфдан и, наконец, Хродгар, имена которых как бы подтверждают реальность излагаемого сказителем. История данов начинается во времена (*on*) *geardagum* – "в старину, в прошлом". Фантастически сказочные события – появление чудовища и сокрытие клада – сказитель помещает в это же время: *þone on geardagum Grendel nemdo(n)* (Beo, 1354) "Тогда в старину (чудовище. – Ч.О.) Гренделем назвал". Клад, источник грядущих несчастий, был спрятан в земле (*on*) *geardagum*: *þær wæs swylcra fela || in þam eorþ(hu)se ærgestreona || swa hy on geardagum gumena nathwyls || eormentlafa æpelan cynnes || þanchycgende þær gehydde* (Beo, 2231–2235) "Там было много таких (чаш) в кладе в земле, который в старину, неизвестно кто из мужей, отпрыск славного рода, мудрый там спрятал".

Для современного читателя поэмы эти два события не более, чем сказочные истории. Но для аудитории поэмы – это предвестники будущих героических деяний, поскольку чудовища и кладья являют собой обязательные элементы эпоса, которые открывают путь развитию эпического сценария. С появлением Гренделя начинается противостояние героев и монстра, а клад становится началом еще более сказочных событий.

По всей видимости, (*on*) *geardagum* в "Беовульфе" значило больше, чем просто "прошлое, старина"; оно вмещало в себя представление о "начале" событий, в которых раскроется судьба и сила героев.

В поэме "Елена", повествующей о поисках матерью императора Константина, Елены, креста, на котором был распят Христос, *geardagum* встречается в следующих контекстах. В Иерусалиме Елена, настойчиво пытающаяся отыскать место, где был спрятан крест, обращается к мудрецам, которые умели растолковать закон Моисея: *...ge geardagum || wyrþe wæron wuldorcyninge || dryhtne dyre [...]* *dædhwæte* (El: 292–294)

"Вы в былые времена (старину) были любимы господом драгоценным и славным". Из следующих далее в поэме строк, в которых она говорит о том, что эти люди неразумно отвергли мудрость и благодать того, кто пришел спасти их, и бросали грязью в него, и строк 832–836 становится ясно, что за словом *geardagum* стоит время Христа и его распятия: *þær þreo mette – ll in þam reonian hofe, roda ætsumne ll greote begraue, swa hio geardagum ll arleasna sceolu eorþan bebeahon, ll Iudea [cyn]* (El: 832–836) "Там три нашла – в этом печальном укрытии, креста вместе, грязью покрытые, которые они в старину, нечестивая толпа, землей покрыли, Иуды (род)".

Если сопоставить (*on*) *geardagum* в "Беовульфе" и "Елене", то можно обнаружить, что значение "прошлое время; в прошлом, в старину" сохраняется неизменным, но концепт этой формы в "Елене" обрастает новыми смыслами. За *geardagum* в "Елене" возникает образ прошлого, когда жил Христос и возникла новая вера. В поэме это прошлое определяет видение креста императору Константину и его победу над гуннами, чудесное исцеление больного.

Семантическая целостность знакового комплекса *geardagum* очевидна, его концепт претерпел изменения при включении данного комплекса в другую культурно-языковую парадигму, а именно – латино-христианскую. Это стало возможным, потому что "новые мысли не просто накладывались на слежавшееся значение эпического слова, но имели своей основой слово семантически многомерное и богатое коннотациями" [Смирницкая 1990:75].

Рассматриваемая форма представляет собой дательный падеж от *geardagas* (мн.ч.); употребление в "Беовульфе" и в "Елене" демонстрируют процесс ее выделения из парадигмы имени существительного и переход в категорию наречия. Существенным оказывается не только формальное соотношение этих двух форм, но и содержательное. *Geardagas*, чья внутренняя форма прозрачна ("*gear + dagas*" : "год + дни > дни лет > дни жизни"), обозначало жизнь как продолжительность прожитых дней и лет и в этом смысле оно употребляется один раз в древнеанглийских псалмах – *ure geardagas* "дни нашей жизни". В заключительных лирических строках "Елены" Кюневульф сетует: *...nu synt geardagas ll æfter fyrstmearce forþ gewitene ll lifwonne geliden swa lagu toglideþ* (El: 1266–1268) "Дни жизни (жизнь) после отмеренного срока уходят, радость жизни исчезает как течет вода".

Geardagum в содержательном плане едва ли соотносится с др.-англ. *gear*, но обнаруживает ассоциативные связи с *ær*-композиатами (*ær* ср. ст. от *ar* "рано"). Так, в "Беовульфе" богатства в кладе, зарытом в землю во времена *geardagum*, названы *ær-gestreon* (2232), *ær-wela* (2747), а рукоять меча матери Гренделя названа *ær-geweorc* (1679), а в "Елене" погребение креста, на котором был распят Христос, в земле под слоем грязи обозначено как *ærgewyrht* (1301).

Очевидна звуко-смысловая близость (*on*) *geardagum* и (*on*) *ærdagum* "в былые, минувшие дни". *Geardagum* как целостная единица не имеет параллелей в других германских языках; *ærdagum*, напротив, этимологически связано с др.-исл. *i ardagar*, др.-сакс. *an erdagum* "в минувшие дни; тогда". В непереводаемой части древнеанглийского "Генезиса" встречаются и *ærdagum* (2543), и *geardagum* (1657): в изложении ветхозаветной истории Ноя оба эти слова соотносят время расселения его потомков с давним прошлым: *Hie gesetton þa Sennar geardagum* (1657) "В былые времена / тогда обосновались они в Шеннаре". Остается предположить, что в письменных памятниках древнеанглийского языка произошло установление таких формальных и контенсивных связей *geardagum* с другими словами, которые затемнили его происхождение от композита с прозрачной внутренней формой *gear + dagas*.

Индоевропейский корень **per-* "вперед, впереди, перед" с разными степенями чередования и разными формантами соотносится в древнегерманских языках с большим числом производных с пространственной и временной семантикой. Сюда

относятся др.-англ. *feor* "далеко; давно", др.-в.-нем. *fer*, др.-исл. *fjarri*, гот. *fairra* "далеко", гот. *fairneis*, др.-англ. *fyrn*, др.-в.-нем. *firn*, др.-сканд. *fern*, др.-исл. *forni* "старый, древний, старинный", гот. *frums* "начало", др.-англ. *fruma*, др.-сканд. *fruma* "начало". Слова с темпоральной семантикой – результат раннего осмысления времени в пространственных терминах и представления его, по аналогии с пространством, как переднего и заднего, верхнего и нижнего, которые в разных культурно-языковых парадигмах могут выступать как прошлое или будущее.

Семантическая трансформация локативных знаковых комплексов в темпоральные сопровождалась мифологизацией представления о времени в сознании, что находило опору в языке. В англосаксонской героической парадигме древнеанглийского языка сохраняются следы сближения в языковом сознании смыслов времени и значимости, главенства, силы, выделенности. "Выделенность, значительность, главенство" как семантическая потенция проявляется в древнеанглийском в прилагательном *fram* "храбрый, выдающийся", существительном *fruma* "господин; создатель, творец", а также в *fruma*-композициях, типичных для героической парадигмы: *hildfruma* "зачинатель битвы" (так называют Беовульфа), *dædfruma* "убийца" (букв. "Творец смерти" – так называют Гренделя).

В англосаксонской героической парадигме *fruma*-ассоциировалось с необычным по значимости или силе произошедших в нем событий прошлым. В "Беовульфе" о прошлом, когда кто-то неизвестный отправил по волнам ладью с малюткой Скильднгом, сказитель говорит *frumsceaft* (букв. "сотворение начала"): *Nalæs hi hine læssan lacum teodan* || *þeodgestreonum, þonne þa dydon*, || *þe hine æt frumsceaftfe forþ onsendon* (43–45) "Не положили они ему меньше богатств, сокровищ, чем те сделали, когда его в прошлом (в начале) вперед отправили". В латино-христианской парадигме в *frumsceaft* воплощается ветхозаветное представление о сотворении мира. В "Церковной истории" в вопросе, обращенном к поэту Кэдмону, встречаем: *Sing me frumsceaft* (Bd: 4) "Спой мне о сотворении мира". В том же значении это слово используется в древнеанглийских проповедях. *Fruma* в "Беовульфе" называет время, когда начинает действовать заклетье, тяготевшее над кладом: *Wæs se fruma egeslic* || *leodum on lande, swa hyt lungre wearþ* || *on hyra sincgifan sare geendod* (2309–2311) "Было то прошлое (начало) ужасным для народа на земле, и вскоре печально с жизнью расстался даритель сокровищ".

В "Елене" концепт прошлого, заключенный в *fruma*, меняется под влиянием христианских представлений о первотворении, и знаковый комплекс *fruma* перемещается в латино-христианскую культурно-языковую парадигму, в которой он обозначает сотворение/начало в ветхозаветном смысле: *...þæs þe hio soþ gecneof* || *andweardlice þæt wæs oft bodod* || *feor ær beforan fram fruman worulde* || *folcum to frofre* (1139–1142) "...они мудрость познали, которую часто провозглашали еще раньше, со времен сотворения мира, на благо народам". Позднее внутри уже этой парадигмы *fruma* из разряда категориальных слов переходит в разряд слов, коммуникативная функция которых преобладает над образопорождающей: *on fruman* (Bd: 48) "в самом начале (послания)", *on fruman ærest* (Bd: 28) "в самом начале (повествования); прежде всего", *in fruman* (Bd: 64) "в начале".

Fyrn в древнеанглийских глоссах сопоставляется с латинским *antiquus* "древний, старинный (с оттенком похвалы); достопочтенный" и *priscus* "старинный, древний (с побочным понятием почтенности)" [Bosworth 1954].

В "Беовульфе" значимые для эпических героев предметы – меч Хрунтинг, который берет с собой Беовульф, идя на сражение с матерью Гренделя, кубок, похищенный из клада, и сосуды в этом кладе – так или иначе связаны с временем *fyrn*. Меч выкован во времена *fyrndagas*: *Swa hine fyrndagum worhte wæpna* || *smiþ* (1451) "Так его в давнее время выковал оружейник". Кубок назван *fyrngeweorc*, а сосуды – *fyrnmanna fatu* "сосуды древних людей".

В древнеисландском *forn* наряду с другими значениями имело смысл "освященный временем, веками (time-honoured)" [Cleasby 1957]. Примечательно также то, что одно из древнескандинавских имен Одина (*Forn*), буквально "старый" [Vteis 1959], также стояло в ряду производных от **per-*.

Если принять во внимание приведенные наблюдения, то реконструируемый для древнеанглийского *fyrn* концепт прошлого в англосаксонской героической парадигме следует представить как включающий эмотивную величину – значимость и почитаемость. И потому в этой парадигме образования с *fyrn* сообщают о прошлом как о глубокой и потому почитаемой древности.

В древнеанглийских поэмах "Елена" и "Андрей" в концептуальной структуре *fyrndagum* становится очевидной сцепленность представлений о прошлом и ветхозаветном времени. Так, в "Елене" говорится: *Hwæt we Ebreisce æ leornedon || þa on fyrndagum fæderas cubon || æt godes earce...* (396–398) "Истинно, мы еврейский закон изучили, который в давние времена отцы знали на божьем ковчеге...". В "Андрее" за *fyrndagas* также стоит ветхозаветное время. То же относится к смыслу *fyrndagas* в древнеанглийских проповедях. В "Елене" там, где речь идет о законе Моисея, ветхозаветные писания названы *fyrnwritu* (строки 155, 373, 431, 560).

Древнее языковое сознание фиксировало значимость для языкового коллектива знания о прошлом. В древнеанглийском языке были знаковые комплексы, вмещавшие в себя идею в е д о м о с т и прошлого, к которым следует отнести обозначения человека, знающего прошлое, и обозначения собственно ментального действия – "знать прошлое, рассказывать о прошлом".

В героической парадигме др.-англ. *fyrnwita* букв. "знающий прошлое" – это старейшина, пользующийся особым уважением благодаря своему знанию. В "Беовульфе" так назван дружинник Хродгара – Эскхере, мудрый человек, знающий предания старины (2123); его же Хродгар называет *runawita* (1325) "знающий руны (тайну)". В прошлое посвящены только самые мудрые и уважаемые – в начале поэмы скоп, пересказывая в песне ветхозаветный сюжет, рассказывает о прошлом – *ferran recan* (Вео: 91), та же формула употреблена в эпизоде, когда о прошлом поведал данам седой Скильддинг – *feorran rehte* (Вео: 2106). Прошлое, таким образом, ассоциируется с тайной.

В "Елене" ветхозаветные царь Давид и первосвященник Захария названы *frod fyrnweota* "мудрецы ветхозаветных времен или знающие, посвященные в прошлое", т.е., в божественный замысел, тайный для непосвященных. Это предположение можно было бы подтвердить тем фактом, что в "Елене" строке о Захарии – *frod fyrnwiota fæder minum* (438) "мудрому пророку, отцу моему" соответствует строка в латинском источнике сюжета поэмы *praenuntiavit patri meo* "предвестнику, отцу моему".

Целесообразно сопоставить композит *fyrnweota* с композитом *æwita* (*æ(we)* "закон"), которым в "Елене" обозначены сведующие в законе Моисея. Древнеанглийское существительное *æwe* принадлежало к обширной группе индоевропейских слов, входящих к корню **ai-* < *χei + *w*: др.-инд. *āyu* "жизненная сила; время; жизнь" греч. αἰών "сила жизни; источник жизненной энергии (вечное возвращение)", αἰ(F)εῦ "всегда", лат. *aevum* "век", гот. *aiws* "время", др.-в.-нем. *ewa* "(бесконечно долгое) время; вечность; закон", др.-англ. *æ(we)* "вечность; закон". Сюда же относятся др.-инд. *ayu* "подвижный" и обозначения юноши как самого молодого и подвижного в древнеиндийском (*javistha*) и в латыни *ioviste, iuvenis*. Полагают, что эта группа отражала ключевые понятия в соответствующих индоевропейских мифологических системах [МНМ 1980]. Вероятно, в этих системах жизненная сила семантически объединяла ограниченное время жизни и вечность, поскольку древнее языковое сознание запечатлевает вечность как переход/перелив жизненной силы из одной оболочки в другую [Гамкрелидзе, Иванов 1984].

В древнеанглийском *æ(we)* в значении "вечность" предстает в архаичной формуле *awa to aldre* в "Беовульфе", которая употребляется в эпизоде заклинания, *þu þe self*

hafast || *dædum gefremed[ne]*, *þæt þin [dom] lyfaþ* || *awa to aldre* (954–955) "Ты сам совершил великое деяние, да будет слава твоя жить вечно!". Эта формула сохраняется в языке на протяжении всего древнего периода, претерпевая лишь замену *aldre* (*ealdre*) "жизнь" на *feorh* "жизнь" и изредка на *ecnyss* "вечность".

Время как вечность в христианской парадигме древневерхненемецкого, древнеанглийского и древнесаксонского языков коррелирует с идеей порядка, данного богом, закона жизни, им установленного – завета, данного богом Моисею. Корреляция эта раскрывается при сопоставлении существительных со значением "время; вечность" с производными прилагательными гот. *aiweins*, др.-в.-нем., др.-сканд. *ewig*, др.исл. *ævin* "вечный", с одной стороны, и композитов др.-в.-нем. *ewarto* "священник" (букв. "страж вечности/закона, завета") и др.-англ. *æsago*, др.-в.-нем. *esago*, др.-сканд. *eosago* "судья" (букв. "говоритель вечности/законо-, заветоговоритель").

Локативная мотивированность слов с темпоральным значением – явление, характерное для ранних этапов языкового развития; в древнегерманских словах, упомянутых выше, она стерлась и фактически возможна лишь ее реконструкция. На этапе письменного развития древнегерманских языков закономерным становится выражение темпоральных значений через единицы с пространственной семантикой.

Это замечание в полной мере относится к прилагательному и наречию *feorr* "далекий/далеко" в древнеанглийском языке, которое уже упоминалось выше. Значение знакового комплекса *feorr* наглядно демонстрирует изоморфность пространственно-временных представлений в древнем сознании. Показательно в этом отношении употребление этого комплекса в "Беовульфе". Скильда Скевинга младенцем прибило в ладье, груженной драгоценностями, к берегу данов. Когда мудрый Скильд умер, его тело вновь кладут в лодку *him on bearme læg* || *mapra mænigo, þa him mid scoldon* || *on flodes æht feor gewitan* (Beo: 40–42) "Ему на лоно (ладьи) положено много сокровищ, чтобы ему по волнам с богатством далеко (в прошлое?) отправиться." Проводы Скильда в последний путь повторяют его появление – тело Скильда в ладье, рядом с ним множество богатств. Далее в строках 43–45 говорится: *Nalæs hi hine læssan lacum teodan* || *þeodgestreonum, þonne þa dydon, þe hine æt frumsceafte forþ onsendon* (43–45) "Богатств положили ему не меньше, сокровищ, чем они положили, когда его в прошлом (в начале) вперед отправили". Копирование появления Скильда Скевинга в его проходах, ссылка на него, говорят о том, что даны отправляют своего господина не просто далеко, но в прошлое, откуда он приплыл. Начало и конец жизненного пути совмещаются в пространстве и замыкается временной жизненный круг. Подобным же образом следует интерпретировать *feor* в следующих строках поэмы: *Scolde his aldorǵedal* || *on þæm dæge þysses lifes* || *earmlíc wurþan ond se allǵorgast* || *on feonda gewewald feor sibian*. (Beo: 805–808) "Была его смерть тогда ужасной и эта мерзкая душа отправилась далеко, во власть дьявола". Дух Гренделя отправляется не просто далеко, но туда, откуда пришел, в прошлое, поскольку в начале поэмы о его появлении говорится, что был он исчадием ада и жил в болотах, где обитали изгнанные мерзкие чудовища и великаны. Время, следовательно, мыслится, с одной стороны, как бытийное пространство, а с другой – как вращение по кругу.

Передача темпоральных значений через единицы языка, сочетающие локативную семантику с семантикой движения, – отличительная особенность латино-христианской культурно-языковой парадигмы. Концептуально отдельные манифестации этого явления объединены линейным восприятием времени, характерным для исторического сознания в противоположность космологическому.

Внутри данной парадигмы форвардная локативность, как и в эпической парадигме, ассоциируется с прошлым и, например, в "Церковной истории англо-саксов" Беды Достопочтенного прошедшее названо *foregange, forþgongenne (tid), forþurnendre (tid)* букв. "идущее впереди (время)" (*fore-, forþ-* "вперед; впереди" < ИЕ **per-*): *þa forgongenne tide...* (Bd: 28) "тогда в прошлом..."; *hwæt þær foregange: oþþe hwæt þær æfterfylige, we ne cunnum* (Bd: 136) "что в прошлом или что в будущем, мы не знаем".

Префикс *forþ-* в древнеанглийском значил также “прочь”, поэтому *forþgongenre (tid)* и *forþyrnendre (tid)* можно интерпретировать как “уходящее прочь (время)”.

Изоморфность представлений о жизни и мироздании в древнем сознании в языке актуализируется в семиотических комплексах, коррелирующих с представлениями о смерти. В эпической парадигме смерть или смертный путь – это дорога прочь, поскольку именно так можно описать значение композита *forþweg* в “Беовульфе” (2625). Все – и человек, и мироздание – возникают из ниоткуда, но и уходят в никуда; вновь происходит замыкание временного круга. Подобное представление как архаический рефлекс наследуется христианской парадигмой, в которой движение прочь есть эвфемизм смерти – *forþferan* “умирать” (букв. “двигаться прочь”). В англосаксонской “Хронике” и “Церковной истории” чаще всего именно так говорится о смерти.

Настоящее “повернуто или движется вдоль”: *andweardan tide*, *andweardnysse*, *onweard (on-, ond-* “вдоль, на”, *weardan* “поворачивающийся”). Подобные знаковые комплексы встречаются в “Елене” и “Церковной истории”.

Будущее фиксируется языковым сознанием в значении “движущееся на, поворачивающееся к” – др.-англ. *toweardan*; *þe towearde* (Bd: 130) – “в будущем”, *in soþþe towearde cynerice gehateþ* (Bd: 128) – “воистину в будущем на царство называется”, *on towearde worulde* (Hml: 15) “ в будущем мире”. Будущее осознается как “возникающее за (настоящим), как следующие за” (др.-англ. *æfterfylige*) или “находящееся поблизости” (др.-англ. *neorran tid*). Приведенные языковые формы – принадлежность латино-христианской парадигмы, героическая парадигма как бы обходится без представления идеи настоящего в какой-либо языковой единице.

Футуральность в героической парадигме передается знаковыми комплексами (*awa to aldre*, (*awa to feorh*, *to widan feore*, наречными по значению. В них будущее проецируется на их антропоморфный семантический признак: *aldor*, *feorh* “жизнь”. И хотя жизнь, как единственная реальность, на которую можно опереться воображая будущее, ограничена, семантически этот признак соединяется с признаком вечности. ...*ic ænigra me ll weana ne wende to widan feore ll bote gebidan* (Beo: 932–934) “...я не надеялся дожждаться в будущем (в жизни) отмщения за все мои несчастья”; *hie in hynþut sculon ll to widan feore wergþu dreogan* (El: 210–211) “...они (род Иуды) в унижении будут в будущем (вечно) проклятие нести”. В употреблении за подобными сочетаниями закрепляется грамматический контекст сослагательного наклонения, что едва ли составляло их собственную отличительную особенность, но совпадало с общей тенденцией развития способов передачи футурального значения в древнеанглийском языке, в частности, с зависимостью развития футуральных словосочетаний в грамматике от эволюции системы наклонений [Смирницкая 1977].

На антропоморфном признаке основывается архаичная передача представления о прошлом в лексико-синтаксической конструкции *on þam dæge þysse lifes* “тогда; в тот день жизни”. Примечательно, что существительное *lif* “жизнь” не имеет в нем вариантов, как, например: “жизнь” в (*awa to aldrelfeorh*, что, вероятно, обусловлено его взаимосвязью с глаголом *libban*, выразившим общий смысл существования или бытования. Идея настоящего передается в поэме “Елена” наречным по значению сочетанием *of þysne dæg*, в котором утрачено существительное со значением “жизнь”, но сохраняется дейктическое местоимение, которое затем выпадает и все сочетание преобразуется в *to dæg* в “Церковной истории англосаксов”.

Нетрудно заметить, что этот способ передачи значения настоящего времени лишен как языческой, так и христианской мифологизации в противоположность прошлому и, отчасти, будущему. В этом заключается важная сторона манифестации архаичных представлений о времени в древнеанглийском языке в целом. Мифологизированные концепты времени составляли ядро в общей системе понятий времени, рядом с кото-

рым, но независимо от него, существовала периферия, понятийно сцепленная с последовательной событийностью как основной координатой времени – предшествование/непредшествование. Центральными элементами темпоральной периферии в древнеанглийском были наречные образования *ær* “раньше”, относившее события к прошлому, к тому, что предшествовало, *sip(þan)* “позже, в будущем” и *ni* “ныне” очерчивавшие те события, которые непредшествовали и потому имели место в настоящем или будущем. Основной концептуальный параметр – предшествование/непредшествование – был логически детерминирован, но был идеологически свободен; знаковые комплексы *ær*, *ni*, *sip* существовали вне какой-либо культурно-языковой парадигмы и в широком плане они демонстрируют на лексико-грамматическом уровне общую тенденцию эволюции способов выражения понятийной категории времени в древнеанглийском языке: ...*Hwæt hyt ær on þe || gode begeaton...* (Beo: 2248–2249) “Воистину, его (клад) раньше в тебе доблестные добыли”; *Ne wæs þa forma sip, || þæt he Hroþgares ham gesohte || næfre he on aldordagum ær || ne sipþan || herdran hæle [scipes] healþegnas fand* (Beo: 716–719) “Не в первый раз наведывался он в дом Хродгара. Никогда в дни жизни раньше, ни потом не находил он героя сильного мужеством”; *þuhte him wlitescyne on weres hade || hwit hiwbeorht hæleþa nahtwylc || seywed ænlicra þonne he ær opþe sip || gesege under swegle* (El: 72–75) “Ему привиделось прекрасное видение в образе человека явилось светлым и сияющим, более прекрасное по облику, чем он прежде или затем видел под небесами”.

Основные выводы, вытекающие из представленного материала и его анализа, сводятся к следующему. Языковая манифестация представлений о времени в древнеанглийском языке обусловлена определенной культурно-языковой парадигмой, неразрывно связанной с особенностями мировоззрения языкового сообщества. В героической парадигме лексико-семантическая область прошлое – настоящее – будущее явно смещена в сторону прошлого; содержание темпоральных знаковых комплексов при общности исходной семантической мотивировки концептуально диверсифицировано. Совершенно очевидно, что основа языковой ткани “прошлого”, состоящая из пространственного и начального семантического признаков, “прошита” смыслами героической предназначенности, почитаемости и уважения, которые следует рассматривать как конденсивные потенции слова, зависящие от материального и духовного опыта отдельного человека и всего языкового коллектива, их способностью “извлекать ассоциации из запаса этого опыта” [Лихачев 1997: 282]. Образопорождающая функция футуральных знаковых комплексов значительно беднее и она полностью отсутствует у комплексов, актуализирующих идею настоящего времени. Выражение значений “прошлое” – “настоящее” – “будущее” на основе префиксальных моделей соотносится с сужением содержания темпоральных единиц за счет обеднения их концептуальной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахундов М.Д. 1982 – Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.
 Бабаева Е.Э. 1998 – Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова. // ВЯ. № 3. 1998.
 Вернадский В.И. 1975 – Размышления натуралиста. Кн. I: Пространство и время в неживой и живой природе. М., 1975.
 Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. 1985 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Сравнительно-исторический и типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, Т. II. 1984.
 Гуревич А.Я. 1971 – Представления о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971.
 Гуревич А.Я. 1972 – Категории средневековой культуры. М., 1972.
 Гуревич А.Я. 1990 – Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
 Кравченко А.В. 1996 – Когнитивные структуры пространства и времени в естественных языках // ИАН СЛЯ. 1996. № 3.
 Кубрякова Е.С. 1997 – Язык пространства и пространство языка. (К постановке проблемы) // ИАН СЛЯ. 1997. № 3.

- Лихачев Д.С. 1997 – Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М., 1997.
- Лотман Ю.М. 1978 – Динамическая модель культуры // Труды по знаковым системам. Х. Тарту, 1978.
- Маковский М.М. 1996 – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Маковский М.М. 1997 – Язык – миф – культура. М., 1997.
- МНМ 1980 – Мифы народов мира. М., Т. 1–2, 1980.
- Осинов А.И. 1978 – Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности. Минск, 1978.
- Перишина Н.А. 1975 – Индоевропейские этимологии, отражающие взаимосвязи пространственных и временных представлений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975.
- Проскурич С.Г. 1990 – Древнеанглийская пространственная лексика: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Смирницкая О.А. 1977 – Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977.
- Смирницкая О.А. 1990 – *Sif* *Veowulfes*: границы культурной лексики в древнеанглийском эпосе // Слово в контексте литературной эволюции: заговор, эпос, лирика. М., 1990.
- Стеблин-Каменский М.И. 1971 – Мир саги. Л., 1971.
- Топорова Т.В. 1994 – Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.
- Успенский Б.А. 1994 – История и семиотика // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика Культуры. М., 1994.
- Фрейдберг О.М. 1978 – Миф и литература древности. М., 1978.
- Цивьян Т.В. 1990 – Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Шервуд Е.А. 1988 – От англо-саксов к англичанам. М., 1988.
- Яковлева Е.С. 1994 – Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Bosworth J., Toller T.N. 1954 – An Anglo-Saxon dictionary. V. 1–2. Oxford, 1954.
- Bull W.E. 1960 – Time, tense and the verb. Berkeley Los-Angeles, 1960.
- Cleasby R. 1957 – An Icelandic-English dictionary. Oxford, 1957.
- Dombrowszky J. 1979 – Time and etymology: the category of time reflected in IE etymologies // *Studia Slavica Academia Hungaricae*. 1979. V. 25.
- Gundlach J. 1966 – “Raum” und “Zeit“ im sprachlichen Ausdruck einer Mundart // *Fortschritte und Forschungen*. Bd. 60. 1966.
- Jankowsky K. 1982 – On OE time concepts and their Germanic and IE cognates // *Festschrift für Karl Bader/Hrsg. von E. Jankowsky*. Amsterdam, 1982.
- Lehmann W.P. 1986 – A Gothic etymological dictionary. Leiden, 1986.
- NED 1914 – A new English dictionary on historical principles founded mainly on the materials collected by the Philological Society / Ed. by J.A.H. Murray. Oxford, V. VIII. Pt. II. 1914.
- TM 1936 – Time and its mysteries. New York, 1936.
- Traugott E.C. 1975 – Spatial expressions of tense and temporal sequencing: a contribution to the study of semantic fields // *Semiotica*. 1975. V. 15. № 3.
- TSP 1971 – Time in science and philosophy. Prague, 1971.
- VT 1966 – The voices of time. A cooperative Survey of man’s views of time as expressed by the sciences and the humanities. New York, 1966.
- Vries J. de 1959 – *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden, 1959.
- Wierzbicka Anna 1973 – In search of semantic model of time and space // *Generative grammar in Europe*. Dordrecht, 1973.

© 1999 г. М. И. ШАПИР

К ТЕКСТОЛОГИИ "ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА"
(орфография, поэтика и семантика)*

Широкомасштабная модернизация текста памятников художественной литературы, централизованно проводившаяся в нашей стране после орфографической реформы 1918 г., отнюдь не закончилась вместе со сменой идеологического режима. Голоса, предупреждавшие, что эти действия не безвредны и не могут пройти для русской культуры безнаказанно, раздавались за это время не раз. Однако многие филологи, в том числе высококвалифицированные, — кто по недомыслию, а кто выполняя социальный заказ — настаивали (и продолжают настаивать) на том, что ничего, кроме пользы, осовременивание памятников не принесет. "В числе возражений против новой орфографии, — писал Н. С. Державин в 1920 г., — нам приходилось слышать, между прочим, ссылку на то, что перепечатка по новой орфографии наших классиков неминуемо должна повлечь за собой порчу их языка" [Державин 1920: 15]. Опровержению этого "заблуждения" Державин посвятил статью. Разобрав одну за другой несколько орфограмм, он всякий раз приходил к выводу вроде того, что был сделан им по поводу правописания прилагательных мужского рода: "Сохраним ли мы, перепечатывая, пушкинский текст, его *ой*(,) или заменим это *ой* окончанием *ий*, язык пушкинский от этого не пострадает" [Державин 1920: 17].

Несостоятельность этого вывода, сохраняющего всю свою силу для редакторов нового академического собрания сочинений Пушкина (см. [Вацуру и др. 1999: 566—567]), я надеюсь показать на ряде примеров, начав со знаменитой строки "Евгения Онегина", текстологическая недостоверность которой уже не раз становилась предметом обсуждения. В 1962 г. П. Н. Берков усомнился в правильности текста XVIII строфы 1-й главы, где Пушкин дает широкую панораму русского театра на рубеже столетий. По данным исследователя, до 1936 г. вторая строка этой строфы во всех без исключения изданиях печаталась: *Сатиры смелой властелин*. Начиная с 1936 г. она стала читаться по-другому: *Сатиры смелый властелин* (см. [Пушкин 1936а: 105; 1936б: 16; 1936в: 277; и др.])¹. С точки зрения смысла и образности второй вариант ученому показался неудачнее первого: «(...) эпитет „смелый“ ничего не добавляет к нашему пониманию (...) Возможно ли такое сочетание: „Робкий, трусливый, боязливый, несмелый властелин сатиры?“ Нет! Но „сатира смелая“ противопоставляется „сатире несмелой, робкой, боязливой, трусливой“» [Берков 1962: 63]².

Поскольку чтение, утвердившееся после 1935 г., не было аргументировано в печати, Берков попытался выяснить, на чем базировалось решение, изменившее тради-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 98-04-06164).

¹ П. Н. Берков не совсем точен: впервые транскрипция *смелый* была предложена еще в 1935 г. [Пушкин 1935б: 105].

² С точки зрения поэтической логики, эти доводы не работают: язык поэзии легко мирится с противоречивостью определяемого и определения (оксюморон) и допускает перенос признака с главного слова на зависимое и наоборот (эналлага).

ционный текст: «На вопрос, обращенный мной к одному из членов бывшей редакции академического собрания сочинений Пушкина, Д. Д. Благому, – не помнит ли он, как произошла замена стиха „Сатиры смелой властелин“ стихом „Сатиры смелый властелин“, мне было сообщено следующее: на заседании редакции Б. В. Томашевский указал, что Пушкин не различал форм на *ый* и *ой* и пользовался ими на равных правах, поэтому наличие в беловом тексте поэта стиха с формой *ый* было принято как окончательное доказательство того, что Пушкин читал спорный стих так: „Сатиры смелый властелин“» [Берков 1962: 61–62].

Не будучи вполне убежден в правильности такого решения, Берков предпринял самостоятельные разыскания. Они показали, что «1) в черновике окончание слова „смелый“ или „смелой“ неясно, но скорее всего „смелой“; 2) в каллиграфически написанной беловой отчетливо читается „смелый“; 3) в четырех прижизненных изданиях первой главы неизменно – „смелой“» [Берков 1962: 62]. При этом в списке ошибок, приложенном к отдельному изданию главы 6-й [Пушкин 1828, VI: 46–47], среди 14 исправлений, касающихся 1-й песни, замены *смелой* на *смелый* нет. Следовательно, резюмировал Берков, в беловике либо описка, либо вариант, который Пушкин отверг сам или авторизовал поправку П. А. Плетнева. В любом случае это «явное нарушение (...) требований текстологии: принимать за основу надо прижизненные издания, конечно, сверяя их с рукописями, но делая исправления (...) только при явной порче текста в печати» [Берков 1962: 62].

Ученый не подверг сомнению ни одного из тезисов Томашевского, но счел их недостаточным основанием для замены, произведенной в тексте "Онегина" в 1935–1936 гг. Поэтому в своих суждениях Берков далек от категоричности: "(...) моя задача заключается не в том, чтобы раз и навсегда решить этот вопрос, а в том, чтобы привлечь к нему внимание" [Берков 1962: 63]. Но хотя этот вопрос был поднят около 40 лет назад, в поисках ответа на него наука с тех пор не продвинулась ни на шаг. В 1989 г. к анализу прилагательных муж. рода, оканчивающихся на безударное *-ой*, обратилась Н. М. Сергеева, выводы которой, в сущности, лишь повторяют Беркова: "(...) пушкинское написание *смелой* допускает иное определение формы – род. п. жен. рода, т. е. согласованное определение к существительному *сатиры*. Властелину немудрено быть смелым" [Сергеева 1989: 85]. И уже совсем недавно о проблеме снова напомнил В. Лефельдт, в словах которого слышны все те же осторожные и неопределенные сомнения: "(...) кто может исключить, что (прилагательное) *смѣлой* не является определением к существительному ж. р. в род. п. *сатиры*? *Смелость властелина*, собственно говоря, не нуждается в специальном подчеркивании" [Лефельдт 1998: 170].

"Текстологическое недоразумение", связанное с этой строкой, А. Л. Гришунин назвал "практически неразрешимым" [Гришунин 1998: 342]. Мне кажется, однако, что на вопрос, "как же надо (...) понимать и печатать этот стих" Пушкина [Берков 1962: 63], можно ответить намного более уверенно (если, конечно, не строить свой ответ с опорой на одну лишь семантику). В умозаключениях Томашевского есть изъян, укрывшийся от внимания коллег. Насколько можно судить по двойному пересказу, ход его мысли был такой: форма *смѣлой* в прижизненных изданиях равным счетом ни о чем не говорит, так как в им. и вин. пад. оба варианта безударного окончания прилагательных муж. рода ед. ч. Пушкин употреблял без разбору. В этой связи форму *смѣлый* в беловом автографе нельзя расценить иначе, как безусловное свидетельство того, какой именно род и падеж автор держал в уме.

На самом деле всё не так просто. Я не буду вдаваться в рассуждения о том, насколько орфографию поэта позволительно считать изученной³. Но как бы то ни бы-

³ Е. Ф. Будде, специально занимавшийся правописанием пушкинских прилагательных, был вынужден ограничиваться немногими снимками рукописей и сетовал на отсутствие лингвистически надежных пе-

ло, ссылка на пушкинские навыки написания прилагательных здесь не совсем уместна: хорошо известно, что орфография его прижизненных изданий была своего рода компромиссом между правописанием самого поэта, его издателя и корректора (см., например, [Вацуро и др. 1994: 566]). Поэтому, даже если Пушкин действительно был абсолютно безразличен к употреблению разных орфографических вариантов — что, видимо, не соответствует истине (ср. [Будде 1904: 22–29; Чернышев 1906: 29–31; Сергеева 1989: 82 и др.; Лефельдт 1998: 168–169]), — это не значит, что дублетные окончания в прижизненных изданиях "Онегина" использовались совершенно произвольно.

Напротив, в написании безударных флексий у прилагательных муж. рода прослеживается отчетливая закономерность. Гипотетически ее можно реконструировать на основании текста одной только XVIII строфы:

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновой дѣлили;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой:
Тамъ, тамъ, подъ сенію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

[Пушкин 1833: 11]⁴

Нетрудно заметить, что внутри строки прилагательные муж. рода ед. ч. в им. и вин. пад. имеют безударное окончание *-ый* (*волшебный, переимчивый, шумный*), и только в рифме — ради ее графической точности — появляется вариант *-ой* (*величавой: славой*)⁵. От того, насколько последовательно эта орфографическая система реализована в прижизненных изданиях романа, зависит, в какой мере форму *смелой* мы имеем право интерпретировать как определение к слову *властелинъ*.

За основу дефинитивного текста принято брать последнее издание, подготовленное при участии автора, — в нашем случае это "Евгений Онегин" 1837 г.⁶ Здесь из

чатных источников: "(...) и 2-ое издание 1-го тома (собрания сочинений Пушкина. — М. Ш.) не исправлено Академией Наукъ въ смыслѣ соблюденія орфографіи поэта, значить, опять лингвистическіе интересы забыты... Пора бы намъ имѣть по *каждому* автору хоть одно *ученое* въ полномъ смыслѣ слова изданіе, подобно изданію соч. Ломоносова въ редакціи М. И. Сухомлинова. Такое изданіе обязательно хоть для тѣхъ случаевъ, когда рукописи писателя сохранились въ подлинномъ видѣ" [Будде 1904: 22–23 примеч. 1]. Замечу, что и спустя сто лет Ломоносов по-прежнему остается единственным русским классиком, два издания сочинений которого могут называться академическими, и то с некоторыми оговорками.

⁴ В отношении интересующей нас орфограммы все прижизненные публикации этой строфы выглядят точно так же.

⁵ Ср. сходные наблюдения В. И. Чернышева [Чернышев 1906: 30–31], Р. Кошутича [Кошутинъ 1919: 266–271], М. Н. Сергеевой [Сергеева 1989: 86], В. Лефельдта [Лефельдт 1998: 167] и др.

⁶ В "Кратком обзоре издательской деятельности Глазуновых" утверждается, что эта книга была исполнена "такъ тщательно (...) какъ не издавались ни прежде, ни послѣ того сочиненія Пушкина. Корректурныхъ ошибокъ не осталось ни одной; послѣднюю корректуру самымъ тщательнымъ образомъ просматривалъ самъ Пушкинъ" [Обзор 1882: 69; Смирнов-Сокольский 1962: 390 и далее]. Правды ради надо сказать, что в "Онегине" 1837 г. есть довольно много опечаток (включая смысловые), причем часть их перекочевала сюда из второго и даже из первого издания: *Не такъ ли я въ былые годы // Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши* (вместо *въ тѣни*) // *Мои счастливейшіе дни?*, *Татьяна вѣрила преданьямъ // Простонародной старинѣ* (вместо *старини*) и др. [Пушкин 1837: 36, 142] (ср. [Пушкин 1825: 45; 1833: 34, 134]; а также [Винокур 1927: 51]).

Отъ судуръ — слова мудуръ
 ие уръ бутина. Угрюмой
 Неловкй, въ еда еда
 въ отъстръ. Писовъ
 въ поимъ ^{чпльми} думой думой —

Рис. 1. Беловой автограф XXII строфы 8-й главы (строки 8—12)

общего числа рассматриваемых форм надо исключить прилагательные с основой на заднеязычный, в которых окончание *-ой* могло обозначать твердость предшествующего согласного: *Ленской* (3, II, 8; XXXVI, 11; 5, XX, 10; 7, VI, 11; X, 1; XI, 1), *Руской* (2, XXXIII, 6), *всякой* (4, XVI, 13; XXIX, 10), *тихой* (4, XLVI, 13), *двурогой* (5, V, 13), *барской* (7, XVII, 1)⁷. За вычетом этих форм, в тексте 1837 г. я нашел 427 нерифмованных прилагательных, причастий и местоимений муж. рода с основой на твердый согласный и безударной флексией в им. и вин. пад. ед. ч. Подавляющее большинство этих форм, а именно 423, имеет окончание *-ый*, и лишь 4 — окончание *-ой* (трижды в основном тексте романа и один раз в "Отрывках из Путешествия Онегина"): *Снѣгъ рыхлой по колѣно ей* (5, XIV, 2); *Увязнетъ мокрой башмачокъ* (5, XIV, 7); *Къ рѣкъъ сквозь липовой лѣсокъ* (7, VI, 4); *Зачѣмъ не хилой я старикъ* (Пут., [V], 7).

Большая законность форм муж. рода на *-ый* с очевидностью явствует из строк, где сталкиваются два однородных прилагательных, из которых одно рифмуется со словом жен. рода на *-ой* (ср. [Чернышев 1906: 31]): *<...> Дѣв ножки!... Грустный, охладѣлой, // Я все ихъ помню <...>* (1, XXX, 12 сл.; рифма: *въ Россіи цѣлой*); *Тутъ остовъ чопорный и гордой* (5, XVI, 12; рифма: *мордой*); *Отшельникъ праздный и унылой* (7, V, 9; рифма: *мечтательницы милой*); *<...> Высокопарный(<...> но голодной // Для виду прейскурантъ виситъ <...>* (7, XXXIV, 6 сл.; рифма: *въ избѣ холодной*); *Стоитъ безмолвный и туманной* (8, VII, 6; рифма: *въ толпѣ избранной*); *<...> Изъ устъ Онегина. Угрюмой, // Неловкй, онъ едва, едва <...>* (8, XXII, 9–10; рифма: *думой*)⁸; *<...> И путешественникъ залѣтной, // Перекрахмаленный нахаль <...>* (8, XXVI, 9–10; рифма: *осанкою заботной*)⁹. Противоположные случаи, когда в середине стиха писалось бы *-ой*, а в рифме *-ый*, в "Евгении Онегине" отсутствуют.

Если безударное *-ый* у прилагательных муж. рода выступает как нейтральная норма, то окончание *-ой* почти всегда обусловлено версификационной техникой. Это хорошо видно на примере выражения *добрый (ученый или честный) мальй*. В паре с прилагательным жен. рода (*отъ моды обветшало*) оно оканчивается на *-ой*: *Иль прос-*

⁷ О том, что эти формы допускали мягкое или полумягкое произнесение последнего согласного основы, косвенно свидетельствуют рифмы типа *клики*: *великйй* (5, XXXIII, 9: 12; ср. [Кошутин 1919: 84]). Особый статус прилагательных с основой на заднеязычный нашел отражение в академическом собрании 1937–1949 гг.: в нем после букв *г, к, х* (и только после них) сохранялось написание *-ой* (см. [Пушкин 1937, I: XII]).

⁸ В. П. Старк поправляет Набокова: «У Пушкина — „угрюмый“. Набоков же дает в этом слове окончание „-ой“ — „угрюмой“ („ugruimou“), транслитерируя произносительную форму в рифму со словом „думой“» [Старк 1998: 698 примеч. 27]. Напрасно научный редактор набоковского комментария фетишизирует орфографию академического собрания: у Пушкина — именно *угрюмой*, причем не только в прижизненных изданиях, но и в автографе [ИРЛИ, ф. 244 (А. С. Пушкин), оп. 1, ед. хр. 937, л. 10 об.; см. рис. 1].

⁹ Ср. также: *И блѣдный цѣтъ, и видъ унылой* (4, XI, 6; рифма: *Татьяны милой*).

то будеть добрый малой <...> (8, VIII, 9). Во всех остальных случаях, т. е. там, где нет давления рифмы, слово *малый* в им. пад. имеет окончание *-ый*: *Ученый малый, но педантъ* (1, V, 7); *Отець ея былъ добрый малый* (2, XXIX, 5; рифма: *запоздалый*); *Но ужь конечно малый честный* (6, XXVII, 6; рифма: *неизвестный*); *Зарѣцкій нашъ и честный малый* (6, XXVII, 12; рифма: *пожалуй*). Любопытно, что в первой публикации 1828 г. последний стих имел окончание *-ой*, по всей видимости, вызванное лабиализованным *у* в рифме, но поскольку приблизительный характер созвучия с помощью орфографической уловки не устранился, в издании 1833 г. *-ой* было исправлено на *-ый*¹⁰.

Этот и другие случаи правки позволяют мне утверждать, что отысканные в тексте 1837 г. четыре нерифмующихся формы на *-ой* у прилагательных, основа которых не оканчивается на заднеязычный, остались там по недосмотру: от издания к изданию аномальные формы, не санкционированные рифмой, последовательно изгонялись. Относительно часто они попадают только во фрагментах, опубликованных в 1828 г. на страницах "Московского Вестника" (см. [Пушкин 1828а: 7, 9; 1828б: 149]): *каждой день* (7, XLIV, 2); *старой образецъ* (7, XLV, 2); *безсвязной, пошлой вздоръ* (7, XLVIII, 4); *томной умъ* (7, XLVIII, 11); *благосклонной взоръ* (4, XXIX, 11)¹¹. В поглавном издании "Онегина" [Пушкин 1825–1832] немотивированных форм на *-ой* совсем немного, хотя и впятеро больше, чем в окончательном тексте 1837 г. (в квадратных скобки берутся отвергнутые орфографические варианты): *Какъ въ лѣсъ [зеленой] зеленый изъ тюрьмы* (1, XLVII, 11); *Въ [единой] единый образъ облеклись* (3, IX, 13); *Ужъ [душистой] душистый чай бѣжалъ* (3, XXXVII, 7); *За нею [милой] Ленской, свѣтъ блеснулъ* (5, XX, 10)¹²; *Вступили в [важной] важный договоръ* (6, XXVII, 13); *Нашель [безвременной] безвременный конецъ* (6, XXXI, 11); *Пускается въ [обратной] обратный путь* (7, XX, 11); *[Четвертой] Четвертый годъ больной въ чахоткѣ* (7, XL, 6); *Все въ нихъ на [старой] старый образецъ* (7, XLV, 2); *Все тотъ же [тюлевой] тюлевыи чепецъ* (7, XLV, 4); *Невѣсть [обширной] обширный полукругъ* (7, LI, 7); *Устѣхъ насъ [первой] первый окрылилъ* (8, II, 2); *Мой [безтолковой] безтолковый ученикъ* (8, XXXVIII, 8). Почти все эти исправления – 12 из 13 – были сделаны уже в тексте 1833 г., и только одно (1, XLVII, 11) появилось в 1837 г. В то же время обратные изменения – с *-ый* на *-ой* – производились, как будет показано ниже, единственно ради рифмы.

Всё сказанное укрепляет меня в мысли, что форма *смѣлой* в XVIII строфе 1 главы "Евгения Онегина" не может квалифицироваться иначе, как род. пад. жен. рода: во всех прижизненных изданиях романа в стихах Фонвизин недвусмысленно назван "властелином смелой сатиры", и разумеется, ровно так понимали это место современники¹³. Грамматическое значение флексии *-ой* в словах о Фонвизине ничем не отличается от значения той же флексии в другом стихе: *Печаленъ страсти мертвой*

¹⁰ Приблизительными называются рифмы с графическим несовпадением заударных гласных, независимо от их фонетического тождества или различия (см. [Гаспаров 1984: 8 примеч. 9]).

¹¹ Эта орфография осталась без изменений при перепечатке отрывка "Москва" [Пушкин 1828а] в "Северной Пчеле": "Сей отрывокъ напечатанъ былъ въ одномъ Журналѣ съ непростительными ошибками. По желанію почтеннаго Автора, помѣщаемъ оный съ поправками въ Сѣв. Пч." [Пушкин 1828в: 3 примеч. *]. Ср. также *тяжелой сон* в первой публикации письма Татьяны [Пушкин 1827а: 224].

¹² Степень нежелательности форм типа *Ленской* и типа *милой* была неодинаковой. У прилагательных с основой на заднеязычный безударное окончание *-ий* тоже было предпочтительнее, нежели безударное *-ой*: в тексте 1837 г. второе встречается почти в 9 раз реже первого. Четыре формы именительного на *-кой* – *Ленской* (3, IV, 6), *звонкой* (3, LX, 2), *конской* (5, XVII, 8), *свѣтской* (8, VI, 2) – были выправлены в издании 1833 г. Вместе с тем нельзя забывать о том, что после *г, к, х* флексия *-ой* допускалась в 12,5 раз чаще, чем после прочих согласных.

¹³ Его отзыв есть у Вяземского в "Нарвском водопаде" (лето 1825), вторая строка которого ритмически, лексически и синтаксически очень близка к пушкинской: *Несись с неукротимым зноем, // Мятеежнй <вариант: Сердитой> влаги властелин!* Я не могу вообразить, чтобы Вяземский, незадолго перед тем прочитавший 1-ю главу "Онегина", не запомнил оттуда характеристику Фонвизина, замысел биографии которого он в эти годы уже начал претворять в жизнь (см. [Пушкин 1926: 118, 154, 405, 492]).

слѣдъ. Форма *мертвой*, правильно напечатанная в академическом издании 1937 г., неверно интерпретируется в "Словаре языка Пушкина" как им. пад. муж. рода [СП, II: 565]: имеется в виду не "мертвый след", а "след мертвой страсти" [Сергеева 1989: 85]. Вероятность того, что *слѣдой* – это еще один, пятый случай недовыправленного именительного на *-ой*, пренебрежимо мала – 0,009 (напомню, что этих форм – 4 из 427). Больше того, из-за своей синтаксической амбивалентности анализируемая строка, мне кажется, была бы подвергнута орфографической унификации в самую первую очередь.

Знаменательно, что XVIII строфа 1-й песни "Евгения Онегина" – это не единственное место, смысл которого был искажен при модернизации окончаний прилагательных муж. рода. Аналогичное искажение затронуло XI строфу 7-й главы, где обнаруживается, кстати, одно из так называемых "противоречий", присущих пушкинскому роману. Сначала кажется, что речь идет о забвении-забытии, в которое человеческая душа впадает за гробом, но в последних двух с половиною строках этой строфы умерший из субъекта забвения превращается в объект, о котором помнят лишь недовольные наследники. Эта "подмена понятий" становится незаметной, из-за того что большой отрезок текста – с 9-й строки по середину 12-й – можно семантически развернуть как в ту, так и в другую сторону:

Мой бѣднѣйшій Ленской! за могилой
Въ предѣлахъ вѣчности глухой
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой,
Или надъ Летою усыпленной
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И мѣръ ему закрыть и нѣмъ?...
Такъ! равнодушное забвеніе
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣніе
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

[Пушкин 1830: 14–15]

Одновременная актуализация обоих значений слова *забвеніе* не нашла своего отражения в "Словаре языка Пушкина" (ср. [СП, II: 14]).

К какому существительному относится причастие *усыпленной* в 5-й строке процитированной строфы? По мнению редакторов академического издания, это эпитет к слову *поэт*: <...> *Или над Летою усыпленный // Поэт, безчувствием блаженный, // Уж не смущается ничем* <...> (Пушкин 1937, 6: 143)¹⁴. О соображениях, которыми руководствовались текстологи, мы не знаем, но можем предположить: Лету усыпить нельзя, а поэта – можно. Не приписывая никому этого силлогизма, я рискну, однако, настаивать на его уязвимости. Поэт не был усыплен "над Летою", и следовательно, в данном контексте форма *усыпленной*, как ее ни понимай, выступает в переносном значении. Именно так ее толкует "Словарь языка Пушкина", хотя и определяет ее вслед за редакторами юбилейного шестнадцатитомника как им. пад. муж. рода: *усыпленный* тут значит "пребывающий в состоянии тишины, покоя" [СП, IV: 753] и, я бы добавил, сна.

Но тихим, спокойным, сонным может быть не только поэт, но и Лета, к которой, без сомнения, относился эпитет в исходном варианте этой строки: *Или за Летою ту-*

¹⁴ Беловая рукопись не сохранилась, черновик читается неразборчиво (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 838, л. 5 об.; см. рис. 2). Впервые чтение *усыпленный: блаженный* зафиксировано в издании под редакцией Г. О. Винокура [Пушкин 1935а: 178] и впоследствии не пересматривалось.

Мелъ Пруденъ ввѣнъ — уснопленъ
 Ужъ предъ закатомъ румянъ //
 Усыпленна — уснопленъ уснопленъ уснопленъ
 Усыпленна уснопленъ уснопленъ уснопленъ
 Усыпленна уснопленъ уснопленъ уснопленъ
 Усыпленна уснопленъ уснопленъ уснопленъ
 Усыпленна уснопленъ уснопленъ уснопленъ
 Усыпленна уснопленъ уснопленъ уснопленъ

Рис. 2. Черновой автограф XI строфы 7-й главы (строки 1—7)

манной (см. рис. 2). В "Руслане и Людмиле" (III, 215–216) "усыпленной" оказывается земля (*Уж побледнел закат румяный // Над усыпленною землею (...)*), в стихотворении "Прозерпина" (1824) – берега Леты:

<...> Мчатся, облаком одеты;
 Видят вечные луга,
 Элизей и томной Леты
 Усыпленные берега.

До образа "усыпленной Леты" отсюда уже подать рукой¹⁵.

Итак, Пушкин вполне мог назвать реку забвения *усыпленной*, как назвал ее поначалу *туманной*. Остается убедиться в том, что и в окончательном тексте эпитет характеризует Лету, а не поэта. Для этого надо рассмотреть все рифмы, в образовании которых участвуют прилагательные и причастия с безударными флексиями *-ой/-ый* (слова с основой на заднеязычный в расчет не принимаются). Если зарифмованы формы муж. и жен. рода, как правило, оба слова имеют окончание *-ой*: *геній величавой : славой* (1, XVIII, 9 : 12); *на сценѣ скучной : зритель равнодушной* (1, XIX, 9 : 12); *пирогъ пересоленной : въ бутылкѣ засмоленной* (5, XXXII, 5 : 6) и т. п. Таких случаев в издании 1837 г. в общей сложности 52. Значительно реже – 12 раз – в паре с окончанием жен. рода прилагательное или причастие муж. рода сохраняет окончание *-ый*: *мудрецъ пустынный : барщины старинной* (2, IV, 5 : 6); *подъ сѣнію смиренной : какъ ландышъ потаенный* (2, XXI, 9 : 12); *Гильо смущенный : с точностью отменной* (6, XXIX, 9 : 12) и проч. (ср. [Кошутіѣ 1919: 269])¹⁶. Судя по всему, приблизительных рифм на *-ый* : *-ой* Пушкин всё-таки старался избегать. В журнальных публикациях фрагментов и в поглавном издании "Онегина" их было больше, но пять таких созвучий

¹⁵ Образ этот – собственно пушкинский. Ср. один из ближайших источников "Прозерпины", стихотворение Жуковского "Элизиум" (1812). Заимствуя из него целый блок, Пушкин переменяет эпитет: *Видит мирные луга; // Видит Летою кропимы // Очарованны берега* [Вацура, Мильчина 1989: 623; Pilshchikov 1994: 87 п. 30].

¹⁶ Из 12 таких пар четыре приходятся на долю 2-й главы – единственной, которая была выпущена не в Петербурге под наблюдением П. А. Плетнева, а в Москве при участии С. А. Соболевского. Ср. варианты одной и той же рифмы из главы 2-й (X, 1 : 3) в "Северных Цветах" и в отдельном издании 1826 г.: *послушной : просто-душной* [Пушкин 1825а: 281] и *послушній : простодушній* [Пушкин 1826: 15].

(2, XI, 5 : 6; 7, XXXIV, 5 : 6; XXXVII, 5 : 6; XLIX, 5 : 6; Пут., [XV], 5 : 6) при подготовке издания 1833 г. были уточнены. Вряд ли случайно, что все пять отредактированных рифм – парные (графическое несходство в соседних клаузулах особенно заметно):

⟨...⟩ Бѣжалъ онъ ихъ бѣседы шумной;
Ихъ разговоръ благоразумный ⟨...⟩

[Пушкин 1826: 16]

⟨...⟩ Трактировъ нѣтъ. В избѣ холодной
Высокопарный, но голодный ⟨...⟩

⟨...⟩ Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной ⟨...⟩

Одинъ, какой-то шуть печальный
Ее находить идеальной ⟨...⟩

[Пушкин 1828а: 6; 1830: 35, 37, 47]¹⁷

Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный⟨...⟩

[Пушкин 1827б: 115]¹⁸

Трижды прилагательное муж. рода образует рифму с наречием на -о, и каждый раз Пушкин выбирает орфографический вариант, скрадывающий неточность рифмы: *читатель благородной : угодно* (4, XX, 1 : 3); *напрасно : цвѣтъ прекрасной* (6, XXXIV, 9 : 12); *взглядъ холодной : благородно* (8, XLIII, 9 : 12) – поэт явно остерегался сочетать йотированную рифму с несовпадением заударных гласных. Это подтверждается шестью йотированными рифмами на -ы(й). В сочетаниях с род. пад. существительного жен. рода – *унылый : силы* (6, XVII, 1 : 3), с женским патронимом в род. пад. – *Николавы : исправный* (7, XLV, 9 : 12), а также со множественным числом существительного или причастия в предикативной функции – *волны : полный* (1, XLIX, 1 : 3), *несносный : сосны* (5, XIII, 5 : 6), *раскрыты : знаменитый* (5, XXXV, 9 : 12), *пистолеты : раздетый* (6, XX, 1 : 3) – все прилагательные муж. рода оформляются в соответствии с книжной нормой. Наконец, когда оба рифмующих слова стоят в муж. роде, они имеют окончание -ый: *лукавый : величавый* (1, XII, 9 : 12), *окровавленный : нетлѣнный* (1, XVI, 9 : 12), *дорожный : осторожный* (4, XLI, 5 : 6) и т. д. – всего 34 случая. Ни разу два мужских прилагательных не образуют приближительной рифмы на -ой : -ый, как это происходит в "Полтаве": *герой безумный : приступъ шумной* [Пушкин 1829а: 83; Чернышев 1906: 31]¹⁹. И только единственный раз

¹⁷ В републикации "Северной Пчелы" – *печальной : идеальной* [Пушкин 1828в: 4].

¹⁸ Еще одна женская рифма на -ой : -ый, отсутствовавшая в первом издании и по недоразумению появившаяся во втором, была выправлена в третьем (2, XI, 5 : 6):

⟨...⟩ Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумный ⟨...⟩

[Пушкин 1833: 46]

¹⁹ В "Онегине" 1833 г., вероятно по оплошности набора, подобная рифма появилась (5, XLIV, 1 : 3), но в тексте 1837 г. она была устранена и восстановлено чтение первого издания (*задорный : проворный*). Ср.:

Буяновъ, братецъ мой задорный,
Къ герою нашему подвель
Татьяну съ Ольгою: проворной
Онѣгинъ съ Ольгой (sic!) пошелъ ⟨...⟩

[Пушкин 1833: 46] (ср. [Пушкин 1828, IV/V: 91; 1837: 168])

(7, VII, 9 : 12) – надо думать, по чистой случайности – оба рифмующих прилагательных муж. рода оканчиваются на *-ой*:

Но нынѣ... памятникъ **унылой**
Забыть. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ, надъ нимъ (sic!), съдой и хилой
Пастухъ по-прежнему поетъ
И обувь бѣдную плететь.

[Пушкин 1837: 208]²⁰

За исключением пары *унылой* : *хилой* – одной на 108 рифм – безударное *-ой* у прилагательных и причастий муж. рода в им. пад. ед. ч. появляется только там, где второй компонент рифмы составляют формы жен. рода на *-ой* или наречия на *-о*. Отсюда вытекает, что если прилагательное *блаженной* (*поэтъ*) – *masculinum*, то рифмующееся с ним причастие *усыпленной* – *femininum* (*над усыпленной Летой*). Как и в случае со смелой сатирой, вероятность ошибки не превышает 0,009 (но, учитывая историю текста и семантику причастия, ее можно приравнять к нулю).

Я полагаю доказанным, что в текст "Евгения Онегина", печатаемый по новой орфографии, необходимо внести два исправления: в XVIII строфу 1-й главы и в XI строфу главы 7-й. Тем же, кому вероятность в 0,009 покажется достаточной для того, чтобы не до конца поверить в обоснованность предложенных выше исправлений, я могу напомнить, что устраняемые ими искажения пушкинского текста возникли из-за того, что редакторы взяли на себя смелость модернизировать произведения Пушкина. При переводе текста на новую орфографию филологам приходилось добиваться однозначности, всякий раз устанавливая, что перед ними: прилагательное мужского рода или женского (*-ой*), единственного числа или множественного (*-ья*) и т. д. Риск, сопряженный с уничтожением омоформ, не остался сугубо теоретическим: список текстологических промахов выявленными ошибками не исчерпывается²¹.

Следует также учесть, что модернизация орфографии помимо семантики затрагивает поэтику: в частности, замена окончания *-ой* на *-ый* приводит к резкому увеличению количества приблизительных рифм. Согласно тексту последнего прижизненного издания, в 1-й главе "Евгения Онегина" всего две приблизительных рифмы: *увѣренъ* : (*Каверинъ*) (XVI, 5 : 6), *не можетъ* : *тревожить* (1, XLVI, 1 : 3), – тогда как, если поверить 6-му тому академического Пушкина, их окажется в шесть раз больше (ср. [Чернышев 1941: 439; Сергеева 1989: 86]). Редакторы 16-томного собрания сочинений, признавая, что "принципу глазной рифмы принадлежало в печатных изданиях пушкинского времени очень большое значение" [Винокур 1941: 478] (ср. [Винокур 1927: 87]), пытались, однако, отвести этот довод с помощью таких возражений: "Есть писатели, которые строго следовали этому принципу" – к ним Г. О. Винокур относил Баратынского. "Но Пушкину стремление к глазной рифме всегда было чуждо", и «рукописи его не оставляют в этом (...) никакого сомнения. Так, например, в чистовой рукописи „Бахчисарайского Фонтана“ (...) читаем:

Симптоматична опечатка в 4-м стихе, исправленная одновременно с рифмой. Чтение *проворной* в тексте 1833 г. появилось, видимо, вследствие неудачной попытки учесть поправку Пушкина, указанную в списке опечаток: *проворно* вместо *проворный* [Пушкин 1828, VI: 48].

²⁰ Ср. также две из 14 рифм, образованных при участии прилагательных муж. рода в им. пад. с основой на заднеязычный: *пить армейской* : *стишокъ злодѣйской* (4, XXIX, 5 : 6); *критикъ строгой* : *вѣнокъ убогой* (4, XXXII, 1 : 3).

²¹ Например, А. К. Панфилов [Панфилов 1995] был уверен, что неправильно печатаются два стиха из "Кавказского пленника": *Делил души младые* (вместо *младья*) *впечатленья* (Посвящение, 23); *Преданья темные* (вместо *темныя*) *молвы* (Эпиграф, 62).

и т. д. (...) Пушкин даже прямо формулировал свое отрицательное отношение к (господствовавшему во французской поэзии. — М. III.) принципу глазной рифмы. В статье о стихотворениях (...) Сент-Бёва (1831) Пушкин писал: „Как можно вечно рифмовать для глаз, а не для слуха? Почему рифмы должны согласовываться в числе (единственном или множественном), когда произношение и в том и другом случае одинаково?“ (...) Нужно ли доказывать, что такое отношение Пушкина <...> было глубоко прогрессивно (...)? Неужели же юбилейное издание (...) только в том случае правильно выполнило бы свой долг перед наукой (...) если бы оно стало превращать Пушкина в дюжинного представителя своей эпохи (...)?» [Винокур 1941: 478] (ср. [Державин 1920: 18–19]).

К сожалению, в этих словах Винокура меньше доказательств, чем риторики, ради которой замечательный ученый даже Баратынского готов зачислить в "дюжинные представители эпохи". Искусственно приближать версификацию Пушкина к среднестатистическому стандарту не лучше, чем делать из него революционера в области стихосложения. Поэт не подкреплял теорию практикой; он не был в своих рифмах столь смелым новатором, как это казалось Винокуру (ср. [Брюсов 1929, 210 и др.]). Из всех видов приблизительных созвучий Пушкин сколько-нибудь часто обращался лишь к тем, которые благодаря наличию орфографических дублетов с легкостью превращаются в точные. Почему, если автору "Евгения Онегина" было достаточно совпадения звуков, он тем не менее рифмовал *няни*: *въ бани* (5, X, 1:3), *слова*: *младова* (7, LV, 5:6) и т. п. (ср. [Рак 1996, 317 и др.]), хотя в середине строки, по большей части, придерживался орфографической нормы:

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой няни,
Подругѣ юности моеѣ (...)

[Пушкин 1828, IV/V: 36; 1833: 120]²²

Поздний Баратынский, категорически избегавший несовпадения заударных гласных [Гаспаров 1984: 20], непременно выравнивал рифму с помощью орфографических дублетов; Пушкин, который изредка позволял себе приблизительные рифмы, не всегда был аккуратен в написании окончаний рифмующихся прилагательных. И всё же по количеству рифм с несовпадающими заударными гласными — типа *волнение*: *позволения* (7, XX, 9:12), *похожий*: *прихожей* (8, XL, 5:6), *рано*: *романа* (8, LI, 9:12) и т. п. — Пушкин всецело остается поэтом первой трети XIX в. (ср. [Гаспаров 1984, 20]). Поэтому рифмы на *-ой*: *-ый* в "Евгении Онегине", также как в поздней лирике Пушкина (см. [Сидяков 1997, 15–17]), не только не поощряются, но и подвергаются орфографической правке. Кому бы эта правка ни принадлежала, мы можем по ее поводу повторить слова, сказанные В.И. Чернышевым об орфографии поэта в целом: "<...> Пушкинъ слѣдилъ за текстомъ отпечатанныхъ друзьями сочиненій, провѣрялъ его, указывалъ ошибки, а нѣкоторыя произведѣнія корректировалъ самъ. Затѣмъ, онъ не дѣлалъ замѣчаній противъ орфографіи своихъ печатныхъ текстовъ. Значитъ, онъ ей удовлетворялся, и мы имѣемъ право относить орфографію книгъ самому автору" [Чернышев 1906: 23] (ср. [Лотман 1987: 92–94])²³.

²² Так в рукописи (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 835, л. 76; ед. хр. 935, л. 20 об.) и в двух первых изданиях. В "Онегине" 1837 г. окончания выровнены, но так, чтобы не нарушить рифмы: *няни*, *подруги* [Пушкин 1837: 127]. Ср. в "Бахчисарайском фонтане": (...) *Или подругѣ благосклонной* (...) [Пушкин 1824: 7].

²³ По этой причине я не могу согласиться с тем, что "авторские написания (...) должны быть восстановлены во всех случаях" [Сергеева 1989: 87]. Текстологические принципы не могут быть едиными для произ-

Результаты исследования опровергают мнение, будто "-ый и -ой (<...>) чередуются у Пушкина без всякой системы" [Винокур 1941: 476]. Неверно, что в данном отношении, якобы как и во всех прочих, "юбилейное издание предпочитает пушкинский разноречивый орфографический вариант его издателей и корректоров" [Винокур 1941: 477]. Напротив, более или менее последовательная орфографическая система Пушкина, его издателей и корректоров в академическом собрании сочинений была подменена редакторским разноречивым, а по совести сказать, произволом. Этот произвол, как и следовало ожидать, обернулся порчей пушкинского текста и деформацией пушкинского стиха: орфография оказалась слишком тесно связанной с поэтикой и семантикой.

Мы видим, сколько требуется усилий, чтобы исправить пару текстологических ошибок – а ведь за долгие годы таких ошибок накопилось великое множество. Мне уже случалось указывать на невозможность по поводу чуть ли не каждого слова проводить специальную проверку, призванную отделить в орфографии значимые элементы от незначимых, – да и кто сможет гарантировать правильность полученных выводов [Шапир 1994]? Поэтому, чтобы сократить до минимума процент текстологического брака, в изданиях академического типа орфографию и пунктуацию оригинала нужно сохранять в неприкосновенности – везде, и тем более там, где допустимо двойное истолкование. Это правило представляется неоспоримым. Однако в массе своей текстологи проявляют безучастность к любым аргументам, независимо от их убедительности и доказательности. По этой причине искажения классических текстов живут долгие десятилетия и тиражируются миллионами экземпляров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берков П. Н. 1962 – "Смелый властелин" или "смелая сатира"? (К текстологии строфы XVIII главы первой "Евгения Онегина") // Рус. лит. 1962. № 1.
- Брюсов В. 1929 – Записка о правописании в издании сочинений А. С. Пушкина [1919] // Брюсов В. Мой Пушкин: Ст., исслед., наблюдения. М.; Л., 1929.
- Будде Е. Ф. 1904 – Опыт грамматики языка А. С. Пушкина. Ч. I: Этимология. Отд. I: Словоизменение. Вып. II: Имя прилагательное; Имя числительное; Местоимение: (Склонение этих частей речи) // Сб. ОРЯС Имп. АН. 1904. Т. LXXVII. № 5.
- Вацуру В. Э., Мильчина В. А. 1989 – Комментарии // Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989.
- Вацуру В. Э. и др. 1994 – Примечания к текстам стихотворений // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817.
- Винокур Г. 1927 – Критика поэтического текста. М., 1927.
- Винокур Г. 1941 – Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений: (Ответ В. И. Чернышеву) // Пушкин: Временник Пушкин. комис. М.; Л., 1941. [Вып.] 6.
- Гаспаров М. Л. 1984 – Эволюция русской рифмы // Проблемы теории стиха. Л., 1984.
- Гришунин А. Л. 1998 – Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
- Державин Н. 1920 – О языке и орфографии Пушкина // Книга и революция. 1920. № 6.
- ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел (С.-Петербург).
- Кошутин Р. 1919 – Грамматика руского језика. I. Гласови. А. Општи део: (Књижевни изговор). Друго изд. Пг., 1919.
- Лефелдт В. 1998 – Модернизация текстов Пушкина и ее последствия: Критические замечания по пробному тому запланированного нового академического издания произведений А. С. Пушкина // Новое лит. обозрение. 1998. № 33.
- Лотман Ю. М. 1987 – К проблеме нового академического издания Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13–14 нояб. 1987 г. Таллин, 1987.
- Обзор 1882 – Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782–1882. С 5-ю гравир. портретами и 8-ю снимками с писем. СПб., 1882.

ведений, изданных при жизни писателя, для тех, что дошли до нас только в авторской рукописи, и для тех, что известны лишь по неисправным спискам. Однако осовременивания источников не должно быть ни в каком случае.

- Панфилов А. К. 1995 — Загадки текста, неправильно разгаданные // РЯШ. 1995. № 6.
- Пушкин А. 1824 — Бахчисарайский фонтан. М., 1824.
- Пушкин А. 1825—1832 — Евгений Онегин: Роман в стихах. СПб., 1825. [Гл. I]; М., 1826. [Гл. II]; СПб., 1827. Гл. III; 1828. Гл. IV/V, VI; 1830. Гл. VII; 1832. [Гл. VIII].
- Пушкин А. 1825а — Отрывки из *Евгения Онегина* // Северные Цветы на 1825 год. СПб., 1825.
- Пушкин А. 1827а — Письмо Татьяны: (Из 3-ей Песни Евгения Онегина) // Северные Цветы на 1827 год. СПб., 1827.
- Пушкин А. 1827б — Одесса: (Из седьмой главы *Евгения Онегина*) // Моск. Вестн. 1827. Ч. II. № VI.
- Пушкин А. 1828а — Москва // Моск. Вестн. 1828. Ч. VII. № I.
- Пушкин А. 1828б — Альбомы: (Из IVй гл. *Евгения Онегина*) // Моск. Вестн. 1828. Ч. VII. № II.
- Пушкин А. 1828в — Москва: (Из *Евгения Онегина*) // Сев. Пчела. 1828. 9 февр. № 17.
- Пушкин А. 1829а — Полтава: Поэма. СПб., 1829.
- Пушкин А. 1833 — Евгений Онегин: Роман в стихах. [2-е изд.] СПб., 1833.
- Пушкин А. 1837 — Евгений Онегин: Роман в стихах. 3-е изд. СПб., 1837.
- Пушкин 1926 — Письма / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. I: 1815—1825.
- Пушкин А. С. 1935а — Полное собрание сочинений: В 9 т. [М.,] 1935. Т. V: Евгений Онегин: Роман в стихах.
- Пушкин А. 1935б — Сочинения / Ред., биогр. очерк и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. Десницкого. Л., 1935.
- Пушкин А. 1936а — Сочинения / Ред., биогр. очерк и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. Десницкого. Л., 1936.
- Пушкин А. С. 1936б — Полное собрание сочинений: В 6 т. М.; Л., 1936. Т. III: Евгений Онегин; Драматич. произведения.
- Пушкин А. С. 1936в — Полное собрание сочинений: В 6 т. 4-е изд. М., 1936. Т. 3: Драмы; Евгений Онегин.
- Пушкин 1937 — Полное собрание сочинений. [М.; Л.,] 1937. Т. 1, 6.
- Рак В. Д. 1996 — Наблюдения над употреблением в текстах Пушкина окончаний "и" и "ъ" // Новые безделки: Сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1996.
- Смирнов-Сокольский Н. 1962 — Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина... М., 1962.
- Сергеева Н. М. 1989 — В век жестокий или жестокой // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия: Сб. науч. тр. Калинин, 1989.
- Сидяков Л. С. 1997 — К проблемам пушкинской текстологии: Из наблюдений над стихотворениями Пушкина 1830—1836 годов // Пушкин и другие: Сб. ст. к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997.
- СП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1957. Т. II; 1961. Т. IV.
- Старк В. П. 1998 — Примечания научного редактора // Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина "Евгений Онегин" / Пер. с англ. М., 1998.
- Чернышев В. 1906 — Из истории русского правописания // ИОРЯС. 1906. Т. XI. Кн. 4.
- Чернышев В. И. 1941 — Замечания о языке и правописании А. С. Пушкина: (По поводу академич. издания) // Пушкин: Временник Пушкин. комис. М.; Л., 1941. [Вып.] 6.
- Шапир М. 1994 — Между грамматикой и поэтикой: (О новом подходе к изданию Даниила Хармса) // Вопр. лит. 1994. Вып. III.
- Pilshchikov I. A. 1994 — On Baratynsky's "French trifle": *The Elysian fields* and its context // Essays in poetics. 1994. Vol. 19. № 2.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1999 г. В.А. ПЛОТНИКОВА

ДВЕ РЕДАКТОРСКИЕ ВЕРСИИ

(из истории работы над "Словарем языка Пушкина")*

Мысль о создании "Словаря языка Пушкина" (далее – Словарь) возникла у русских филологов очень давно. Примерно сто лет тому назад – в 70–80-х годах прошлого века была предпринята не имевшая успеха попытка составления такого словаря под руководством академика И.И. Срезневского.

В декабре 1898 г. известный московский адвокат князь А.И. Урусов, напоминая о предстоящем столетии со дня рождения А.С. Пушкина, писал в газете "Биржевые ведомости": "Для изучения поэта, его психологии, его темперамента, его гения нужно, между прочим, основательное знание его языка, нужно знать запас слов, как материал его мыслей. Вот почему для Шекспира, Шелли и др. давно уже составлены специальные словари. Такие словари дают материал для интереснейших работ о богатстве языка того или другого поэта. Следовало бы предпринять ту же работу для Пушкина". Предложение Урусова встретило сочувствие, было намечено напечатать к пушкинскому юбилею первый выпуск словаря (букву "А"). Но ... составление словаря не осуществилось.

В течение XX века было сделано также несколько попыток осуществить создание словаря, но успешного продолжения они не имели.

Последовательная работа над "Словарем языка Пушкина" началась только в 1945 г., когда в Институте русского языка была организована Группа Словаря. Главой и руководителем небольшой группы стал профессор доктор филологических наук Г.О. Винокур, посвятивший многие годы пропаганде и подготовке Словаря.

На основании Полного собрания сочинений Пушкина (1937–1949) была составлена картотека всех употребленных поэтом слов (кроме имен собственных; исключение было сделано только для имен мифологических богов и библейских героев). В 1947 г. в разгар подготовительной работы скончался Г.О. Винокур, инициатор издания, отдавший в общей сложности делу Словаря пятнадцать лет жизни, но так и не увидевший осуществления своих замыслов. После смерти Г.О. Винокура фактическим руководителем группы стал В.Н. Сидоров, а общую работу над Словарем возглавил В.В. Виноградов, ставший одновременно ответственным редактором всего издания.

В 1951 г. первый том "Словаря языка Пушкина" – давняя мечта филологов, писателей и русской общественности, был готов. В этот том были включены слова на буквы "А – Ж". Редактором тома была назначена И.С. Ильинская.

В главную редакцию Словаря вошли крупнейшие филологи-пушкинисты и лингвисты, многие из которых принимали участие в подготовке и издании Собрания сочинений Пушкина в 16-ти томах (1937–1949 г.). Это – академик В.В. Виноградов, ответственный редактор, член-корреспондент АН СССР С.Г. Бархударов, член-корреспондент АН СССР Д.Д. Благой, доктор филологических наук Б.В. Томашевский. Кроме того,

*Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 99-04-00198а

Издательством "Наука" был приглашен в качестве редактора профессор доктор филологических наук С.М. Бонди.

На всех редакторах (от редактора тома – до ответственного редактора) лежала большая ответственность. Готовился к выходу в свет первый том Словаря языка писателя, по содержанию которого специалисты-пушкиноведы, филологи, преподаватели и все читатели Пушкина должны будут судить о пользе и значимости Словаря, о его необходимости для лучшего понимания произведений Великого поэта.

Основная редакторская работа легла на редакторов томов: редактором 1-го тома была И.С. Ильинская, 2 и 3 томов – В.Н. Сидоров, 4-го тома – А.Д. Григорьева.

Академик В.В. Виноградов в силу большого объема научной и административной работы (академик-секретарь Отделения, директор института, руководитель отдела) не мог регулярно участвовать в чтении и редактировании словарных статей. Большую и постоянную помощь составителям и редакторам Словаря оказывали Б.В. Томашевский, к сожалению рано умерший (в 1957 г.), и особенно С.М. Бонди, прочитавший внимательно все четыре тома.

Определение редакторской работы Томашевского и Бонди как двух версий скорее можно считать условным, потому что в отношении редакторов к тексту Пушкина и к толкованиям слов было много общего. И Томашевский, и Бонди были прекрасными знатоками и исследователями Пушкина, его жизни и творчества, оба они были также великолепными текстологами, и при подготовке Полного собрания сочинений много поработали над рукописями Пушкина. Труды Томашевского и Бонди над произведениями Пушкина, его стихом, его литературными связями и окружением, их многочисленные книги и статьи, посвященные Пушкину и пушкинской эпохе, вошли в классический фонд не только отечественной, но и мировой Пушкинианы.

Требования к точности словарных определений, самой схеме словарной статьи, выделению оттенков значений и метафорических употреблений, рекомендуемому подбору цитат, их объему и количеству у обоих редакторов во многом были сходны.

Б.В. Томашевский строже подходил к объему определений, дифференциации значений и оттенков слов; сказывалась пройденная им лексикографическая школа при составлении словаря Д.Н. Ушакова. В "Записке", присланной в Словарь после редактирования 2-го тома (буква "И"), Б.В. Томашевский четко изложил свои замечания и пожелания. "На мой взгляд, – писал он 27.IX.1951 г., – основные вопросы решены правильно и никакой ломки производить не следует. В основном мои пожелания следующие:

1. Несколько сократить в числе и объеме определения значений. Их следует давать лишь для дифференциации частных значений и оттенков.

2. Практическая полезность толкования слов, якобы непонятных современному читателю, мне не вполне ясна. Мне кажется, что в таких случаях следует выбирать такие цитаты, которые дают представление, в каком значении употреблено слово. В частности мифологические и библейские имена не следует комментировать.

3. В определениях следует избегать слов, резко выпадающих из стиля эпохи Пушкина (*использоваться, выявлять* и т.п.).

4. Должна быть большая определенность в выделении в качестве самостоятельной словарной единицы причастий. В частности, неясно, почему, выделяя некоторые причастия, авторы словаря дают другие причастия под инфинитивом, хотя у Пушкина ни в инфинитиве, ни в какой-н. личной форме это слово не встречается. Показания словарей не могут служить верным основанием, так как авторы словарей всегда имели склонность к образованию производных форм независимо от реального их применения в живой речи".

С.М. Бонди, в отличие от Б.В. Томашевского, стремился не только истолковать то или иное слово или оборот, но и как можно полнее "раскрыть" нам Пушкина, поэта и человека, дать представление о том, почему, в силу каких причин или конкретной ситуации поэт употребил именно это слово или образ. С.М. Бонди приводил обширные цитаты, предлагал изменить систему оттенков, не всегда в сторону их сокращения, и

не чуждался энциклопедических толкований. В своем желании помочь нам (и будущему читателю) как можно лучше понять тексты произведений Пушкина Бонди широко использовал "вспомогательный материал": приводил цитаты из произведений поэтов-современников, пародии на произведения Пушкина, отрывки из писем и даже непопулярные в то время – т.е. в 50–60-е гг. XX в. – цитаты из молитв, без которых, по мнению Бонди, текст не мог быть до конца понят.

Но в ряде толкований и особенно в определениях терминов поэтики и риторики Томашевский и Бонди были солидарны.

Замечания Б.В. Томашевского отличались краткостью и четкостью, иногда не лишенных иронии.

Приведем в качестве примеров ряд предлагаемых Б.В. Томашевским толкований и уточнений, подавляющее большинство которых было принято составителями и вошло в текст Словаря.

«**ИГЛА** 2.¹ Мне кажется, что русское слово *игла* не употребляется в значении "шпиль". Это у Пушкина или метафора или галлицизм *aiguille*. Поэтому не лучше ли написать: *О шпиле здания*. Общее определение 'инструмент для рукоделия' мне кажется неудачным. Можно вообще без него (как "иголка") или пояснить словом "швейная".

ИГРЕЦКИЙ. Не просто для игры, а обязательно для азартной.

ИЕРАРХИЯ – не совокупность просто, а по старшинству чинов. Верно и Татищев не просто перечислял чины, а указывал, который старше.

ЗАКОРЕНЕЛЫЙ / *О хронических болезнях*. "Иван Петрович [Белкин] осенью 1828 года занемог и умер, несмотря на неусыпные старания уездного нашего лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении *закоренелых болезней*, как то мозолей и тому подобного".

Все-таки надо отличать иронический оттенок. Пушкин играл на этимологии, внося мозоли в число *закоренелых болезней*. Вообще он здесь расшутился (выражение Б.В. Томашевского. – примеч. В.П.).

ИДЕАЛ. Что такое в "реалистическом понимании"? Как это *понимать*? Непонятно. Автор, понятно, хотел кому-то сделать приятное. Но читатели за подобные определения будут поминать лихом авторов.

Воплощение представления о прекрасном, совершенном, и художественный образ, воплощенный в литературном герое, следует поставить рядом. Это едва ли не одно и то же. Первое определение мне кажется неверным. Речь идет о литературных героях (преимущественно положительных).

ИСТОРИОГРАФ – не то же, что историк. Это звание. См. Словарь Брокгауза ("звание лица, которому правительством поручается написание отечественной истории"). С Пугачевым Пушкин каламбурит, называя себя как бы придворным историографом самозванца. В первом примере историограф – Карамзин (которому было присвоено это звание).

ИЗОБЛИЧАТЬ. Определяющий глагол *выявлять* слишком современен и звучит как анахронизм, вроде *использовать*.

Я думаю, здесь два оттенка: *обнаруживать* и *разоблачать*. Вообще же в этом глаголе и соответствующих (*изобличать* и возвратные формы), надо кроме того различать *изобличать что* (недостаток, качество, преступление) и *кого* (автора, злодея). При этом по значению *обнаружить* можно только *что*, а по значению *разоблачать* и *что* и *кого*.

ИЗУМИТЬ. Не следует ли примеры и формы *изумленный* выделить в особое слово и рассматривать как прилагательное? Ср. *изнеженный, изысканный*. Во всяком случае

¹При подаче замечаний к Словарю Б.В. Томашевским и С.М. Бонди мы пользуемся принятыми в редакции правилами шрифтовых выделений (примеч. – В.П.).

необходима хотя бы ссылочная статья под словом *изумленный*. Слова *изнеженный* и *пр.* даны отдельно, конечно, не потому, что у Пушкина нет примеров с инфинитивом или личными формами. Ср. *импровизировать*, где у Пушкина только пример с *импровизированный* (и м.б. невозможен инфинитив и личные формы).

ИЗУМИТЬСЯ. Опять пример с *изумленным* (*ничтожные наследники*). В данном случае едва ли не единственный случай, где выступает значение страдательного причастия (*изумленные блеском*), но ведь *изумиться* – не есть страд. глагол, и пример надо включить в *изумить*. Здесь и пример и форма.

ИЗЪЯСНИТЬ. Почему *толково*? Некоторые определения словаря опровергают это.

ИН. Определение неточное. Желательность указывается инфинитивом, а не словом *ин*. У Ушакова и Даля – (*иной*) определяется лучше (*ин* – скорее: *но, однако, пускай*). За пределами примеров из Пушкина возможно *ин* с повел: *Ин будь по-твоему*.

ИСКУСНО. Оттенки слишком неуловимые. Так во втором оттенке особенностью является только то, что вся фраза – ироническая. Но *самое слово* употреблено в том же значении, что и в первых двух примерах. Неясно и выделение примера с Шуйским. Мы знаем, что Шуйский был хитер, и следовательно в его понимании *умело* равносильно *хитро*. Но это касается Шуйского, а не значения слова *искусно*.

ИСКУСНЫЙ. Разделение оттенков по определяемому: о человеке или о действии, а не по содержанию значения. Про *искусные доводы* тоже можно сказать – *умелые*. Вообще это не первый случай, когда эпитет без видимого изменения значения прилагается и к действующему и к действию. Здесь надо выработать определенное правило разделения словоупотребления, а не пытаться разными словами определять одинаковое содержание эпитета.

ИСПОВЕДЬ. Пример *жадно читает...* неверно истолкован. Дело идет о модных тогда автобиографических произведениях типа Confessions Ж.Ж. Руссо. Следовательно, этот пример надо в раздел названий».

Б.В. Томашевский не допускал модернизации. Подобную модернизацию он увидел в толковании слова **ИМЯ** "личное название человека, данное ему при рождении" (гротом), так он пишет: «определено очень плохо. Имена дают не при рождении, а при крещении (или соответствующей регистрации), а у католиков при конфирмации, а то и другое бывает часто далеко не при рождении. Иногда меняют имя в преклонном возрасте. Отличительным названием может быть и **прозвище** и **кличка** и какая-нибудь должность, существующая в единственном числе (напр. *дуче, фюрер*), а напр. *наследник* или *кронпринц* давалось и при рождении. Надо подумать о более ясном определении (подчеркнуто В. Виноградовым. – В.П.). Пример *Прадед мой...* сюда не идет: Пушкин думал не о личном имени *Петр*, взятом из святцев (такое имя в применении к разным лицам возможно было произносить и не с уважением). Пушкин думал о Петре Великом. Определение **Всякое характеристическое прозвище...** неверно: справедливо только для Булгарина. Пушкин говорит об именах (не прозвищах) литературных персонажей, которые могут быть и не характеристическими. Следующее определение тоже неудачно. Напр. когда речь идет о Пушкине и Измайлове, то имеются ввиду только фамилии: Пушкин имеет в виду еще случай, когда эти фамилии встречаются вместе: "Другой Пушкин, во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*" (т. 12, стр. 311, Начало автобиографии).

М.б. первое определение не искать, а сказать: "собственно имя в противоп. отчеству и фамилии", а затем "личное имя включая отчество и фамилию", а затем "только фамилию". Или "личное наименование литературного персонажа". И пр.

ИСТИНА. Думаю, что слово *истина* не требует определения вообще; литературный оттенок вполне определяется контекстом, т.е. мы имеем здесь примеры общего значения, а не новый оттенок значения. Во всех случаях, приведенных Вами, *истина*

значит "подлинность", в противоположность *фальши*. Во всяком случае прав С.М. Бонди, отвергая в определении слово *правдоподобие*, которое для Пушкина имело другое значение, – достаточное основание к тому, чтобы вообще не употреблять этого слова в определении».

Б.В. Томашевский считал излишними упоминания и толкования мифологических, и, особенно, библейских имен и отдельных священных предметов, а также этимологические справки при устаревших словах. Так:

«**ИИСУС.** Зачем выписка из Священной истории. Подобные выписки превращают словарь в некоторой его части в краткий курс библейской истории. Мне кажется, что также надо сократить и мифологические справки. Ср. *Икар*. Словарь не энциклопедия. То же *иконостас*.

ИУДА – опять выписка из Священной истории.

ИОВ, ИОСИФ – опять лекции по Священной истории».

И лишь один раз (в сохранившемся в нашем архиве тексте) Б.В. Томашевский замечает при слове *избранный*: «Следовало бы отделить и объединить все случаи, где фразеология связана с библейской цитатой ("мало", "малое количество")». Имеется в виду цитата из Евангелия от Матфея: "ибо много званых, а мало избранных" (гл. 22, с. 14)².

Читая словарные статьи на букву "И", Томашевский указал на ошибку в издании сочинений, обнаруженную им в тексте юношеского стихотворения Пушкина "От всеобщей вечер идя домой Антипьевна с Марфушкой бранилась".

«**ИДТИ.** Пример "От всеобщей вечер..."". В моей книжке "Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения" 1925, на стр. 69 говорилось: "Но еще менее надежным материалом являются многие мемуары... вроде воспоминаний Л. Павлицева, и даже воспоминаний Пуцина, не устоявшего перед соблазном приписать Пушкину чьи-то – вероятно свои собственные – вирши". Я имел в виду именно стихотворение "От всеобщей..." Оно показалось мне фальшивым, когда я занимался пятистопным ямбом Пушкина, и это стихотворение "не лезло" в картину применения этого размера в разные периоды творчества Пушкина. Теперь обнаруживается, что форма "идя" встречается единственный раз именно в этом стихотворении, что еще больше утверждает меня в убеждении, что данные стихи Пушкину не принадлежат. М. б. сделать осторожное примечание под строкой».

Б.В. Томашевский отрицательно относился к этимологическим справкам при архаичных словах, а также к обширным энциклопедическим толкованиям. Так по поводу слова *исчадые* ("Порождение следствие чего-н.: о ком-чем-н., вызывающем отвращение, ужас"). "Почему *перенос*, – спрашивает Б.В. Томашевский. В другом значении слово не употребляется. Пушкин не виноват, что вы даете этимологическое определение. Мало ли русских слов, особенно из ц.-сл. утратило первоначальное реальное значение и приобрело в качестве основного то, которое некогда было переносным. Словарь не должен заниматься палеонтологией языка. Кроме того не отмечен бранный оттенок".

Недоумение у редактора вызвал вопрос И.С. Ильинской, как толковать сочетание *карта любви*. "Ума не приложу, зачем Вам *карта любви* для словаря Пушкина. Добро бы это были слова самого Пушкина; а то это пересказ А. де Виньи, который в свою очередь пересказывает Скюдери". Затем Томашевский подробно передает содержание эпизода, где фигурирует *карта любви*. «Итак, в романе Виньи Скюдери показывал действительно карту, составленную по роману "Клелия". ... Судя по данным словарей, к роману рисованной карты не прикладывали, а просто в самом романе описывается, как древние римляне рисовали географическую карту любви. При этом карта эта так подробно описана, что любителям не трудно было ее начертить. Во всяком случае это

²См. "Нас мало избранных, счастливых праздных, Пренебрегающих презренной пользой, Единого прекрасного жрецов" (А. Пушкин. Моцарт и Сальери).

действительно карта, а не что-нибудь иное, по типу географических карт, хотя и выдуманная, причем выдуманная в качестве аллегорической. Мне кажется, что никакого нового значения данный случай не предполагает». Следуя рекомендации Б.В. Томашевского, мы не стали толковать сочетания *карта любви*³.

Однако Б.В. Томашевский подробно охарактеризовал представление под названием *Собачья комедия*: «"Собачья комедия" есть род представления, в котором роли исполняют собаки (дрессированные). До изобретения кино подобного рода развлечения пользовались успехом, а так как предприниматели принадлежали к частному сектору, то прибегали к методам рекламы, отражавшимся на системе словесных выражений (стиле) афиш"».

Исправляя нашу ошибку при определении такого события как *Испанская война* и времени, когда она происходила, Томашевским была дана исчерпывающая справка: "**Испанский.** *Испанская война* – это не война за Испанское наследство. Война за Испанское наследство окончилась в 1713 г. Утрехтским миром. Война, о которой пишет Пушкин, происходила в 1719 г. Филипп V испанский и его министр Альберони не пожелали подчиниться условиям Утрехтского мира. Тогда составил четверной союз (Франция, Голландия, Англия, Австрия) и после непродолжительной кампании побежденная Испания подписала предложенные ей условия, а Альберони был отставлен. Это и есть Испанская война, в которой принимал участие Ганнибал».

Исправил Б.В. Томашевский ошибку и в названиях произведений (он требовал здесь большой точности), например: «"**Испанские сказки**" – не произведение Мюссе, а его сборник. Точное его название *Contes d' Espagne et d' Italie*».

Большей частью краткий в определениях, Б.В. Томашевский был гораздо свободнее и "словоохотливее" в письмах. Мы уже приводили выдержки из ответов на письмо И.С. Ильинской ("карта любви") и А.Д. Григорьевой ("собачья комедия"). Так в письме И.С. Ильинской он писал: «Почему *варвар* "стоит на крайне низкой ступени". Это будет уже не *варвар*, а *дикарь*. Варварами называли всех не греков и не римлян (что мы называем представителями капиталистического мира), в общем враждебных к цивилизованному миру и отличавшихся более грубыми нравами, чем утонченные носители высшей мировой цивилизации. Но пример из послания Жуковскому, где Пушкин своих варваров называет врагами, предлагает их разить, относится, конечно, к случаю переносного применения первого значения. Пушкин вовсе не проповедовал истребления невежд, и вероятно склонялся к тому, что невежд следует просвещать, а не избивать. Здесь шишковисты рассматриваются как скифы, враждебные к просвещению, проповедники вооруженного похода против Карамзина и его почитателей.

А в слове *гад* может быть и не мешало намекнуть на необычное значение».

Отвечая на письмо А.Д. Григорьевой, спрашивавшей о влиянии на Пушкина стихов Дениса Давыдова, Б.В. Томашевский пишет: "Стихи Пушкина основаны на соответствующих стихах Дениса Давыдова:

Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет...

(Песня старого гусара, 1817)

или:

Нутка, кивер набекрень
И – ура! Счастливый день!

(Бурцову, 1804)

³Аллегорическая *карта любви* была в ходу в конце XVIII – начале XIX в. О ней упоминается в романе Л.Н. Толстого "Война и мир": "Я думаю, никто так не был courtisée, как она (Наташа, – В.П.), – говорила Вера, – но никогда, до самого последнего времени, никто серьезно ей не нравился. Вот вы знаете, граф, обратилась она к Пьеру, – даже наш милый cousin Борис, который, был entre nous, очень и очень dans le pays du tendre... – говорила она, намекая на бывшую в ходу тогда *карту любви*" (Л. Толстой. Война и мир. Т. II, гл. LVIII, М.; Л. 1929).

У Давыдова *эпитета* (речь идет об эпитете *жестокой*. – В.П.), нет, но нужно думать, что Пушкин берет его из фразеологии того же Давыдова. Напомню:

Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!

(Там же).

или:

Пунш жестокий!... Хор гремит!

(Гусарский пир, 1804).

По-видимому в гусарской фразеологии *жестокий* означало предельную степень для вещей острых, ухарских и пр. (вроде *страшный*, *ужасный* и т.п. в обычной фразеологии). Думаю, что это не совсем то, что романс, где этот же эпитет становится в ряд с сентиментальными эпитетами и не лишен родства с такими словами, как *тиран* и т.п.».

Полное согласие отличало Томашевского и Бонди при определении терминов и понятий, имевших отношение к риторике, поэтике и стихосложению. Следует заметить, что большая часть терминов из-за смерти Б.В. Томашевского в 1957 г., когда шла работа над 2 и 3 томами, была определена С.М. Бонди. Им обоим принадлежит толкование следующих слов *ироида* и некот. др.: *изобретение*, *общие места*, *интерес*.

«**ИРОИДА.** Определение не совсем точное. Остолопов определяет *Ироиду* или *Героиду* так: "Героида есть письмо, или послание о несчастных любовных приключениях". Она пишется не от имени сочинителя, а от одного известного и знаменитого лица к другому такому же. Остолопов забыл отметить, что пишущее знаменитое лицо и является героем несчастного приключения.

ИЗОБРЕТЕНИЕ. По поводу *изобретения* думаю, что прав С.М. Бонди. Мы теперь называем это *замыслом*, иногда *сюжетом*, понимая эти слова в самом широком смысле (т.е. сюжетное и образное содержание) иначе трудно понять противопоставление *изобретения* – *плану*, *расположению* и т.д.

ИНТЕРЕС 2. Вряд ли определение точно. Когда Пушкин говорит о *единстве интереса*, он употребляет терминологию поэтики конца XVIII века: *unité d' intérêt*. Энциклопедисты, настаивавшие на *единстве интереса*, определяли *интерес* главным образом как сочувствие читателя к изображаемому персонажу и его действиям. Вот как определяет термин *интерес* Мармонтель в своих началах словесности (*Eléments de littérature*): "Расположение (*affection*) души, которым она дорожит и которое привязывает ее к своему предмету. В повествовании, картине, в сцене, вообще в произведении ума, это волнующее влечение, вызываемое им в нас, или удовлетворение, которое мы испытываем, будучи взволнованы любопытством, беспокойством, боязнью, жалостью, восхищением и т.д." Следовательно – интерес в художественном произведении – не просто занимательность или увлекательность, которые обычно связываются с запутанностью авантюрного сюжета, а не с эмоциями, возбуждаемыми судьбой персонажей, которым мы сочувствуем.

Что касается *общих мест*, то я бы ограничился определением "термин теории литературы", не рискуя его определить подробнее. Я не помню места, где у Пушкина фигурируют *общие места*. Ваше определение страдает неясностью и зыбкостью. *Общие места* Аристотеля, Квинтиллиана, Цицерона, насколько мне известно, состояли в общих принципах доказательств. Пушкин узнал этот термин на уроках Кошанского. В его "Риторике" и следует искать то определение, которое было известно Пушкину. Мог, конечно, Пушкин обращаться и к Ломоносову. Ваши источники к делу не имеют отношения. Но разыскания такого рода – не лексическое занятие, а скорее энцикло-

педическое. Не ваше дело вскрывать содержание сложных понятий и их эволюции». (Отрывок из письма к И.С. Ильинской от 10.III.1957 г.).

Б.В. Томашевский и С.М. Бонди совместно с редакторами томов определяли понятия *народный, популярный, классицизм, романтизм*.

Интересно отметить, что, по убеждению Б.В. Томашевского, Пушкин включал в число искусств только четыре: музыку, живопись, скульптуру и архитектуру. Литературу он выделяет помимо искусств.

Большая часть терминов определена была С.М. Бонди. При чем это не были обязательно строгие предписания, а скорее советы, соображения, рекомендации. Некоторые из них, особенно относящиеся к стихосложению, могли сопровождаться конкретными примерами из произведений других авторов не только пушкинского времени.

«**РАЗМЕР.** Нехорошо определено стиховедческое значение слова *размер* (3). Я бы определил так: "Традиционное ритмическое строение стиха, метр".

РАССКАЗ. Я думаю, что в этом примере ...слово *рассказ* употреблено не в значении "небольшое художественное произведение повествовательного характера, а в значении "о манере, способе повествования" (речь идет о "Модной жене" И.И. Дмитриева. – В.П.). Ведь "Модная жена" – не **рассказ** в обычном смысле, а стихотворная, шутливая повесть, "сказка", как тогда говорилось (подражание "сказкам" – не басням: [contes] Лафонтена). *Образцом рассказа*, как жанра, Пушкин никак не мог ее назвать. "Рассказами", как видно даже из Ваших примеров, он называл повести Гоголя, повести Павлова – все это рассказы и в нашем смысле. "Модная жена" – "Образец шутливого рассказа" – т.е. легкого и шутливого повествования", "легкой... манеры повествования".

РИТОРИКА. В определении следует добавить "и литературы". В тогдашние "Риторика" входило все, что теперь относится к "теории литературы", "теории словесности" – за исключением стиховедения, которое входило в "Поэтику". Кстати и примеры об этом не говорят: речь идет не о красноречии и ораторстве, а о тропах и фигурах в "Евгении Онегине" и т.п. Ср. также все примеры к слову *риторический*.

РОМАН. Пример об "Истории Карамзина" – не подходит под определение ("О занимательном, увлекательном чтении"). "Требовать романа в истории" по Пушкину значит – требовать **вымысла**, интенсивной **выдумки** (см. определение Пушкина в статье о "Юрии Милославском" ... – "под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую в **вымышленном** повествовании". А в требовании занимательности, увлекательности в чтении **Истории** – ничего нет ни "нового, ни смелого". Вот так Пушкин сам говорит о "занимательности", "увлекательности" той же "Истории Карамзина" в письме к Жуковскому" (17 авг. 1825 г.): "Что за чудо эти два последние тома Карамзина! Какая жизнь! C'est palpitant comme la gazette d'hier..."

СКАЗКА. В определении, по-моему, непременно надо убрать слова "часто с фантастическим сюжетом!" Во-первых, **большинство примеров** этому противоречит, а во-вторых (и это главное!), если для нас это слово непременно ассоциируется с обычными (для нас!) сказками ("волшебными"), то для Пушкина ("и его современников") – этих ассоциаций **нет вовсе!** Видимо, это для него просто перевод французского *conte*, которое по крайней мере в те времена значило просто *рассказ* – ср. *сказки* Лафонтена, в которых, в отличие от его басен (fables) нет ничего фантастического [зато много неприличного].

СОНЕТ. Неточное и непонятное для незнающего определение. К тому же в **итальянском** сонете, о котором говорится в первых двух примерах (Данте, Петрарка) четверостишия имеют **разные** рифмы. Лучше что-нибудь в роде: "Стихотворение в 14 строк с определенным строением: два четверостишия (иногда с одинаковыми рифмами) и затем за ними два трехстишия".

СОЧЕТАНИЕ. Определение значения 2 неправильно: это **стиховедческий термин**, обозначающий чередование мужских рифм (т.е. требование, чтобы вслед за парой

стихов с **мужской** рифмой непременно следовали стихи с **женской** рифмой [а не опять с мужской, хотя и другой]. Это со времен Тредьяковского (1735) называется у нас сочетанием стихов – (по-французски – **marriage des vers**) – вот откуда каламбур Пушкина о "холостой" рифме.

СТРОФА. Определение не очень хорошее. Лучше что-нибудь вроде: "Повторяющаяся в стихотворении группа стихов определенной метрической композиции". Длинно, коряво, непонятно – но, по крайней мере, точно". Объединение "**по содержанию**" – не обязательно в строфе (Это выдумка Тимофеева!).

ТЕМА. Не очень хорошее определение (хотя и взято из Ушаковского словаря): "Предмет, занятие... значит это предмет материальный, вещь? Содержание – это слово гораздо объемнее темы". Содержание "Евгения Онегина" не совпадает с его темой.

"Изложения, рассуждения, беседы (?)" А художественное произведение? Импровизация? Надо как-нибудь иначе. Сейчас не могу придумать. Может быть, что-н. вроде "Общее (или "обобщенное") обозначение основного содержания и т.п.?" Нет, тоже плохо! А, может быть, не надо определять? Просто (о литературном произведении и т.д.).

В "оттенке" ("О записке, содержащей тему" ...надо не "изложение" (это же импровизация итальянца!) а художественного произведения.

ТРИОЛЕТ. Определение строения триолета и неточное и даже неверное. В триолете его все рифмы могут располагаться по-разному. (напр. абба абаб или абба бааб), но главное, что стихи 1-й, 4-й и 7-й буквально **повторяются** целиком, также буквально повторяются стихи **второй** и **восьмой**. У меня нет под рукой текстов, но я случайно вспомнил один плохонький триолет Ф. Сологуба, написанный по случаю гибели в автомобильной катастрофе маленьких детей Айседоры Дункан (танцовщицы):

Плачьте, дочери земли!
Плачьте горю Айседоры!
Отуманьте ваши взоры!
Плачьте, дочери земли!
Счастье вы не сберегли
Той, что нежно тешит взоры.
Плачьте, дочери земли!
Плачьте горю Айседоры!

Всего этого рассказывать в Словаре не нужно. По-моему, достаточно сказать: "Род" (или "вид") стихотворения в 8 строк очень искусственного и стеснительного строения – что-нибудь в этом роде.

ЦЕЛЬ. Определение **литературного** значения слова *цель* неточно; не столько "задача", "назначение" (т.е. *цель* в **нашем** смысле) – сколько **идея** произведения. Очень прошу Вас в Вашем определении **прибавить** и это слово!!!».

С.М. Бонди приступил к редактированию первого тома "Словаря языка Пушкина" позже, когда шли уже гранки, и поэтому его замечания вначале не так обширны и обстоятельны, как замечания, на те словарные статьи, второго, третьего и особенно четвертого томов, которые он читал в машинописи.

Составление словаря языка писателя было делом новым. И нам, начинающим лексикографам и юным пушкинистам, многое казалось значительнее, чем на самом деле или, наоборот, проще. Поэтому мы или оставляли без внимания особенности употребления или, наоборот сообщали большую значимость вещам обыкновенным, будничным. В глаголе *бросать* мы выделили оттенок *сбрасывать (об одежде)* "Плащи *бросают* два врага" *ЕО VI XXIX. 10.* "Нет! – пишет Бонди, ни в том дело, что они сбрасывают с себя плащи для удобства движений. Эти плащи (или шинели) **служат барьерами** (отмечают расстояние, ближе которого они не имеют права сходитьсь). Так

что здесь *бросают* – в самом обычном смысле, как они могли бы *бросить* (на землю) для этой цели палки или ножны шпага".

В статье **Видок** мы даем оттенок // *В нариц. употр.* (о нечестном, аморальном человеке). «Нет! – возмущенно пишет Бонди, не о "нечестном, аморальном", – а о **правительственном шпионе** – с прямым намеком на Булгарина и его журнальные статьи против Пушкина».

«3. *Быть вожатым* (глагол *водить*). "Неясно во всех трех случаях – (в тексте поэмы "Цыганы". – В.П.) – *водят медведя*, между тем слово *вожатый* – значит совсем другое. Нужно или "быть поводырем" – или подробнее: В соч. *водить медведя* ('показывать за плату дрессированного медведя')».

«**ВОЗЗВАНИЕ**⁴ – "это и есть документ" – пишет С.М. Бонди. Воззвание Императора Ал. I к жителям Москвы числа 8–10-го июля (точно не помню) 1812 г."

ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ – "Нет, кажется и здесь слово *возмутительный* обозначает не 'ужасное, вызывающее негодование' (как мы употребляем это слово) и не 'выражающее недовольство' (?!), 'выражающее возмущение' (??) – чем же возмущается Пушкин? Что его должно было приводить в возмущение (понимая это слово в нашем смысле, как крайнюю степень "недовольства", "негодования")?? Нет! и здесь *возмутительный* значит – 'мятежный, революционный'; *возмутительное упрямство* – это упрямство, упорство мятежника, революционера".

ДЕВЯТЫЙ – По-моему, **неверно** определено выражение *девятый вал* (имеется в виду текст "Пора: перо покоя просит; Я девять песен написал; На берег радостный выносит Мою ладью девятый вал (*ЕО Пут.* Введение. – В.П.) – Буря – не причем. Просто нечто вроде приметы (безусловно неверной), что во время прибоя девятая волна самая высокая, сильная. Пушкин именно это и имеет в виду. Никакой бури у него нет, а просто самая сильная высокая девятая волна ("Девятая песнь *ЕО*) выбрасывает его лодку на берег, где она и остается (т.е. "плаванье" кончено, роман окончен). **Вот какой здесь образ**».

Замечания С.М. Бонди касаются не только толкования отдельных слов произведений Пушкина, но часто сопровождаются примечаниями, вводящими читателя в те условия и обстоятельства, которыми вызваны те или иные выражения, обороты, объяснения.

Когда читаешь редакторские замечания С.М. Бонди, то создается впечатление, что ты знакомишься с жизнью Пушкина, его литературным окружением, с его взглядами на происходящее, его политическими пристрастиями.

«**НАМЕРЕНИЕ**. Не очень понятно обозначение при примере из письма к Вяземскому по поводу "Андр. Шенье": "Желание, стремление". Что это значит? Что Вяземский должен судить о элегии Пушкина по желанию (собственному?), как он хочет? Или по пушкинскому стремлению? А что это значит? Стремление **к чему?** Желание **чего?**

На самом деле, смысл этого выражения такой: здесь Пушкин намекает на известное, популярное правило иезуитов. "Цель оправдывает средства". Он просит снисхождения к художественному несовершенству ("средству") своей элегии и просит судить о ней по скрытой в ней идее ("цели", "намерения"). А. Шенье – это сам Пушкин, а гонитель его Робеспьер – Александр I [Недаром, когда Пушкин узнал о неожиданной смерти Александра, он, вспоминая стихи из своей элегии ("Пей нашу кровь, живи, губя... И час придет... и он уж недалек: падешь тиран!... Теперь иду... пора... но ты ступай за мною..."), писал Плетневу 4.XII.1825 г.: "Я пророк, ей Богу пророк! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами..."].

Так что, по-моему, определение должно было бы быть приблизительно такое: "цель какого-либо действия" или что-н. в этом роде".

⁴ Первоначально в Словаре это слово было отнесено к оттенку первого значения: "призыв к чему-н.", а не ко второму значению – "документ, заключающий обращение".

НАСТОЯЩИЙ. Эти слова Пушкина я прежде всегда приводил в доказательство опасности биографического толкования лирики Пушкина, т.е. понимал их так же, как и Вы. – А сейчас мне кажется, что это ошибка, что здесь *настоящие* употреблено в **1 значении**, т.е. мы можем думать, что поэт изображал в оде, элегии – свои **теперешние сегодняшние** чувства и обстоятельства, в которых он теперь, сейчас находится. А между тем (как говорил не раз Пушкин) в лирике выражаются часто чувства, уже давно пережитые и воспроизведенные по памяти. Напр.:

Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их тайный образ сохранила;
Их после Муза оживила

Но я, любя, был глуп и нем.
Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза

Волшебных звуков, чувств и дум (EO I, LVII, LVIII, LIX).

ПРИМИРИТЬ. Пример из Полтавы ("...с небом примиренный...") – особый. Это не значит, что Кочубей перестал "Испытывать неприязнь к небу, недовольство небом" – он **никогда этого не испытывал**: "Примириться с Небом" – значит: исповедаться и причаститься – и тем самым получить от Неба (от Бога) прощение всех своих грехов. Уверю Вас, что это так – и не как-нибудь иначе!

РАЗБОЙНИК. Надо указать в примере из Письма Л.С. Пушкину от 13.VI.1824 ["посылаю ему (Шишкову) лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик"⁵, что это измененная цитата из молитвы, читаемой перед причастием ("Верую, Господи, и исповедую"... "Не лобзание ти дам, не яко Иуда, но яко разбойник исповедую тя: помяни мя, господи, егда приидеши во царствие свое").

СТУПЕНЬ. Почему при указанной в самом тексте-цитате из Данте ("тяжелы ступени чужого Крыльца") не указано, что это **цитата?**».

Примечание. Эта цитата проходит через все творчество Пушкина. Первый раз она приводится в вариантах поэмы "Цыганы": "Сколь черств и горек хлеб чужой – Сколь тяжко (медленной) [ногой] Вскочить на чуждые ступени... Второй раз – в "Пиковой даме": "Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца".

«ТАРКВИНИЙ. – Определение неточно, неверно. Обесчестил Лукрецию не царь Тарквиний Гордый (царствовавший с 534 по 509 г. от Р.Х.), а его **сын**, тоже Тарквиний (Секст.). Надо исправить: не "Имя последнего царя и т.д.", а "Имя **сына** последнего царя" – и далее, чтобы получилось ясно. "О младшем Тарквинии" говорит Пушкин!

ТОЧНОСТЬ. Надо добавить "иронически" Пушкин **издевается** над пародиями на его эпиграмму ("Собрание насекомых"). В "Вестнике Европы" было:

Полтава – божия коровка,
Кавказский пленник – злой паук,
Вот Годунов – российский жук,
Онегин – тощая пивка,
Граф Нулин – мелкая козявка.

⁵ Имеется в виду один из распятых вместе с Иисусом Христом разбойников, обратившийся к Иисусу Христу перед смертью со словами: "Помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твое" (Евангелие от Луки, 23.42).

Это Пушкин издевательски называет "легким остроумием". В "Моск. Телеграфе" – длинная эпиграмма (пародия) – не буду ее приводить всю... Там такие стихи:

...Я сын поэзии холодной
Вам **набрал** травок и цветов.
В тиски хохочущей сатиры
Я их когтями положил
И резким звуком смелой лиры
Их описал и иссушил.

Дальше перечисляются "Чайлд-Гарольдия", "Дон-Жуания", "Дидеротия", "финский чертополох", "Мак Германии", "горох древних эллионов" – и кончается так:

Все, все, рядком в моих листочках
Разложено, положено
И эпиграммы в легких строчках
На смех другим обречено...

В чем дело? Про что говорится? Чьи эпиграммы? Понять невозможно!

Об этих стихах Пушкин и говорит, что они "отличаются полнотою смысла и строгою грамматической и логической **точностью**?" Итак, надо добавить: *иронически*.

ТУМАННЫЙ. Определение выражения "туманная Германия" следовало бы уточнить, изменить, – в роде: "...Как центр идеалистических философских учений [или, "...идеалистической философии"] и мистического романтизма? А то непонятно: неужели **всякая** философия – туман? Или **всякий** романтизм (напр. – байроновский)?

Туманна даль – это, по-моему, вовсе не "трудноопределимый"... и т.д., а просто 'покрытый, овеванный туманом', т.е. в знач. 3, (ср. *идут в дали туманной* (С₁ 24.87)). **Весь** этот образ *туманной дали* (т.е. *туман* и *даль*) является романтической метафорой.

Одним словом, в выражении *туманну* – **нет порицательного** смысла, который Вы, очевидно, ему приписываете!!

ТЬМА. Да скроется **тьма** – вряд ли обозначает "невежество". Посмотрите, как развивается эта тема в стихотворении... Да здравствуют Музы, да здравствует Разум!

Восхваляется **искусство** и, по-видимому, **наука**. Что иное может обозначать в **данном контексте** слово *разум*?

"Ты, солнце святое гори! "*Солнце* с эпитетом *святое* – это не просто восходящее сейчас солнце, а свет Разума, т.е. свет **научного** знания, "просвещения" – в отличие от ...посмотрим дальше!

Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари⁶,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума...

Здесь *бессмертное солнце ума* (т.е. ясная, несхоластическая наука) противопоставлена не **невежеству** (**отсутствию** знаний), а **ложной** мудрости, т.е. тоже **мудрости**, но **ложной**. Что это такое? Единственное значение может быть – религия, религиозные догмы, которые противопоставляются разуму, науке...

Да здравствует Солнце, да скроется **тьма**! т.е. "да здравствует разум, наука и да скроется ложная мудрость, т.е. всяческое суевение..."

Я бы предложил так определить (или в таком роде): "Суевение, религиозные догмы"...

⁶ Дело происходит на рассвете, в конце пирушки (примеч. – С.М. Бонди).

УПОКОИТЬ. Не хорошо определение. Ведь это церковный, религиозный термин относится только к **душам умерших**. Нельзя сказать: "**Упокой** меня, пожалуйста?" "Наконец он прекратил свои преследования и вполне **упокоил** меня"...

Церковное "прошение": "**Упокой**, Господи, **душу** усопшего раба твоего".

Надо бы сразу "**упокоить душу**" – и объяснить: "избавить от мук ада", "водворить в раю"...

УСТОЯТЬ. Дело вот в чем: Пушкин, узнав уже в Кишиневе, что Фед. Толстой (Американец) распускал слухи, что Пушкина **высекли** в Тайной Канцелярии, *напечатал* об нем следующие строки в своем послании к Чаадаеву:

...Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде⁷
Или⁸ философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, загладил свой позор,
Отвыкнул от вина и стал картежный вор...

Вяземский в недошедшем до нас письме упрекал за это Пушкина [в чем – см. ответное письмо Пушкина о цитате из которого идет речь (от 1.IX.1822 г.)] – (а Ф. Толстой был приятель Вяземского). Пушкин, возражая Вяземскому, утверждает, что **можно** в стихах (в сатире) предъявлять и уголовные обвинения (если "не достягает меч законов"). Свои стихи (о которых шла речь) он конечно не мог назвать "гораццианской сатирой, тонкой (?), легкой (?) и веселой (?)", наоборот, он и считал их **угрюмым, злым и тяжелым пасквилем** (Выше он говорит о тех же напечатанных стихах: "закидал издали Толстого журнальной **грязью**"... (примеч. – С.М. Бонди). Мы не знаем письма Вяземского, но очень вероятно, что он, упрекая Пушкина в резкости, указывал ему, как на образец для подражания на сатиры Горация. Пушкин, отстаивая свое право отвечать на гнусные сплетни печатным пасквилем, "журнальной грязью", сравнивает эти два вида сатиры – "легкую гораццианскую" и "тяжелый пасквиль", отдает предпочтение последнему. "Гораццианская сатира" (при сравнении) "не устоит" перед пасквилем. Т.е. пасквиль **сильнее** ее.

Итак – это переносное употребление слова в его основном значении (см. Выше определение): "выдержать напор" при состязании... Что-нибудь в этом роде надо написать...

ФАЛЕРН. Нехорошо определено! Фалерн – это не "провинция в Кампани" (что это за "Кампань" такая? Где это?), а название **вина**; в Словаре Брокгауза и Ефрона сказано: Фалернское вино (Falernum vinum) золотистого цвета, вырабатывалось в Фалернской области (в Кампании – в Древней Италии) и т.д.

Просто "Фалерном" это вино называется, если не ошибаюсь, уже у Горация, а также... у Козьмы Пруткова ("Спор древнегреческих философов об изящном").
...Чашу с душистым фалерном...

ФИЛИСТЕР. По поводу вопросов на полях. В Вашей статье **все верно**, это не "шутливое: употребление, а, действительно, ошибочное. Пушкин в 1825–26 неправильно понимал это слово. Он даже во II главе "*Евг. Он.*" о Ленском напечатал:

...По имени Владимир Ленской,
Душой филистер Геттингенской⁹

Булгарин в своей рецензии указал ему на эту ошибку.

ШАЙКА. Выражение *холостая шайка* – это **шутливое** обозначение кутящей

⁷ Эта строчка была выпущена цензурой (примеч. – С.М. Бонди).

⁸ Из-за этого цензор заменил слово *или* словом *глупца* (примеч. – С.М. Бонди).

⁹ *Philister* – человек с узким ограниченным кругозором и ханжеским поведением; мещанин, обыватель (Совр. сл. иностр. слов. М. 1992) – (примеч. – В.П.).

вместе компании. У Вяземского есть стишки, написанные на "мальчишнике" Пушкина накануне его свадьбы. Не помню, были ли они напечатаны (кажется – да, в книге Шляпкина "Из неизданных бумаг Пушкина"). Я их видал в рукописи. Вот их начало (приличное: конец – "благой"):

Пушкин, завтра ты женат.
Холостая жизнь прощай-ка,
Об земь холостая шайка...

Так что, по-моему, этот пример, во-первых, не должен быть первым и, во-вторых, должен сопровождаться обозначением шутол., а может быть и "о веселой (или кутящей) холостой компании".... Как хотите...

ШАЛЕВЫЙ. Я думаю, что *шалевый* это не только "покрытый шалью", а речь идет о какой-то **дорогой материи**... Надо бы посмотреть (если Вы еще не смотрели) в старых словарях... Я помню такие стишки (процитированные в каком-то историческом романе – не помню, каком):

Ах, как жаль,
Что камаль
Вышла уж из моды!
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся в комоды.

ЯКОБИНИЗМ. Определение неверно. Иначе слова Пушкина (и Жуковского) были бы бессмысленной ложью. Полевого **никогда не проповедовал** в своем журнале "**революционные взгляды**", да еще "**крайние**". Дело вот в чем. Пушкин (и Жуковский, очевидно, да и декабристы...) резко различали **революционеров жирондистов** (напр., Мирабо), которым они **сочувствовали** (кроме Жуковского, конечно. – примеч. – С.М. Бонди), – и **якобинцев** (Марата, Робеспьера), которых они ненавидели – не столько за их "крайнюю революционность", сколько за их **буржуазный**, направленный против **дворянства терроризм**. Здесь было чисто **классовое** отношение, ненависть, которую не могли преодолеть ни "**дворянские революционеры**" декабристы, ни Пушкин; также возлагавший все надежды именно на **дворянство** (перечитайте запись в дневнике Пушкина от 2-го декабря 1834 года).

Полевого Пушкин (и Жуковский) называли "якобинцем" за резко выраженное **антидворянское** и "пробуржуазное" направление его журнала. Полевого поддерживал Бенкендорф, потому что он помогал правительству, так сказать, "снизу" бить те остатки декабристского дворянства, которое правительство било сверху – Полевой увлекся, перешел несколько границы, и Уваров [представитель **помещичьего дворянского** влияния в Николаевском правительстве (а Бенкендорф представлял чистую бюрократию)], подобрав коллекцию "**антидворянских цитат** в "Моск. Телеграфе", – добился у Николая закрытия "Моск. Телеграфа"...».

Замечания С.М. Бонди различаются по объему и характеру. Это и небольшие изменения в определениях, исправления фактических ошибок, предложения новых толкований; это – и требования стилистических помет и их обоснования, и описания ситуаций, которые определили собой применение того или иного слова (особенно это касается лексики публицистики и писем). Все эти замечания, подавляющее большинство которых было нами использовано, бережно хранятся в архиве Словаря.

Ценностью Словаря, без всякого преувеличения, мы во многом обязаны заинтересованной и скрупулезной работе такого великолепного пушкиниста, каким был профессор С.М. Бонди, мечтой которого было создание такого Пушкинского словаря, который был бы не только собственно словарем, но и Комментарием, надежным ключом к пониманию произведений Пушкина.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Е.С. Кубрякова. Части речи с когнитивной точки зрения. М., РАН. Институт языкознания, 1997, 330 с.

В рецензируемой книге Е.С. Кубрякова продолжает разработку проблематики частей речи, начатую ею еще в 70-е годы. Подчеркивая во Введении, что данная тема "отнюдь не является новой" и что части речи "принадлежат к числу наиболее описанных разрядов слов" (с. 3), автор считает, однако, что назрела необходимость еще одного их описания. Его целью должно стать, во-первых, подведение итогов предшествующих исследований и, во-вторых, обобщение в едином труде как традиционных взглядов, так и новых, появившихся в последнее время подходов к изучению частей речи. Третья и важнейшая цель монографии – рассмотрение частей речи с когнитивной точки зрения и анализ их природы, оснований выделения и развития – подсказана кардинальными изменениями в области теоретической лингвистики, прежде всего достижениями двух главных научных парадигм современного языкознания – коммуникативной и когнитивной.

В соответствии с этими целями выстроена и композиция книги. Она состоит из трех частей. В части I "Теоретические и методологические предпосылки настоящего исследования" описываются когнитивная парадигма научного знания и особенности когнитивного подхода к явлениям языка (глава первая), раскрывается взаимосвязь когнитивизма и теории номинации (глава вторая), исследуется взаимоотношение языка и восприятия (глава третья), обсуждаются проблемы категоризации человеческого опыта (глава четвертая).

Часть II содержит материалы к новой теории частей речи. В четырех ее главах приводятся сведения из истории изучения частей речи, освещаются новые направления в исследовании частей речи, возникшие за последние два десятилетия, анализирует-

ся описание частей речи в генеративной (универсальной) и эмерджентной грамматиках, раскрываются новые возможности изучения частей речи и новые аспекты в методике их анализа.

Часть III "Описание системы частей речи в когнитивном плане" автор начинает с описания семантики и функций словообразовательных процессов как источника сведений о когнитивных основаниях частей речи (глава первая). В последующих трех главах ведется рассмотрение частей речи как естественных прототипических категорий и роли дискурсивных характеристик в их организации, содержится анализ формирования когнитивных оснований системы частей речи и противопоставления объектов их процессуальным и непроцессуальным признакам с когнитивной точки зрения. В заключительной (пятой) главе содержатся итоги проведенного исследования, представленные как линии, по которым кардинальные части речи противопоставляются друг другу.

Намеченная автором широкая программа изучения частей речи и избранная глубина проникновения в их сущность продиктовали естественные ограничения как исследуемого материала (в центре внимания находятся лишь имена существительные, глаголы и прилагательные), так и круга обсуждаемых проблем: автор не касается многих дискуссионных вопросов, связанных с классификацией слов по разным частям речи, таких, например, как частеречный статус отдельных категорий слов типа категории состояния в русском языке, количество частей речи в разных языках, промежуточные классы слов и т.д.

Очертив во Введении границы своего исследования и поставив конкретные задачи, Е.С. Кубрякова блестяще их выполняет, используя в ходе анализа обширный материал

как индоевропейских, так и неиндоевропейских языков. Показав возможные пути решения проблемы и необходимость подхода к ним с разных позиций, подчеркнув связанность частей речи с психическими, ментальными процессами и, в первую очередь, — с определенными содержательными структурами знания и созданием подобных структур для их дальнейшего участия в актах коммуникации, Е.С. Кубрякова формулирует стройную и убедительную концепцию частей речи, именуемую ею когнитивно-дискурсивной, или дискурсивно-когнитивной. Благодаря осуществленному в книге синтезу когнитивного и коммуникативного начал Е.С. Кубряковой удалось найти, во-первых, дополнительные аргументы в пользу развиваемой ею концепции частей речи как номинативных классов, закрепляющих в актах номинации разные структуры сознания и вызывающих разные представления или разные типы репрезентаций при их использовании в речи.

Во-вторых, в работе раскрывается зависимость актов номинации от коммуникативных факторов. Стремление сделать результаты познавательной деятельности доступными и для других людей требует не только закрепления их в некоторых формах языковых знаков (автор справедливо отмечает заслуги отечественной науки в изучении этой — когнитивной — стороны номинации), но и определения дискурсивной роли формируемых знаков. Соответственно языковая картина мира включает как огромный корпус единиц номинации, среди которых центральное место занимает слово, так и правила их образования и функционирования. Слово, таким образом, несет в себе как определенные знания об омысленном человеком фрагменте действительности, знания о схемах действия с обозначаемым объектом или классом объектов, так и является представителем "определенного правила обращения с ним и стратегий его нормального использования в дискурсе и тексте" (с. 52).

Основной целью исследования является выяснение процессуального аспекта знаний, обобщаемых в отдельных знаменательных частях речи, с тем, чтобы определить их онтологическую природу и выявить архетипы сознания, лежащие в основе их формирования. Анализируя соотношение восприятия и языка и подчеркивая исключительную роль чувственного восприятия в обработке поступающей к нам из окружающей действительности информации и его деятельностный характер, Е.С. Кубрякова одновременно выделяет процессы категоризации и

концептуализации как моменты чисто человеческой обработки информации и подчеркивает важность последующей их языковой объективации. Части речи, по ее мнению, и являются собой прототипически организованные категории, лучшими представителями которых нередко становятся исторически ранние формы.

Отличительная черта работ Е.С. Кубряковой — прекрасное знание ею концепций и взглядов ученых, начиная с глубокой древности и до самых последних публикаций. Данная книга никоим образом не исключение. В детальном научно-аналитическом обобщении автор прослеживает динамику подходов к определению частей речи и смену акцентов в выборе их критериев. Высоко оценивая заслуги своих многочисленных предшественников в описании главных свойств частей речи, отмечая взаимосвязь и взаимозависимость функционально-семантических, формально-морфологических и синтаксических характеристик частей речи и отсутствие между ними одно-однозначной корреляции, Е.С. Кубрякова разрабатывает методологическую базу для о б ъ я с н е н и я частей речи. В ее основе лежит когнитивный подход к частям речи как прототипическим категориям со всеми присущими этим категориям свойствами, прежде всего наличием ядра и диффузностью, которая возникает как результат последующих трансформаций и семантических сдвигов. Одновременно подчеркивается необходимость изучения частей речи как особой системы форм и категорий с ее концептуальными основаниями и богатством свойственных ей функций. Конечным итогом научного поиска становится более полная по сравнению с имеющимися характеристика всей системы частей речи и ее главных составляющих. Как указывает Е.С. Кубрякова, описать систему частей речи — "значит описать, во-первых, конституирующие черты ее единиц (...охарактеризовать части речи как прототипические категории), во-вторых, типы представленных в системе связей (как иерархических, так и синхронно-релевантных оппозиций, в первую очередь — противопоставления имени и глагола) и, наконец, в третьих, процессы, связывающие между собой отдельные ЧР" (с. 195).

Данная программа исследования частей речи находит полную свою реализацию в части третьей книги "Описание системы частей речи в когнитивном плане".

Поскольку словообразовательные процессы играют первостепенную роль в рож-

дении нового круга значений, связываемых с той или иной частью речи, и отклонении от обычных ее значений, в возникновении разных способов и форм представления концептуальных структур, лежащих в основе разных частей речи, и тем самым в формировании значений предметности, признаковости и процессуальности, а словообразовательные критерии становятся диагностирующими при распознавании частей речи, изучению этого аспекта частей речи придается особая значимость.

Выявление наследуемых и приобретаемых свойств производных слов позволяет установить ингерентные для той или иной части речи концепты, раскрыть релевантные для характеристики частей речи признаки и возможные их модификации и, главное, увидеть неотторжимость концептуальных оснований частей речи при разных их преобразованиях.

Анализируя далее круг значений, развиваемых в ходе словообразовательных процессов, и устанавливая существование ведущих и тем самым первичных значений частей речи в противопоставлении их вторичным значениям, автор задает вопрос о том, какую функцию выполняет словообразование, делая возможным отображение ментальной модели ситуации с помощью слов разных частей речи, и приходит к выводу, что со словообразовательными процессами связаны не только семантические но и синтаксические, дискурсивные задания. Сходные по своим референтным возможностям вследствие тождества содержащихся в них корней или основ, лексические единицы, возникшие в результате словообразовательных актов, фиксируют в описываемых ситуациях разные моменты и по-разному распределяют информацию, меняя в их описаниях соотношение темы и ремы, фона и фигуры. Не противореча общим идеям, заложенным в частях речи и продолжая своеобразное членение их главных концептов в виде словообразовательных (ономасиологических) категорий и соответствующего им набора словообразовательных значений, словообразование связывает функции производных слов в тексте с выполнением ими важнейших синтаксических задач – с отражением ролей участников ситуации, маркируя их с помощью деривационных средств.

Данное наблюдение создает возможность для дальнейшего развития идеи синтаксических критериев частей речи и приводит автора к мысли об изучении частей речи через их дискурсивные, т.е. связанные с речевой деятельностью и коммуникацией, свойства, которые, не будучи противо-

поставленными когнитивным, представляют собой лишь иную проекцию концептуальных основ частей речи и соответственно могут получить когнитивную интерпретацию. При осуществлении этого замысла Е.С. Кубрякова продолжает линию исследования частей речи как построений по прототипическому принципу. Каждая часть речи в развиваемой ею концепции характеризуется типичным для нее кластером, или пучком признаков, в котором сочетаются как формальные (форма трактуется в книге расширительно), так и содержательные начала, и каждая часть речи и каждый представитель отдельной части речи могут быть отождествлены и опознаны как особые дискурсивно-когнитивные образования. И хотя корреляция между лексическими значениями и синтаксическими и дискурсивными функциями частей речи не имеет жесткого характера типа одно-однозначных соответствий, эти свойства частей речи согласованы друг с другом, что особенно очевидно в прототипических случаях рождения и использования слов. В основе этого согласования лежат правила эффективного дискурса. "Так, – пишет автор, – чтобы слово могло считаться глаголом, оно должно быть способным строить самостоятельно предикат (или выполнять предикативную функцию), имплицировать или пресуппонировать в прототипическом окружении один или более одного аргументов, видоизменяться по особым категориям грамматики и спрягаться, модифицироваться особыми частицами (конкретными для каждого отдельного языка) и, наконец, служить обозначением какого-либо вида деятельности, действия, положения дел, указывая в своей семантике на определенные хронотопные характеристики процессов..." (с. 249).

Такая интерпретация, согласно которой для объяснения статуса частей речи каких-либо одних оснований явно недостаточно и требуется включение в круг рассмотрения всех их разнообразных сторон, что и было продемонстрировано выше в определении глагола, позволяет автору, во-первых, избежать ограниченности одного – концептуального или дискурсивного – определения, и, во-вторых, глубже выявить взаимодействие референции и предикации, роль отдельных частей речи в их осуществлении, а также нежесткость и гибкость соотношения конституирующих свойств частей речи, что обусловлено их предназначенностью для решения многочисленных задач дискурса. Кроме того, эта интерпретация создает также теоретическое обоснование для наиболее распространенной в научном обиходе

"смешанной", т.е. построенной одновременно на нескольких основаниях, концепции частей речи, подскazanной эмпирическими соображениями.

Предприняв комплексный анализ онтологических, когнитивных и экспериенциальных факторов и коммуникативных потребностей, лежащих в основе возникновения частей речи, Е.С. Кубрякова делает вывод, что "система полнoзначных ЧР создается и функционирует в языке для того, чтобы отразить дифференциацию структур сознания и их классификацию по конституирующим их концептам предмета, его процессуального и непроцессуального атрибутов" (с. 270). Имя существительное в лучших своих образцах является языковой проекцией первичной онтологической категории ОБЪЕКТА – легко выделяемого сенсорно физического тела в пространстве, обладающего свойствами отдельности, целостности и тождества самому себе, а также противопоставленного в этом пространстве другим телам. Впоследствии на основе категории ОБЪЕКТА происходит формирование иных типов значений, выражаемых именем существительным, а также вычленение категории признаковoсти, лежащей в основе имени прилагательного, в результате различения целого и его частей. Глагол же связан с определенными положениями дел, ситуациями и событиями и кодирует процедуральные знания о мире и способы бытия и взаимодействия объектов во времени и пространстве. Именно поэтому он характеризуется широким спектром выражаемых значений.

Е.В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа "Языки русской культуры", 1996, 464 с.

Новая книга Е.В. Падучевой включает как прежние, известные ее работы, так и новые, ранее не публиковавшиеся. Однако и в знакомых, казалось бы, читателю разделах теперь, в составе монографии, появилось, без какого-либо их "материального" изменения, принципиально новое содержание. Статьи Падучевой, как прежде разрозненные кусочки мозаики, после выхода книги сложились в единую картину, и сразу стало видно, что это были части единого целого, которые, как любые части, могут быть надлежащим образом поняты и функционировать только в составе этого целого.

Иерархия онтологических категорий, в которой каждый концепт обладает особым статусом и по-разному зависит от других категорий – пространства и времени, материи и движения, детерминирует специфику их противопоставленности друг другу, наиболее ярко проявляющейся в противопоставленности имени существительного и глагола.

Способы репрезентации существительных, глаголов и прилагательных, равно как и конкретные черты их функционирования в разных языках принимают разные формы, и рассмотрением этих возможностей на широком типологическом фоне автор завершает свою книгу.

Таким образом, отдавая дань прошлому и сохраняя связь с лингвистическими традициями рассмотрения проблемы частей речи, инкорпорируя новейшие данные об устройстве и функционировании языка как важнейшего компонента когнитивной системы, Е.С. Кубрякова создает оригинальную концепцию частей речи, соединив в своем построении разные их аспекты и доказав их взаимосвязанность и непротиворечивость. Исчерпывающая аргументация, дополняемая ясным, точным стилем и стройной композицией книги, не позволяет усомниться в истинности развиваемых положений. Новая книга Е.С. Кубряковой, как и прежние ее работы, несомненно, будет с интересом встречена широким кругом лингвистов.

З.А. Харитончик

Проблематика книги, как всегда бывает с работами Падучевой, весьма актуальна. Может быть, точнее сказать, эти проблемы д е л а ю т с я а к т у а л ь н ы м и и вообще становятся п р о б л е м а м и после того, как о них напишет Падучева, которая обладает замечательным талантом "создавать" (в хорошем смысле) проблемы, видеть их там, где другим все может казаться ясным. Еще одна особенность подхода к исследованию: в ее работах формулируются не только те вопросы, на которые потом даются ответы, но и те проблемы, которые, по мнению самого автора, не нашли адекватного разрешения. Е.В. Падучева

всегда отмечает недостаточность предложенного описания, объяснения, указывает на случаи, примеры, не укладывающиеся в ту или иную схему. Ср. характерный пассаж из данной книги: «Некоторые проблемы с НСВ рез. все-таки остаются. Почему, например, *Зимний дворец строил Растрелли* или *"Карнавальную ночь"* ставил Рязанов звучит естественно, а *"Войну и мир"* писал Толстой – нет?» (с. 22). Такой подход, на наш взгляд, весьма продуктивен. Увидеть проблему часто даже более важно, чем ее решить; пока проблема не поставлена, она заведомо не может быть и решена.

Книга Е.В. Падучевой, как и прежние ее книги, охватывает очень большое количество языкового материала, насыщена наблюдениями, обобщениями, выводами, идеями в самых разных областях. Следует отметить также концентрированность и чрезвычайно высокую сгущенность содержания и стиля книги.

Для рецензируемой монографии, как и для других работ Падучевой, характерен также чрезвычайно тонкий и подробный анализ с углубленным вниманием ко всем частностям и деталям.

Переходя от формы к содержанию книги, отметим, что обе ее части (Часть I. "Семантика времени и вида в русском языке". Часть II. "Семантика нарратива"), несмотря на тематическое различие, объединены общим планом и замыслом и характеризуются единством подхода к явлениям языка. Этот подход соответствует современной, набирающей силу в течение последних десятилетий тенденции в языкознании, противопоставленной широко распространенному в 60-е гг. формализованному, сугубо структурно-семантическому подходу (которому отдала известную дань и Е.В. Падучева в своей первой книге "О семантике синтаксиса"). Это, при максимально возможном сохранении структурной строгости и четкости, формализованности описания, достигнутой в предшествующие годы, последовательный учет субъективного, человеческого фактора в языке, позволяющий расширить горизонты понимания и объяснения, достичь более адекватного описания языка. В этом отношении настоящая книга продолжает и развивает идеи и подходы предшествующей монографии Падучевой "Высказывание и его соотносительность с действительностью" (М.: Наука, 1985). Субъективная, человеческая "точка зрения" заложена в самом устройстве языка, и от этого при описании языка в конечном итоге никуда не уйдешь. Учет использующего

язык человека в его самых разных, релевантных для функционирования языка аспектах – как субъекта речи (говорящего), дейксиса, сознания, наблюдения, референции и т.д. позволяет понять и объяснить принципиальные особенности и закономерности устройства и функционирования языка на самых разных его уровнях – лексическом (см. главы 7, 8 о таксономических категориях глаголов, в частности глаголов, в значении которых зафиксировано представление о наблюдателе процесса), грамматическом (семантика и функционирование форм времени и вида в русском языке), синтаксическом (сочетаемость форм времени и вида с количественными определителями и временными показателями), иллокутивным (вид и время перформативных глаголов, функционирование форм императива) и, наконец, на уровне текста, в частности художественного текста. В этой связи чрезвычайно важным и плодотворным для описания семантики и функционирования видо-временных форм глаголов, а тем самым, поскольку эти формы составляют основу предложения и текста, для описания семантики предложения и текста, представляется последовательно используемое в работе разграничение двух точек отсчета при интерпретации и употреблении видо-временных форм: ретроспективной и синхронной. Это позволяет увидеть чрезвычайно существенные различия, завуалированные поверхностно-формальным единством, и, наоборот, глубинное единство, стоящее за резкими формальными различиями. В частности, прошедшее время ретроспективное, при котором за точку отсчета принимается момент речи, принципиально отлично от прошедшего времени с синхронной точкой отсчета, употребляющегося в повествовательном (нарративном) режиме. В последнем случае за точку отсчета принимается момент в прошлом, одно-временный обозначаемому глаголом действию или процессу – действию (процесс) представляется с точки зрения находящегося в прошлом синхронного действию, процессу наблюдателя (здесь наблюдатель и говорящий расходятся). Прошедшее синхронное во многих отношениях подобно настоящему времени, также предполагающему синхронную точку отсчета (синхронного наблюдателя-говорящего), особенно настоящему репортажному (*Мяч уходит на угловой...*), это своего рода "настоящее в прошедшем", совмещающее свойства и того, и другого. "...В нарративном режиме, – отмечает автор, – формы прош. и наст.

времени не сильно отличаются одна от другой" (с. 287). Неудивительно, что в этом значении форма прошедшего времени конкурирует с формой собственно настоящего времени – так называемого настоящего исторического.

Другой важной, перспективной и позволяющей автору очень многое увидеть, объяснить и упростить (поскольку всякое объяснение – это в каком-то смысле упрощение, и наоборот) особенностью работы является последовательно прагматический подход к исследованию и описанию явлений языка. Конечно, отсылка к говорящему, наблюдателю, той или иной дейктической, находящейся во внеязыковой ситуации точке отсчета – это тоже в каком-то смысле прагматика, постольку, поскольку прагматика изучает отношение знаков к пользователям знака и к ситуации их употребления. Однако это такая прагматика, которая в строена в семантику грамматических и лексических единиц, это, так сказать, прагматически ориентированный фиксированный компонент значения языковых единиц, который должен быть описан в словарях и в грамматике. Как пишет по этому поводу Падучева, "языковые значения прагматичны: в принципе..." (с. 223). С другой стороны, имеются собственно прагматические, внеязыковые характеристики ситуации употребления единиц языка, целей, задач, мотивов пользователей языка, автора и адресата высказывания, какие-то общие, надязыковые закономерности деятельности и поведения человека, которые применимы не только к речевой, но и ко всякой другой деятельности, есть "естественная" логика, которая также управляет не только собственно речевым, но любым осмысленным и целесообразным поведением человека, но приложение которой к речевой деятельности позволяет объяснить в свете более общих принципов и описать закономерности и речевого поведения, употребления и интерпретации языковых единиц.

Последовательное обращение к постулатам речевого, коммуникативного поведения (П. Грайс, Дж. Лакофф, Д. Гордон), использование принципов "естественной логики" (Дж. Лакофф) позволяет разгрузить собственно языковое, семантическое описание, уменьшить его сложность, поскольку многочисленные речевые вариации выводятся в этом случае из ограниченного числа простых семантических инвариантов и общих жизненных прагматических принципов. Принципиальной особенностью метода Е.В. Падучевой как раз и является стремление вывести все, что возможно, прагмати-

ческим путем, или, по крайней мере, показать прагматическую мотивированность, выводимость тех или иных компонентов из фиксированных инвариантных или первичных, основных значений грамматических форм и лексических значений. (Ведь граница между семантикой и собственно прагматикой не является четкой, и наряду с чисто прагматическими выводными компонентами и чисто семантическими, фиксированными в языке компонентами, существует обширная зона переходной области прагматической мотивированности семантических явлений, смешанных частично конвенционализованных семантико-прагматических компонентов, на примере которых можно наблюдать, как прагматика рождает смысл.)

Учет прагматики при описании и объяснении функционирования единиц языка является в книге важнейшей, но только одной из составляющих широкого интегрального (Ю.Д. Апресян), "синтезирующего" подхода к описанию явлений языка, характерного для работ Е.В. Падучевой данного периода и для современной лингвистики в целом. Конкретные лексические значения, типовые (таксономические) значения лексических групп, грамматические (морфологические) значения, значения синтаксических конструкций, сочетаемость и прагматика – все это работает в месте при порождении высказывания и, шире, текста, поэтому без изучения взаимосвязей разных уровней не может быть построена общая теория языка. Исследование взаимодействия грамматики, синтаксиса, лексической семантики и прагматики в работе важно не только само по себе, но и как проливающее свет на само устройство единиц и категорий соответствующих уровней языковой системы, поскольку они сформировались для и в результате такого взаимодействия. Таким образом, продвижение по пути синтеза знаменует собой и продвижение к более глубокому анализу и пониманию назначения и устройства взаимодействующих и обуславливающих друг друга языковых (и внеязыковых) категорий и явлений. В фокусе внимания в книге – узловая (и в смысле места в грамматической системе, и как узел сложных проблем) грамматическая категория русского глагола – категория вида, которая исследуется в тесной связи с лексическим значением и таксономическими категориями глаголов (и, конечно, повторим еще раз, как все вопросы, рассматриваемые в книге, в связи с прагматическими факторами). В монографии исчислены и, что особенно важно, содержательно охарактеризованы, истолкованы через набор семанти-

ческих компонентов частные значения НСВ и СВ в их обусловленности лексическим значением глагола, синтаксическим контекстом и ситуацией, продемонстрирована связь этих значений с инвариантными значениями СВ и НСВ и друг с другом. Вообще принципиально новым в данной работе является последовательно деривационный (в широком смысле) подход к описанию грамматических и лексико-грамматических (таксономических) значений. Это позволило автору получить не только более экономное, но и более адекватное представление семантики языковых единиц, раскрыть, разумеется в каком-то приближении, "природу тех механизмов, которыми пользуется человек при понимании текста" (с. 11). Особое внимание уделено самому интригующему из частных значений НСВ — общефактическому значению, а среди значений СВ — перфектному значению. Некоторая непоследовательность, которую можно отметить в этой связи: если в гл. 1 части I общефактическое значение НСВ выводится из актуально-длительного значения, то в гл. 3 и 4 неоднократно подчеркивается важность для актуализации общефактического значения ситуативного и синтаксического контекста потенциальной кратности; таким образом, общефактическое значение связывается фактически с кратным значением НСВ, значением повторяющегося действия. Разумеется, принципиального противоречия здесь нет, поскольку в системе языка, всё, в том числе и значения НСВ, "держится друг за друга", и общефактическое значение одновременно соотносится, связывается определенным образом и с актуально-длительным значением, и со значением кратности, мотивируется и тем, и другим. Остается, однако, вопрос, к какому из этих значений оно ближе, с каким значением оно соотносится непосредственно.

Другая проблема, связанная с общефактическим значением, заключается в том, что общефактическое "значение" представляет собой размытую, диффузную область различных употреблений, характеризующихся переменным набором сходств и различий. Е.В. Падучевой удалось найти, а может быть, точнее сказать, навести, определенный порядок в этой области путем расщепления общефактических употреблений на собственно общефактическое (которое в свою очередь подразделяется на общефактическое экзистенциальное и общефактическое конкретное) и акциональное значение и описания различий между этими значениями при помощи стандартного набора "семантических" компонентов. Заметим, что

используемый автором термин *семантический*, предполагающий традиционное семантическое описание, в данном случае достаточно условен и даже обманчив, равно как и термин *значение* по отношению к описываемым явлениям. Различные "области" общефактических употреблений объединяются и отличаются друг от друга и от других областей не только собственно семантическими признаками, но также коммуникативными свойствами (различия в актуальном членении предложений с НСВ, касающиеся отдельных компонентов глагольного значения), прагматическими, ситуативными (контекстуальными) особенностями (однократность в общефактическом конкретном и т.д.), референциальными характеристиками (неопределенное обозначаемое общефактическим НСВ действия / события) и другими не семантическими или не чисто семантическими признаками. В книге действительно представлено весьма нетрадиционное комплексное семантико-референциально-коммуникативно-контекстуально-прагматическое описание общефактического типа употреблений НСВ и его разновидностей (что не подчеркивается автором), и только такое всестороннее описание и способно в какой-то степени "схватить" специфику этого типа употреблений.

Чрезвычайно четкий и, пожалуй, исчерпывающий компонентный, признаковый анализ частных значений и подзначений НСВ и СВ позволяет автору наглядно продемонстрировать и объяснить тонкие различия, схождения и расхождения между этими значениями. Заметим, что в этом случае, как кажется, можно было бы идти дальше по пути, предложенному Е.В. Падучевой. Дело в том, что используемые при описании признаки (6 признаков для толкования общефактического значения и его разновидностей) не являются взаимно независимыми, их возможно и поэтому нужно связать, в свою очередь, в систему (как поступила Е.В. Падучева с частными значениями видов), показав, как эти признаки обусловливают друг друга. То, что имеется закономерная связь между такими характеристиками типичных предложений с общефактическим НСВ, как экзистенциальное коммуникативное членение, неопределенность и потенциальная кратность действия / события, видно уже из того, что аналогичный набор свойств имеют типичные бытийные предложения с областью бытия "фрагмент мира" (с тем отличием, что "кратным" и неопределенным является в этом случае не действие / событие, а имеющий

бытие объект), см. [Арутюнова, Ширяев 1983].

Другой не закрытый вопрос – это специфика акционального значения. Как представляется нам, определение специфики акционального значения входит в противоречие с примерами на это значение. При употреблении НСВ акционального, пишет автор, говорящий "ставит в центр внимания не результат, а сам процесс осуществления действия" (с. 49). Соответственно, для того, "чтобы употребляться в акциональном значении, глагол должен входить в предложение в паре, т.е. обозначаемая ситуация должна иметь процессный фрагмент; соответственно, глагол должен допускать актуально-длительное употребление" (с. 51). В то же время большинство глаголов из списка примеров на с. 49 такого употребления в норме не допускает (*покупать, подавлять, снимать шляпу, согласовывать материал, шить костюм* и т.д.; ср. странность: *Он в данный момент / сейчас покупает шляпу / подавляет восстание... Он тогда / в тот момент снимал шляпу / шил костюм*). На проблемы с акциональным значением, переходные случаи и "смазанность" различий между акциональным и экзистенциальными значениями указывает и сама Е.В. Падучева (с. 52).

Другим важным аспектом аспектологической проблематики 1-й части книги является исследование того, как инвариантное противопоставление СВ и НСВ преломляется в различных группах глаголов через призму лексической семантики, и рассмотрение в этой связи различных типов видовой парности и, шире, видовой соотносительности. Взаимосвязь лексической и грамматической семантики рассматривается в работе и с противоположной стороны, а именно исследуется, как таксономические категории глаголов (З. Вендлер) связаны с противопоставлением видов в русском языке и, шире, различными способами глагольного действия. Это позволяет Е.В. Падучевой построить более полную и развернутую по сравнению с вендлеровской таксономией глаголов, учитывающую специфику русского языка. Отметим нетривиальный факт: как видно из работы, деление слов на лексико-семантические группировки в значительной степени обусловлено особенностями грамматической системы того или иного языка, поэтому (а может быть, и не только поэтому) лексическая таксономия оказывается в разных языках разной.

Содержательное, компонентное описание семантики видо-временных форм позволяет

состыковать это описание с синтаксическим компонентом грамматики, а именно описать и объяснить на семантическом, содержательном уровне принципы и закономерности сочетаемости видо-временных форм с обстоятельствами времени различных типов и количественными определителями (гл. 11 и 12).

Любое описание языка неполно без учета иллокутивной составляющей, изучения тех лексических, грамматических и т.д. средств, которые используются для придания высказыванию той или иной иллокутивной силы. В книге последовательно и в разных аспектах рассматриваются связи грамматики с иллокутивным компонентом. Это, в частности, с одной стороны, изучение специфики грамматических слов, выражающих иллокутивную силу (гл. 10, "Вид и время перформативного глагола"), и с другой, противоположная задача, изучение иллокутивных возможностей грамматических форм в тесной связи с их грамматической семантикой (гл. 5, "Семантика и прагматика несовершенного вида императива"). Даже удивительно, как много семантических признаков, сторон оказалось у такой как будто незамысловатой формы, как повелительное наклонение НСВ (компоненты 'внимание на начальной фазе', 'немедленно', 'обусловленность действия ситуацией') и какие различные и противоположно окрашенные с этикетной точки зрения иллокутивные функции способна она выполнять, ср. *Вставайте!* – резкое, невежливое категорическое побуждение, приказ и *Садитесь!* – которое в норме воспринимается как вежливое предложение. Однако и здесь, как представляется, возможно пойти дальше и, используя метод самого автора, найти какое-то глубинное единство, из которого можно было бы вывести все эти различия, проявляющиеся на поверхностном уровне. По нашему мнению, связать все эти моменты воедино можно, если выводить значение НСВ императива не из общефактического значения, как это делает автор, а из актуально-длительного значения НСВ, и, далее, из такой модификации последнего, как настоящее репортажное. Актуально-длительное (репортажное) значение НСВ "притягивает" будущее императива к моменту речи и имеющей место в этот момент внеречевой ситуации и получается что-то среднее: "будущее", но немедленное, "наезжающее" на момент речи (компоненты 'немедленно' и 'начальная фаза') и поэтому прагматически связанное с актуальной ситуацией в момент речи. Мотивировка значения НСВ императива в целом

общефактическим значением НСВ не кажется убедительной еще и потому, что противопоставление актуально-длительного (репортажного) значения НСВ и общефактического значения сохраняется, хотя и в ограниченных рамках, и в императиве, ср.: *Заходите!* – немедленно, действие связано с реальной ситуацией в момент речи, например адресат и так уже собирается войти, и *Заходите!* – когда-нибудь, по крайней мере, один раз, но, может быть, и неоднократно-общефактический императив.

Все описанные выше принципы и подходы еще более ярко проявляются во II части. И в этом отношении она является естественным продолжением и расширением первой. Двухединная задача этой части – лингвистическое исследование текста, прежде всего на материале художественного текста, и на этой основе исследование собственно художественного текста как такового. Исследование текста как вершинного уровня языка и речи – это в каком-то смысле итоговая, завершающая задача для лингвистики, по необходимости требующая синтетического подхода. Обобщающее описание текста образует вершинный уровень лингвистической теории, изучающий в полном смысле конечный продукт языковой компетенции и интегрирующий данные всех других уровней и разделов лингвистики, прежде всего, разумеется, наиболее близких к вершине – лексической, грамматической и синтаксической семантики, коммуникативного синтаксиса и лингвистической прагматики. И в настоящее время, как отмечается на с. 195 (и, самое главное, как демонстрируется самой Е.В. Падучевой), такое исследование, вследствие колоссального прогресса лингвистики в последние десятилетия в отмеченных областях, стало возможным. Образец такого исследования – как раз часть II рецензируемой книги.

Как было отмечено выше, на материале художественного текста Е.В. Падучева исследует и выявляет собственно лингвистические закономерности, характерные для функционирования языка и построения текста в статическом и динамическом аспектах. Однако художественный текст и художественный язык имеют и свои особенности и свои собственные закономерности, и "это не нарушение общезыковых правил", как иногда принято считать, "но определенная их трансформация, ... , мотивированная, т.е. контекстно обусловленная" (с. 199).

Эта трансформация закономерно обусловлена прагматической трансформацией коммуникативной ситуации, в которой

функционирует текст художественного произведения, переходом в иной режим употребления и интерпретации языковых единиц – из стандартного, исходного, канонического речевого режима в режим нарративный. В работе отмечаются следующие особенности нарративного режима. Это разобченность автора текста, повествователя (аналога говорящего в нарративном режиме) и адресата, читателя, вследствие чего в этом режиме не может быть использована стандартная дейктическая система координат, играющая определяющую роль в канонической ситуации речевого общения при установлении отношений референции. Это также то, что мир художественного текста – это в ы м ы ш л е н н ы й, у с л о в - н ы й мир (даже если он похож на настоящий!), к которому не принадлежит ни автор, ни адресат (с. 201). Поскольку именно сведения о реальном мире, которые разделяют говорящий и адресат, представляют собой базу для прагматической интерпретации высказывания (а без такой интерпретации никакое предложение не становится коммуникативно релевантным высказыванием, выполняющим реально ту или иную коммуникативную роль), это также принципиальным образом преобразует всю систему дейктических и референциальных средств, используемых в первичной форме языка. Наконец, это своеобразная "редукция" адресата (отсутствие конкретного синхронного адресата) и трансформация стандартного говорящего с расщеплением его на целый ряд возможных ипостасей: автора (автора-создателя), повествователя, героя, от лица которого ведется рассказ, или с чьей позиции, с точки зрения которого описывается происходящее, субъекта описываемого "потока сознания" и т.д., с возможным изменением по ходу повествования "точки зрения", с которой оно ведется, и с различными возможными "степенями" отличия одного от другого. При этом как минимум одно расщепление имеется всегда: даже в случае наиболее простого повествования от 1 лица, в наибольшей степени подражающего рассказу об имевших место событиях в канонической ситуации речевого общения, автор повествования (как о б р а з автора, который всегда есть в художественном произведении) не совпадает с реально создающим текст лицом, поскольку собственно от себя он бы так не говорил и это бы не было тогда художественным произведением! Все это создает головоломной сложности проблеме, аналогичную той (только сложнее), которая возникает в обычном языке, в канонической ситуации общения, когда гово-

рящий передает чьи-то слова или мысли (мнения, знания и т.д.), — проблема выражений, используемых говорящим в описывающих эти чужие для говорящего слова, мысли и т.д. предложениях — в так называемых неэкстенциональных контекстах (Ч. I, глава 2, раздел 7). Мир и слова говорящего включают в этом случае мир и, может быть, слова другого субъекта¹, в связи с чем возникают разнообразные вопросы: кому принадлежит использованная говорящим номинация (т.е. цитирует ли он субъекта или подменяет его номинацию своей), приложима ли использованная говорящим номинация в мире субъекта к данному объекту, есть ли в мире говорящего референт, имеющийся в мире субъекта, кому принадлежит презумпция и импликация, содержащиеся в высказывании, и разделяет ли субъект передаваемой мысли или слов презумпции говорящего и т.д. Но в художественном тексте возможных "слоев", "миров", вложенных, как в матрешке, один в другой, гораздо больше! Простая и убедительная типология повествовательных форм создается как раз учетом и анализом различных "слоев", "миров", на которые "расщепляется" в художественном тексте канонический говорящий. Наиболее сложный и изощренный случай — свободный косвенный дискурс, где в одном тексте без каких-либо внешних разграничений сливаются элементы, принадлежащие автору, и элементы, принадлежащие персонажу. Определить и разграничить эти слои — задача трудная, но, оказывается, далеко не безнадежная, поскольку в языке есть большое количество субъективных, "эгоцентрических" элементов, несущих в себе информацию о субъекте речи, и, шире, вообще элементов, предполагающих отсылку к субъекту — дейкиса, восприятия, наблюдения, референции, субъекту сознания, мысли (мнения, знания и т.д.), оценки и т.д. Анализ употребления, функционирования в тексте этих элементов позволяет установить, кому принадлежит тот или иной "слой" в тексте, те или иные слова, а также разграничить различные повествовательные формы в соответствии с тем, кто распоряжается эгоцентрическими словами и какими именно. Однако прежде чем применять всю эту лингвистическую базу к анализу художественных текстов, Е.В. Падучевой пришлось ее создать, поскольку развернутая классификация и целостное, предпринятое с единых позиций, обобщающее описание субъективных, эгоцентрических элементов языка до работы Падучевой отсутствовали¹.

¹ Первая попытка описать круг такого рода

Такое описание и такая классификация, естественно, представляют огромный собственнo лингвистический интерес и сами по себе. Построение, в первом приближении, такой классификации и описание специфики различных типов эгоцентрических элементов языка составляет значительную часть второй части книги. Чтобы дать представление о масштабности выполненной задачи, просто перечислю основные виды эгоцентрических элементов, рассмотренные в работе: собственно дейктические слова; глаголы, содержащие в своем значении отсылку к наблюдателю процесса; слова, обозначающие состояние и содержащие отсылку к субъекту состояния (*жалко, душно, обидно, стыдно* и т.д.); слова, содержащие оценку и, следовательно, предполагающие субъекты оценки; различного рода экспрессивные элементы и синтаксические конструкции; грамматические категории времени, вида и лица; вводные слова разных типов; пресуппозиции (презумпции), входящие в семантику слова; релятивные номинации (*сестра, мать, отец, сосед* и т.п.); иллокутивные показатели; вводные предложения разных типов; показатели цитирования и т.д.

Особое внимание, в развитие главной темы части I, уделено проблеме функционирования в тексте глагольных форм с точки зрения категорий вида, времени и, новый элемент во второй части, лица — естественно, вместе с личными местоимениями. Эти глагольные категории являются основными показателями отношения между говорящим (и его трансформациями, "отщеплениями" в художественном тексте) и описываемыми, изображаемыми событиями², различные интерпретации которого и порождают "нарративный" и "речевой" режимы. Примечательный факт, отмечаемый в этой связи автором, — это гораздо большая близость к канонической, стандартной ситуации речевого общения лирики³, в сравнении с по-

элементов была предпринята Э. Бенвенистом [Бенвенист 1974].

² Категория вида в этой связи упоминается постольку, поскольку она в русском языке "срослась" с категорией времени: специфическим единством значения и функций характеризуются не просто временные, а видо-временные формы, которые и анализируются в работе.

³ Возможно, именно это является одной из причин тяготения лирики к стихотворной форме: необычная, условная форма служит компенсацией стандартности речевого режима, является своеобразным знаком для включения особого режима интерпретации (ср.: [Резвина 1998 : 29]).

вестовательной формой (нарративом). Свообразная имитация речевого режима интерпретации составляет языковую специфику лирики, в то же время нарратив – это гораздо более условная форма. Видо-временные формы, помимо этого, являются главными средствами движения сюжета (времени) в тексте и показателями отношений между составляющими его событиями и ситуациями: следования, одновременности, их связи или, напротив, несвязанности, поэтому функционирование в этом аспекте форм времени и вида также в фокусе пристального внимания автора (Часть I, главы 4, 9, 11).

Рассмотрев на материале обычных и художественных текстов проблемы лингвистической семантики и прагматики, важные для функционирования языка вообще и художественного языка в частности, Е.В. Падучева переходит собственно к лингвопоэтическому (чаще – "лингвопрозаическому") анализу и демонстрирует его возможности на материале произведений И. Бунина, В. Набокова, Р. Киреева, М. Булгакова, стихотворений Б. Пастернака, И. Бродского, А. Ахматовой и др.

Исследования Е.В. Падучевой знаменуют собой наступление принципиально нового этапа в изучении языка художественной литературы и исследования художественной литературы, художественных текстов с точки зрения их языка (это разные задачи, хотя и связанные), а именно этапа распространения лингвистических исследований на область литературоведения, теории литературы и литературной критики. «Теория литературы и литературная критика, – констатирует автор, – не могут обходиться без лингвистического анализа текста – литературоведческий анализ не полон, если ему не предшествует более "примитивный", но в то же время и более основательный (объективный) лингвистический» (с. 198). Собственно говоря, это декларировалось и раньше. Но раньше лингвистический анализ все-таки действительно был по сравнению с литературоведческим анализом примитивным. Между уровнем лингвистического анализа художественного текста и уровнем литературоведческого, критического анализа, касающегося образного и идейного содержания, позиций автора, композиции и общей структуры художественного произведения и т.д., была пропасть. Но теперь эта пропасть исчезла, и назвать лингвистический анализ того уровня, который представлен в работе Е.В. Падучевой, примитивным, действительно, можно только в кавычках. Лингвистический и литературоведческий

анализ сомкнулись, лингвистика "доросла" до литературоведения, ее знания и методы достигли такой степени, когда стало возможно непосредственно на материале исследования языковой ткани произведения получить данные о позиции автора, о том, чья точка зрения представлена в данных словах, с чьей точки зрения – повествователя, персонажа, какого именно персонажа – описывается данная картина, кто скрытый наблюдатель, кто скрытый субъект оценки, разделяет ли автор (не реальный автор как человек, а как повествователь) взгляды и мнения, выраженные в словах героя, и т.д., когда лингвистическим смыслом наполняются понятия различных повествовательных форм, полифонии, отношения повествователя к тем или иным выраженным в произведении положениям и идеям и т.д. Уже не только форма самого низшего уровня, но и содержание, даже в буквальном смысле идейное содержание, становится предметом лингвистического анализа, поскольку оно выражено в языке. И все это можно уже не только интуитивно почувствовать, но и эксплицитно показать и доказать на собственно языковых фактах. Содержательный литературоведческий анализ теперь во многих случаях становится рутинной задачей, которая «уже не требует никакой особой "литературоведческой проницательности"», но выполняется "обычным семантическим анализом" (с. 412).

Как было сказано выше, работа Е.В. Падучевой знаменует собой начало нового этапа в лингвистическом изучении художественного языка. Но, разумеется, это только начало. С той точки, которой достигла Падучева, открылось множество новых проблем и задач. В частности, это задача целостного многоаспектного лингво-литературоведческого исследования и описания конкретного художественного произведения, комплекса таких произведений, принадлежащих одному автору, особенностей литературного направления и т.д., и т.д. В данной книге все это остается на уровне примеров: задачей автора было не провести комплексный литературоведческий анализ художественного текста методами лингвистики, но продемонстрировать возможности такого анализа. Однако поскольку принципы такого анализа разработаны и образцы, примеры его применения ярко продемонстрированы, развитие, распространение его на новые области и тексты в целом, разработка лингвистической типологии художественных текстов представляется делом уже недалекого будущего. Идеи, подходы и методы, выработанные в

книге Е.В. Падучевой, чрезвычайно перспективны и могут быть применены не только к исследованию художественных текстов, но также к анализу текстов других видов и жанров, например официально-деловых текстов с их установкой на то, чтобы максимально отделаться от субъективности в языке (что полностью сделать все-таки невозможно), и научных текстов, где принципиальная субъективность в одних аспектах причудливо сочетается со столь же принципиальной объективностью в других; и, в частности, обзоров и рецензий, с той же проблемой передачи чужого слова и сознания и совмещения в одном тексте пластов, не всегда, как и в художественных произведениях, четко разграниченных, принадлежащих разным субъектам, один из которых – автор рецензии – по-своему преломляет все то, что есть в книге, субъектив-

но, произвольно и непроизвольно, фокусирует внимание на интересующих лично его моментах, может быть, не всегда верно интерпретируя и даже искажая то, что на самом деле имел в виду автор оригинальной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. 1983 – Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983.
- Бенвенист Э. 1974 – О субъективности в языке // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Ревзина О.Г. 1998 – Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: Дисс. докт. филол. наук (в форме научного доклада). М., 1998.

И.Б. Шатуновский

Редкие слова в произведениях авторов XIX века. Словарь-справочник / Отв. ред. Р.П. Рогожникова. М.: "Русские словари", 1997. 572 с.

Издательство "Русские словари" выпустило на материале текстов XIX века два любопытных словаря: рецензируемый справочник и словарь В.С. Елистратова "Язык старой Москвы" (М., 1997). Несколько ранее вышли из печати словари Р.П. Рогожниковой, Т.С. Карской "Школьный словарь устаревших слов русского языка" (М., 1996) и В.П. Сомова "Словарь редких и забытых слов" (М., 1996). И эти два словаря сделаны преимущественно на материале текстов XIX века. Определившаяся тенденция не случайна: язык XIX века, представлявший всегда известный, "современным" для нас, таит в себе много непознанного, лексический состав этой эпохи никогда не представлялся как нечто единое и отличное от лексики нашего века.

В целом же состояние русской лексикографии сегодня – это естественная реакция на жесткий нормативизм основных словарей русского языка предшествующих десятилетий, требовавший отвержения всего ненормативного, редкого, периферийного, специфического, индивидуального и т.д. Идея "языкового расширения" (по удачному выражению А. Солженицына) может реализовываться в обращении к жаргонам, к городскому просторечию и другим сферам стихии разговорной речи, что весьма интенсивно и проявляется в современной издательской

практике. Но, с другой стороны, та же идея может реализовываться в отборе лексики из книжно-письменных источников, в внимательном прочтении классических текстов русской литературы. Справочник "Редкие слова..." относится ко второму ряду лексикографических воплощений "языкового расширения".

В то же время справочник "Редкие слова..." имеет одно существенное отличие от трех других словарей, выполненных на материале текстов прошлого века. Если труды В.П. Сомова, В.С. Елистратова, Р.П. Рогожниковой и Т.С. Карской претендуют на некоторую законченность в отборе слов и окончательность в толковании, в исторической и стилистической классификации лексем, то "Редкие слова..." изначально строятся как вспомогательная словарная разработка, необходимая для осмысления изменений, происходящих в лексическом составе русского языка, в отдельных группах слов, в истории отдельных слов.

Рецензируемый справочник был заявлен еще в 1982 году в статье Р.П. Рогожниковой [Рогожникова 1982]. Между оформлением замысла и результатом – 15 лет, но существенных изменений в определении задач, или "причин" необходимости словаря, по словам ответственного редактора, не произошло. Представленный материал может

быть использован 1) для комментирования текстов русской классической литературы; 2) для пополнения словарей современного русского языка; 3) для создания дифференциального словаря языка XIX века; 4) для отграничения узального употребления от индивидуально-авторского.

Нужно сказать, что первое предназначение не может быть исполнено в полной мере, так как основной лексический материал в комментариях к классическим текстам — историзмы и архаизмы, в большей части отраженные в словарях XX века. Между тем главным критерием для отбора слов в справочнике было неотражение в словарях XX века (по данным [СССРЛ]). То, что представление историзмов и архаизмов в текстах XIX века, — особая задача, требующая других критериев отбора лексики и других способов описания ее, Р.П. Рогожникова демонстрирует в уже упомянутом словаре, составленном ею в соавторстве с Т.С. Карской. Естественно, что в нем даны такие слова, как *гусар*, *кухмистерская*, *вице-губернатор*, *витязь*, *бурса*, *вирши*, *дщерь* и т.д. Все слова подобного рода не могли, согласно главному критерию отбора, попасть в справочник "Редкие слова..."

Небезынтересны совпадения и размежевания двух словарей. Совпадающих лексем немного, например, на буквы А–Б–В можно отметить: *аггел*, *архистратиг*, *балаганство*, *басурманить*, *белоярое* (пшено), *блудно*, *бунтарь*, *вахлачок*, *воксал*, *волюшка* (лента), *воскрылие*, *впоперечь*, *высокостепенство*. Чаще всего наблюдается такое соотношение представленности лексем — исходный историзм или архаизм дан в "Школьном словаре...", а производный от него или более редкий однокорневой дан в справочнике "Редкие слова...": *бригадир* (чин в царской армии) — *бригадиров*, *бонопартист* — *бонопартистка*, *бунт* — *бунтовство*, *вассал* — *вассалка*, *вице-губернатор* — *вице-губернаторша*, *градоправитель* — *градоправительница*, *вакхический* — *вакхов*, *высокоблагородие* — *высокоблагородный*, *глашатай* — *глашать*, *галантерейный* (тонкий, светский) — *галантерейный* и т.д. Из этого следует, что справочник "Редкие слова..." дает дополнительный материал для лексикона, направленного на комментирование классических текстов, но сам выполнять эту задачу, заявленную в качестве первой, не может в силу своего устройства. Вовлечение историзмов, которых нельзя было бы понять через другие историзмы, уже представленные в словарях, соверша-

ется в единичных случаях. Например, *кремортар* (мочегонное и слабительное средство) из романа Л. Толстого "Война и мир"; слово не отражено ни в словаре В.П. Сомова, ни в "Школьном словаре..." Р.П. Рогожниковой и Т.С. Карской, ни тем более в основных словарях XX века, т.е. является во всех отношениях редкостью.

Следовательно, главное назначение справочника "Редкие слова..." быть посредником между словарями современного языка, будущим словарем XIX века и авторскими словарями. Композиционно справочник состоит из трех частей. В первой, главной, части лексемы сначала даются как в обычных толковых словарях (грамматические характеристики, толкования значений, иллюстративные примеры), затем словарная статья снабжается справочным аппаратом о количестве употреблений в текстах-источниках, об отражении в словарях и Большой картотеке словарного отдела, иногда даются предположения об этимологии слова, в тех случаях, когда составители уверены в окказиональности авторского слова, дается соответствующая характеристика ("новообразование Л. Толстого", "новообразование А.С. Пушкина"), в конце словарной статьи могут содержаться пояснения энциклопедического характера, как, например, в статьях *переславльский* и *полсаженки*.

Вторая часть — "Слова с неполным описанием". В ней отсутствуют грамматические характеристики и, как правило, толкования значений, сохраняются иллюстративные контексты и справки об употребительности и отражении в словарях и картотеке. В этот раздел включены преимущественно такие типы слов, которые традиционно не представляются в толковых словарях или представляются весьма ограниченно: адъективные сложения, слова с суффиксами субъективной оценки, сложения с основами числительных, образования с *полу-* (*пол-*), с *не-*, а также звукоподражательные междометия и фонетические варианты произношения, отраженные в орфографии слов.

Последняя часть — "Общий список слов", облегчающий для пользователя поиск лексем.

Справочник не дает окончательного решения проблемы в отграничении узального от индивидуально-авторского, не дает исчерпывающий материал для понимания истории слова, но в значительной мере способствует этому, наталкивает на решения, соответствующие языковой реальности в первом приближении. Для наглядности

рассмотрим гипотезу Л.А. Булаховского, высказанную им в своей книге "Русский литературный язык первой половины XIX века..." [Булаховский 1957]. Л.А. Булаховский писал свой труд в 30-е годы, поэтому опирался только на свою языковую компетенцию и интуицию исследователя. Говоря о выделении Ф.Е. Коршем неологизмов у А. Пушкина, Л.А. Булаховский выражает сомнение по этому поводу и уверенность в том, что если даже некоторые слова и являются неологизмами, то "естественными, стоящими на широких путях словообразования" [Булаховский 1957: 338]. Речь идет о следующих словах: *бесстыдность*, *разнота*, *приятный*, *спокойность*, *уверчивость*. Первые три попали в БАС, при этом *разнота* и *приятный* снабжены пометой *устар.*, а *бесстыдность* – без пометы, хотя одинаковая отнесенность к языку XIX века показывается отражением в словарях XVIII–XIX вв. и отсутствием иллюстративных контекстов XX в. Все три слова, естественно, не отражены в справочнике "Редкие слова...", в нем фиксируются *спокойность* и *уверчивость*. В словарной статье *спокойность* нет других контекстов, кроме пушкинского, но есть отражение в Слов. Акад. 1847 г. и Словаре Даля. Хотя и не исключено, что эти словари представили *спокойность*, опираясь только на авторитетный пушкинский контекст, все же вероятнее то, что они отражают узусные лексемы, поэтому *спокойность* следует присоединить к первым трем словам. *Уверчивость* (в значении "убедительность, свойство внушать доверие к себе") не фиксируется нигде, кроме пушкинского контекста, поэтому с большой долей вероятности можно говорить о пушкинском неологизме. В справочнике нет такой квалификации, но в данном типе словаря ее не следовало бы использовать и в тех случаях, когда составители были стопроцентно уверены в ней. Итак, Ф.Е. Корш оказался прав в характеристике одного слова из пяти, в других четырех случаях он принял за пушкинские неологизмы редкоупотребительные узусные лексемы первой половины XIX века, которые архаизировались уже к концу столетия.

Справочник "Редкие слова..." убедительно аргументирует случайность выпадения многих лексем из словарей XX века. Например, *пьянь* фиксируется в собирательном значении у Н. Некрасова: «Пил-ел, с попом беседовал, Я слышала, как шепотом Поп плакался ему: "У нас народ все голь да

пьянь"». Безусловна непрерывная традиция употребления фразеологических оборотов *голь да пьянь*, *пьянь да рвань* (*рвань и пьянь*). В справочной части словарной статьи указывается на 16 случаев употребления, отраженных в Большой картотеке (авторы XX века). Справедливости ради, нужно сказать, что *пьянь* включается в последние издания "Словаря русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, а в серии "Новое в русской лексике" отмечается новое значение слова 'пьянка'. Отсутствие указаний на словари XVIII века и первой половины XIX века, а также на контексты этой эпохи заставляет предполагать, что слово *пьянь* стало достоянием книжно-письменной речи во второй половине XIX века и имело с той поры непрерывную традицию употребления.

Безлюдство дается в справочнике по контексту из "Евгения Онегина" А.С. Пушкина, но Большая картотека фиксирует четыре употребления у разных авторов XIX–XX веков. Дано указание и на отражение в словарях: СРЯ XI–XVII вв., СРЯ XVIII в., Слов. Акад. 1847, Слов. Даля. Следовательно, *безлюдство* как синоним к *безлюдье* на протяжении длительного времени сохраняется в качестве редкоупотребляемого слова литературного языка. Справочник убедительно документирует и архаичность по отношению к языку нашего времени большой группы слов: *басурманить*, *баронша*, *безженный*, *безнадежие*, *аспидов*, *афедрон*, *безмолвствие*, *бесплемянный*, *беспорочно*, *бритоус*, *бурдастый*, *быстроокий* и т.д. Особый интерес представляют словарные статьи на окказиональные авторские лексемы, которые распадаются на две группы: у одних, одноразовость и привязанность к авторскому контексту аргументируется в справочной части, у других, (типа пушкинских слов *широкошумный*, *тяжелозвонкий*) показывается их внедрение в общелитературный узус. Во второй группе авторских слов особо важны неяркие, близкие к стандартным лексемы. Отсутствие систематизированных сведений о таких словах позволяло трактовать их различно. Так, *шафранно-желтый* определялось как образование М. Шолохова (Е.Т. Черкасова), Н. Матвеевой (М.А. Бакина), как одноразовый неологизм 80-х годов нашего века (НРЛ-84). В справочнике "Редкие слова..." *шафранно-желтый* дается по контексту "Войны и мира" Л. Толстого (но встречается у Л. Толстого и в других произведениях), отмечается в Большой картотеке у четырех

авторов нашего века. Хотя у сложения может быть предыстория, но безусловно, что употребление его инициировано Л. Толстым, и под его влиянием оно перешло в разряд редких узуальных слов. Данный тип словаря хорошо показывает воздействие классических текстов русской литературы на общелитературную речь.

Систематизированная информация об отдельных словах является достоинством справочника "Редкие слова...", хотя материалов для суждений об отдельных лексемах в известном смысле всегда недостаточно. Например, толстовский эпитет *странно-равнодушные лица* фиксируется как единичное изолированное употребление в "Войне и мире", но он, как и многие психологические эпитеты Л. Толстого, распространяется в последующем в литературной речи: *странно-равнодушный* голос, звук, *-ое* движение (Ф. Сологуб), *-ый* он (К. Чуковский), *-ый* отец, *-ая* толпа, *-ые* окружающие (Ю. Нагибин), *-ый* юноша (ЛГ-1988).

Справочник "Редкие слова..." имеет ряд недостатков и несовершенств. В первую очередь хотелось бы затронуть те, что связаны с инструментальным, посредническим назначением словаря. Сведения об употребительности лексемы в словарях и словоуказателях-источниках, а также в Большой картотеке словарного отдела не всегда приводятся в полном виде. Например, *градоначальствование* зафиксировано в источниках 7 раз, 3 из них даны в примерах из "Истории одного города" М. Салтыкова-Щедрина. Кому принадлежат остальные 4 употребления? Можно предполагать, что тому же М. Салтыкову-Щедрину, но точный ответ на этот вопрос в словарной статье не содержится. Между тем это существенно для квалификации слова: то ли оно имело распространение в речи, то ли является окказиональным авторским. Если составители полагают, что перечень авторов словоупотреблений по данным Большой картотеки чересчур длинен, то сокращают его — "и др.", но ведь речь идет о редких словах, справка о них желательна исчерпывающая.

Указания на авторов словоупотреблений в Большой картотеке оказываются недостаточно информативны, если авторы малоизвестны (Сенин, Кукушкин, Костылев, Жилин и т.д.) и если за одной фамилией может скрываться несколько писателей, живших в разное время, отличавшихся разными жанровыми пристрастиями (Алексеев, Никитин, Максимов, Леонов, Чуковский и др.): инициалы, как правило, отсутствуют. Этот недостаток может быть преодолен

разными способами, важно, чтобы пользователю словаря была ясна временная прикрасленность словоупотребления.

Информативна справка об отражении лексемы в словарях XVIII–XIX вв. и в современных исторических словарях. Но сведения об истории слов, представляемые по данным СРЯ XI–XVII вв. и СРЯ XVIII в., обрываются на тех буквах, на которых остановилось издание этих словарей. Поэтому предыстория слов плохо представлена во второй половине справочника. Например, *черноогненный* дано по контексту Н. Некрасова (*черноогненная* дева), затем приведен пример из И. Лажечникова, в другом значении и сочетании (*черноогненные* глаза), два других употребления, имеющиеся в Большой картотеке, остались анонимными (и др.). Но для истории слова существенны два употребления в поэзии Г. Державина, описанные среди прочих державинских новообразований Э.М. Петровой. Не исключено, что в XIX в. слово воспринималось именно как "державинское". Незаслуженное преимущество слов на Б перед словами на Ч в представлении исторической справки могло бы быть устранено отражением сведений из картотек этих двух незавершенных исторических словарей.

Полезно было бы показать и отражение слов в серии "Новое в русской лексике". Казалось бы, разные эпохи и разные направленности справочников должны были исключить переключки, но тем не менее они имеют место. Один и тот же критерий в отборе лексем — невключение в основные словари XX века — объединил эти справочники, что дает любопытную информацию. Предполагаемые неологизмы и редкие слова, подозреваемые в архаичности, нередко оказываются одними и теми же лексемами: *коричнево-желтый* (Н. Гоголь — НРЛ-85), *лилово-огненный* (Н. Гоголь — НРЛ-84), *темно-румяный* (А. Пушкин — НРЛ-82), *шафранно-желтый* (Л. Толстой — НРЛ-84), *взволнованно-напряженный* (Л. Толстой — НРЛ-86), *высокоученый* (В. Белинский — НРЛ-87), *желтосмузлый* (А. Пушкин — НРЛ-82), *тяжело-звонкий* (А. Пушкин — НРЛ-82) и др.

Критика в адрес справочника "Редкие слова..." была связана с ошибками в представлении слов и в толкованиях значений. *Тритор* (вместо *тритон*) из стихотворения К. Батюшкова — мифическое явление, словарный "подпоручик Киж". Толкование лексемы *эрский* из статьи К. Батюшкова "Нечто о поэте и поэзии" как "живущий на

берегах реки Эры во Франции», находится в явном противоречии со смыслом текста-источника. Все отдельные ошибки такого рода обнаруживают главную причину, порождающую их. Индивидуальные и редкие слова требуют элементов текстологического анализа и филологической интерпретации текста от составителей словарных статей, т.е. того, что необходимо при составлении объяснительных авторских словарей, — "критики текста", по выражению Г.О. Винокура. В идеале объяснительные авторские словари должны предшествовать такому справочнику, как "Редкие слова...", но достичь этого идеала при современном состоянии авторской лексикографии невозможно, в распоряжении составителей был лишь один объяснительный словарь — "Словарь языка Пушкина", все прочие источники — словоуказатели к произведениям, изданные, рукописные, машинные, и частотные словари. Избегать филологической интерпретации текстов-источников нельзя, так как это порождает разнообразные неточности в словарных статьях.

Четверостишие из известного стихотворения Ф. Тютчева "Вчера, в мечтах обвороченных..." дало три лексемы для справочника: Вот *тихоструйно*, *тиховежно*, Как ветерком занесено, *Дымно-легко*, *мглисто-лилейно*. Вдруг что-то порхнуло в окно. *Тихоструйно* — в основной части словаря, *дымно-легко* и *мглисто-лилейно* — в разделе "Слова с неполным описанием", *тиховежно* не фиксируется, так как отражено в БАС. По заголовочным формам *тихоструйно* и *дымно-легко* трактуются как наречия, а *мглисто-лилейно* — как краткая форма прилагательного *мглисто-лилейный*. Косвенной причиной такого решения может быть то, что на *мглисто-лилейный* приведен контекст с запятой после *мглисто-лилейно*, а на *тихоструйно* и *дымно-легко* — без запятой. Очевидно, существуют разные текстологические решения пунктуации стихотворения, восходящие к разным редакциям. Это можно видеть в разных изданиях Ф. Тютчева, например, в одном [Ф.И. Тютчев. Стихотворения. Письма (М., Гослитиздат, 1957, с. 126)] — с запятой, в другом [Ф.И. Тютчев. Избранное (М., Московский рабочий, 1985, с. 80)] — без запятой. Недостатком является, конечно, уже то, что один и тот же контекст для разных лексем дается в разных редакциях и словарные статьи не связаны друг с другом. Абстрактно возможное решение применительно к контексту с запятой: *мглисто-лилейно* — крат-

кая форма прилагательного и обособление к "что-то". Это хотя и несколько экзотическая, интерпретация отчасти может быть оправдана прихотливостью и своеобразием языка Ф. Тютчева. Но интенция смысла в четверостишии не оставляет сомнения в том, что при любой пунктуации это ряд наречий, примыкающих к глаголу *порхнуло*. Запятая лишь преобразует этот ряд в градацию уточнений по отношению к первому наречию *тихоструйно*.

Определение исходных словарных форм существенно не только с точки зрения лексикографической, но и потому, что образования такого типа, как *мглисто-лилейно*, являются своеобразными знаками индивидуального языка. Применительно к адъективным сложениям заголовочная форма дается неточно и в некоторых других случаях: *пустынно-чистый* вместо *пустынно-чисто* (из Ф. Тютчева), *пустынно-хорошо* вм. *пустынно-хороший* (из Н. Гоголя), *мило-степенно* вм. *мило-степенный* (из Л. Толстого).

Вызывает сомнение включение в справочник и представление звукоподражательных междометий в одном ряду с обычными лексемами. Например, есть *рррр*, которое дается по контекстам Л. Толстого и М. Салтыкова-Щедрина. В "Войне и мире" Л. Толстого — *аааа!* и *рррр!* представляют собой единый звуковой комплекс: так скандирование тысяч голосов на линии французских войск ("Vive l'empereur, vive l'empereur!") воспринимается на отдалении полусонным Николаем Ростовым. В справочнике этот звуковой комплекс разорван, и первая его часть (*аааа!*) отсутствует. Составители пошли вслед за «Частотным словарем романа Л.Н. Толстого "Война и мир"» (Тула, 1978), где *рррр* дается как особая единица, а *аааа* присоединено ко всем прочим междометным *а* (63 употребления в романе) с значениями выражений различных эмоций. Между тем изображение средствами орфографии природного звука или звукового комплекса и сигнальное использование звука для выражения эмоции — это разные и не связанные между собой явления. Орфографичное и технологичное решение частотного словаря вряд ли приемлемо для справочника "Редкие слова...". Соединение осколка звучания из "Войны и мира" с *рррр* из другого звукового комплекса (изображение "жужжания" совы у М. Салтыкова-Щедрина: *вв ... зз ... рррр*) делает еще более сомнительным такое лексикографирование природных звучаний. При этом М. Салтыков-Щедрин, человек

городской, писатель-сатирик, да еще в сатирической сказке, несколько не озбочен правдоподобием в изображении природного звучания, он не изображает, а пародийно конструирует нечто, похожее на природный звуковой комплекс.

Такие звуковые комплексы приобретают смысл как отрезки речи в определенном контексте, но не становятся лексемами. Представление в словаре фонетических явлений, отражаемых в орфографии, имеет свою значимость, но выпадает из ряда обычных лексем, требует особых способов пояснения, иллюстрирования. Кроме междометных *тр*, *ууу*, *у-хм* и т.п., особого подхода требуют и стилистические варианты произношения лексем типа *еднорал* и *енарал*, взятые из "Словаря языка Пушкина". При описании индивидуального языка оправданно выделение в особые словарные статьи таких фонетических вариантов, за которыми стоит стилистический выбор автора. Если же следовать задачам, поставленным перед справочником "Редкие слова...", то это словарь лексем: он отталкивается от словарей лексем и является поставщиком материала для словарей лексем современного языка и языка XIX в.

Метод отбора словника не позволил представить достаточно широко редкие семемы. Такая словарная разработка на материале текстов XIX в. требует особого подхода, хотя и предполагается сама собой: "Редкие слова и значения" по аналогии с серией "Новое в русской лексике", где предметом описания стали "новые слова и значения".

Нет таких словарей, в которых бы нельзя было бы обнаружить несовершенства, ошибки, непоследовательности. Справочник "Редкие слова..." — во многих отношениях труд новаторский, взявший на себя выполнение нескольких задач, каждая из которых представляет собой трудноразрешимую лексикографическую проблему. Поэтому недоцелесообразно затемнять главного — необходимости для русистики серии словарей такого типа. Хотелось бы надеяться на то, что рецензируемый труд действительно явится "первым опытом такого словаря" (с. 8). Несмотря на то что в справочнике отражены классические тексты, оказывавшие и продолжающие оказывать влияние на русскую литературную речь (А. Пушкин, М. Лермонтов, "Горе от ума" А. Грибоедова, басни И. Крылова, основные произведения Н. Гоголя, поэзия Ф. Тютчева, Н. Некрасова, "Война и мир" Л. Толстого, "История одного города" и сказки М. Салтыкова-Щед-

рина и др.), многое в литературе XIX в. требует такой же словарной разработки. И. Тургенев, Ф. Достоевский, А. Чехов пока представлены лишь одним произведением, желательны отражение и других, и не только художественных, произведений Л. Толстого; "знаковыми" авторами для литературной речи XIX в. являются В. Жуковский, А. Фет, А.К. Толстой, Ап. Григорьев. В то же время нельзя отвергать и авторов, мало читаемых ныне, но тексты которых были "на слуху" и в языковой памяти у людей прошлого века, таких, как В. Бенедиктов, С. Надсон, А. Писемский, П. Боборыкин, И. Горбунов. Огромный материк литературы XIX в. еще не имеет лингвистических описаний, а тем более — словарных разработок.

Необходимость справочников такого типа, как "Редкие слова...", в том, что они, несомненно, будут способствовать повышению культуры словарного дела в русистике и помогут представить развитие лексики русского языка во всем многообразии.

* * *

Спустя год, после многократного использования словаря, хотелось бы добавить к написанному следующее.

Редкие слова стали популярным объектом словарной коммерции. Налет легкомыслия, присущий коммерческим и зачастую любительским словарям, проник и в справочник под редакцией Р.П. Рогожниковой, и это вызвано, очевидно, совмещением двух несоединимых задач: быть словарем "для широкого круга" потребителей и быть словарем для лингвистов-русистов.

Обилие разнообразных ошибок и неточностей обусловило такую оценку справочника, как "беспользительный опус" [Пильщиков 1998: 13], из чего вытекает, что данный тип словаря не нужен вообще. Не нужен потому, что он стремится восполнить недостатки общих толковых словарей русского языка, неизменно ограниченно представляющих лексический состав русского языка. И если, например, в БАС, в новые издания, будут включены редкие слова, то такой справочник действительно окажется "беспользительным". Но заранее ясно, что без предварительных словарных разработок включение такого своеобразного лексического материала приведет к тем же многочисленным ошибкам. Следовательно, такой тип словаря необходим.

Но нельзя не согласиться с другой оценкой — "незавершенностью" [Добродомов 1998: 84] словаря-справочника. Это проявля-

ется не только в том, что необходима выверка толкований, да и самих лексем, представленных в заголовках, сверка цитат, статистических данных и т.д. Справочник не является завершённым и в выполнении своей главной задачи – дать максимально полную и точную сумму сведений о каждом редком слове. В суммирование должны включаться не только сведения словарей и картотек (хотя и эта работа не завершена), но и результаты многочисленных очерков по истории слов, по истории поэтической лексики и фразеологии.

Редкие слова в текстах XIX века требуют такого же тщательного и неспешного труда, который свойствен академическим историческим словарям, выпускаемым в настоящее время. В связи с этим необходима подготовка выверенного, исправленного и дополненного второго издания рецензируемого справочника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЙ

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17-и т. М., 1948–1965.
 Булаховский Л.А. 1957 – Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957.

Добродомов И.Г. 1998 – О словарях редких и устаревших слов // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов межвузовской научной конференции 13–15 октября 1998 г. Вологда, 1998.

ЛГ – Литературная газета.

НРЛ – Новое в русской лексике. Словарные материалы... М., 1980.

Пильщиков И.[А.] 1998 – Жантельом, бель-фан и розовая ксандрейка // Пушкин. 1998. [М.], № 3(9) 1 июня.

Рогожников Р.П. 1982 – Редкие слова в произведениях авторов XIX в. // ВЯ. 1982. № 1.

Слов. Акад. 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук: В 4-х ч., СПб., 1847.

Слов. Даля – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб., 1863–1866.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. Л., 1974.

СССРЛ – Сводный словарь современной русской лексики / Под ред. Р.П. Рогожниковой. Т. 1–2. М., 1991.

В.В. Краснянский

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев. РАН Ин-т языкознания. М.: Наука, 1997. 799 с.

Вопросы древней лексики тюркских языков имеют большое значение не только для истории этих языков, но и для дальнейшей разработки общеизвестной гипотезы о генетическом родстве тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских (а вероятно также и некоторых других) языков. Насущная потребность в углублении исследований самого древнего лексического состава тюркских языков осознана как неотложная задача также в России, где в последние годы снова расцветает историческая компаративистика. В этой связи с большим интересом и удовлетворением воспринимаем выход из печати четвертого тома "Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков", носящего подзаголовок "Лексика" (1997). Предыдущие тома этого внушительного труда это: Фонетика (1984), Синтаксис (1986) и Морфология (1988).

"Лексика" представляет собой простран- ный, насчитывающий 800 страниц том, напи-

санный авторским коллективом тюркологов, в состав которого вошли: Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев и Э.Р. Тенишев. Ответственным редактором труда является чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев. Редактор тома – Е.А. Поцелуевский. Большинство упомянутых авторов выступает одновременно и в роли "Редакционной коллегии". Рецензентами тома были Э.А. Грунина и Д.М. Насилов.

Как и предыдущие тома, "Лексика" осуществлена в основном силами тюркологов Сектора тюркских языков (ныне Отдел урало-алтайских языков) Института языкознания РАН. Этот факт заслуживает особого внимания, так как в вышеупомянутом Отделе одновременно продолжается работа по изданию "Этимологического словаря тюркских языков" под редакцией Э.В. Севортяна (1901–1978) и Л.С. Левитской (5 томов: М., 1974, 1978, 1980, 1989, 1997).

Таким образом авторы "Лексика" (в числе них — те же самые, что и в ЭСТЯ) имели доступ к богатой картотеке ЭСТЯ и к самой новейшей обработке материала.

Авторы использовали почти все напечатанные ранее работы по лексике тюркских и других алтайских языков (список источников и литературы занимает более 50 страниц). Вспомним здесь, что уже раньше появились важные работы, как, например: "Историческое развитие лексики тюркских языков" (М., 1961), "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков IV: — Лексика" (М., 1962), Г. Айдаров. "Лексика языка енисейско-орхонских и таласских памятников древнетюркской письменности" (автореф. канд. дисс. Баку, 1974). Однако же базой для этимологических рассуждений, разумеется, кроме упомянутого ЭСТЯ, стали также более ранние исторические и этимологические словари: "Древнетюркский словарь" (Л., 1969); M. Räsänen. "Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen" (Helsinki, 1969—1971); Sir Gerard Clauson. "An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish" (Oxford, 1972); В.Г. Егоров. "Этимологический словарь чувашского языка" (Чебоксары, 1964); "Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков" (Л., 1975—1977) и др. Особое значение как источники богатого материала и лингвистической его интерпретации имели работы: [Ramstedt 1935; Doerfer 1963—1975].

Рецензируемая книга состоит из следующих частей: "Предисловия" и "Введения" (с. 3—12), основной части, озаглавленной "Лексико-семантический тезаурус" и представляющей собой словарные статьи этимологического характера (они принадлежат разным авторам, с. 13—723), "Заключения" (с. 724—734), списков литературы и указателей (но без алфавитного индекса!) (с. 735—791).

Главной задачей, поставленной перед авторами обсуждаемой книги, было восстановление лексического состава пратюркского языка. Осуществление этой смелой задачи со столь большим размахом предпринято в мировой науке впервые. Сам этот факт означает действительный прогресс в исследовании вопроса, точнее: комплекса вопросов из области исторической фонетики и семантики многих языков; стимулирующая роль такого исследования очевидна.

Детальный анализ богатого материала и взвешенная оценка усилий и достижений отдельных авторов — невыполнимая задача в рамках обычной рецензии, и мы должны ограничиться заметками дополнительного или критического характера. К тому же,

почти каждая статья содержит полемические нотки относительно предложений, сделанных предшественниками, исправление их настоящих или мнимых ошибок. Деловое обсуждение многих таких вопросов (а некоторые из них к тому же вне компетентности рецензента) привело бы к непомерному разрастанию рецензии.

Произведенная авторами реконструкция пратюркской лексики охватывает около тысячи слов, каждому из которых посвящена отдельная статья. Число это явно условно, и читателю хотелось бы лучше знать принципы, по которым был составлен список реконструируемых слов. Разумеется, авторы поставили перед собой задачу восстановить возможно более полно словарный фонд пратюркского языка (по какой-то причине исключены, например, термины, касающиеся половой жизни человека). Число слов должно свидетельствовать о довольно высоком уровне развития пратюркского языка. Здесь возникает, однако же, вопрос: идет ли речь о так называемом "основном словарном фонде" (что кажется маловероятным) или же о той его части, которую некоторые лингвисты (например, Л.А. Булаховский) определяли термином "ядро основного словарного фонда". О том, как нелегко в этой области найти разумное решение, может свидетельствовать группа слов, означающих подарки. Получилось так, что одна часть этих терминов (*helek, *endü) нашла свое место в "Лексике", но другая (*sep, *ačig, *siu) туда не попала (см. [Дыбо 1996]).

Подбор источников, порядок следования цитированных слов и их толкование с разных точек зрения — это обычная область индивидуальных авторских решений. В "Лексике", несмотря на принятые для всей книги редакционные схемы, также можно наблюдать некоторые различия между статьями отдельных авторов. Различия эти зависят, разумеется, также от характера анализируемого материала (ср. в этом отношении главы "Звуковая структура поэтических текстов" и "Антропонимия"); об «авторской "чересполосице"» читаем в "Предисловии" (с. 4), где, однако, выражение это выявляет только тот факт, что один раздел рецензируемой книги мог быть написан не одним автором, а двумя или несколькими.

Авторы довольно редко выходят за пределы тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Обращения к корейскому, японскому и уральским языкам ограничиваются теми случаями, когда бросается в глаза сходство фонологических и семанти-

ческих явлений. Возражения некоторых исследователей могут возбудить примеры, связанные с все еще мало признаваемой теорией Х. Педерсена и В.М. Иллича-Свитыча (примеч. 1 к с. 88, 90–92 и др.).

Требование "антиалтаистов", сводящееся к тому, что прежде чем говорить о "генеетическом родстве", следует исключить многие случаи внешних заимствований, отражено также в обработке материала авторами "Лексикки". Удобным, нейтральным оборотом, к которому они часто прибегают, является: "слово имеет параллели" в таких-то языках. Кстати, желательным было бы четче выразить то важное обстоятельство, что в случае параллелизма с корейским речь должна идти только о некоторых из его говоров, а в случае параллелизма с японским — только об одном его слое (П.Б. Гольдэн).

Из приводимых в "Лексике" примеров видно, что многие авторы расширили круг тюркского сравнительного материала за счет халаджского и армяно-кыпчакского. Что касается последнего языка, то для авторов, вероятно, оказались недоступными новейшие издания текстов (ср. библиографию Я. Дашкевича в РО 1979 и позднейшие издания). Добавим, что такие слова, как: *balix, butax/butaγ, çax, iuz, xulax, orman, siçyan, i'engri, tuman* и многие другие, хотя и не приведенные авторами "Лексикки", все же существуют в армяно-кыпчакском. Кстати заметим, что чрезмерно индивидуальный подбор примеров может привести к "натяжкам" в материале и некорректным реконструкциям.

В книге почти ничего не говорится о методике исследовательской работы, с помощью которой реконструируется пратюркская форма. А ведь это дело главного порядка, решающее для оценки всего труда в целом. В свое время Г. Дёрфер [Doerfer 1975, IV: 321 и сл.] поместил длинный список условий, которые следует выполнять для доказательств родства не только алтайских, но и всех других языков. Полезность этих принципов видна из разработки таких слов, как **taγa, *bad* и др.

В ряде случаев в словах, происхождение которых трактуется как "существительное от глагольного корня" и наоборот, можно усматривать нечто вроде скрещения морфологического и семантического критериев. При рассмотрении происхождения таких слов, как **tul(uγ)* 'залог, заклад' < *tut-* 'хранить, беречь' или *jalyñ* 'пламя' < *jal-* 'воспламениться', направление деривации не вызывает сомнения; но в случае *göz* 'глаз' < *gör-*

'видеть', как представляется, толкование не согласуется с логикой и теорией развития человеческой речи. Кстати, можно добавить, что нормально существует граница, за которой не вполне языковедческими и бесплодными оказываются опыты этимологизирования некоторых коротких слов. Речь идет о таких фонеморфемах, как: *o, am, ämi, om* и др.: они представляют собой первичные элементы человеческой речи и находятся за пределами интересов языкознания.

Выше уже отмечалось, что первый опыт реконструкции пратюркского языка на лексическом уровне, выполненный авторами "Лексикки", имеет большое значение также для дальнейшей оценки алтайской гипотезы. Как известно, борьба разных мнений в этой области продолжается, и конца ее не видно. По словам Л. Базэна: "Ces erreurs de méthode, relevées à bon droit par des philologues, éminents, ont entraîné, dans les dernières décennies, un scepticisme croissant envers l'hypothèse turco-mongole, qui, auparavant, était presque un article de foi pour la grande majorité des spécialistes" [Bazin 1983: 34].

С методологической точки зрения очень полезным кажется указание тем же автором проблемы "порочного круга": «Considérons, par exemple, turc *ab, aw* et mongol *aba, awa, aw* "chasse" [...] Tous les comparatistes sont d'accord pour reconstruire, dans les deux groupes linguistiques, un prototype **aba*, qui serait donc à la fois proto-turc et proto-mongol. Mais, selon leur attitude envers l'hypothèse de parenté génétique, les uns poseront **aba* comme "turco-mongol commun", les autres comme proto-turc emprunté par le proto-mongol, sans qu'il y ait de raisons péremptoires de les départager: un "turco-mongol" **aba* aurait bien dû aboutir à turc *ab*, mongol *aba* (le turc ayant perdu les voyelles finales brèves, que le mongol conserve dans son stade ancien et classique); mais, d'un autre côté, le prototurc de *ab* doit bien être **aba*, et le proto-mongol pouvait parfaitement emprunter ce terme technique, comme le mongol en a, depuis, emprunté bien d'autres au turc. Même dans le cas de la correspondance phonétique plus complexe [...] entre turc *tüz* et mongol *dabusun* "sel", le prototype **tabusun* peut être, à volonté, interprété comme "turco-mongol commun" ou comme proto-turc emprunté par le proto-mongol à une date antique. Aucun argument de nature phonétique ne permet, ici, de départager les tenants des deux théories, du moins en l'état actuel de nos connaissances. Un doute méthodique doit être à tout le moins observé» [Bazin 1983: 37–38]. Кажется, что эта оговорка может оказаться полезной как для читателей "Лексикки", так и для ее авторов.

Последний раздел "Тезауруса" посвящен антропонимии (с. 619–723). Он подчинен общей концепции реконструкции праформ, но по понятным причинам отличается от остальных частей книги ("попытка системной реконструкции пратюркской антропонимии" – с. 619 и сл.) и имеет (на с. 778–784) отдельные списки литературы и сокращений (что не очень удобно для читателя). Автор излагает материал "по частям речи, задействованным при образовании пратюркской антропонимической системы [...]". Внутри каждой части речи вычленяются группы (или подгруппы) по тематическому содержанию (или по тематическому признаку" (с. 619). Автор внимательно обсуждает документацию, распространение антропонимов по языкам и метафоризацию значения слов в антропонимической системе. Что касается предлагаемых архетипов, то они в большинстве не отличаются от узоров, указанных в других разделах. Очень полезной оказывается глава "Семантическая структура древнетюркских сложносоставных личных имен", а также имеющийся там список слов-компонентов (в русском переводе), сгруппированных по семантическим рубрикам (с. 702–723).

"Заключение" охватывает две главы: "Мир поздних пратюрков (Wörter und Sachen)" (лексика из таких семантических областей, как: "Небесные тела и небесная сфера", "Метеорологические явления", "Ландшафт и водная среда" и т.д. Список этот не может заменить алфавитного индекса!) и "О прародине, древнейших миграциях и контактах пратюрков". В последней важной главе, суммирующей результаты

исследования, говорится об этносе-носителе языка пратюрков и регионах, в которых они жили, а также о ранней стадии развития тюрков. Глава эта, в которой читатель имеет надежду найти детальную картину пратюркской культуры в свете восстановленных элементов пратюркского, оставляет чувство неудовлетворенности. В самом деле, авторы заявляют, что "все сделанные здесь привязки носят, конечно, предварительный характер" и что соответствующую разработку они надеются представить читателю в следующем томе "Сравнительно-исторической грамматики", озаглавленном "Групповые реконструкции" (с. 734). Ожидаем.

"Лексика" имеет полный шанс стать настольной книгой всех "алтаистов" и "антиалтаистов". Ценности этого тома не могут уменьшить даже десятки опечаток в словах западноевропейского происхождения (особенно на с. 760–778).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дыбо А.В.* 1996 – Названия подарков в пра-алтайском // 90 лет Н.А. Баскакову. М., 1996.
Bazin L. 1983 – Réflexions sur le "problème turco-mongol" // Turcica. Revue d'études turques. T. XV. 1983.
Doerfer G. 1963–1975 – Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.
Ramstedt G.J. 1935 – Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Э. Трыярский

А.И. Коваль, Б.А. Нялибули. Глагол фула в типологическом освещении. М.: Русские словари, 1997, 253 с.

Рецензируемая монография посвящена языку, уже имеющему определенную традицию изучения. Однако, пожалуй, впервые глагольная система языка фула специально рассматривается в типологическом ракурсе. Пафос рассмотрения можно передать в виде двух вопросов: чем полезна современная типология для теоретической систематизации фульского материала и чем этот материал способен обогатить типологическую теорию? Указанный подход делает книгу интересной не только для африканиста.

Книга состоит из 4-х частей, первая из которых – "Вводная". В ней определяются

цели исследования и даются общие сведения о грамматическом строе языка фула, без которых читателю, не являющемуся фулянистом, было бы гораздо сложнее ориентироваться в последующем изложении. Часть I основного корпуса книги носит название "Синтактико-коммуникативный режим и система спряжения глагола". Часть II – "Трехчленная категория залога в синтаксических процессах". Часть III – "Актантно-значимая деривация глаголов". Закрывают книгу "Типологическое резюме" и "Приложение", о котором будет сказано ниже.

В отличие от таких западноафриканских

языков, как языки семей манде, ква, гур и др., по преимуществу изолирующих, фула (фульфульде, здесь диалект масина), принадлежащий к западно-атлантическому семейству, отличается сложной глагольной морфологией. Именно глагольной морфологии уделяют особое внимание практически все авторы описаний фула, но "невозможно назвать хотя бы две работы с одинаковым набором грамматических форм и идентичной терминологией" (с. 15).

Вполне возможно, столь широкий разброс мнений объясняется тем, что в языке фула реализуется вариант системы, до сих пор не предусмотренный общей теорией. Точнее было бы сказать, что этот вариант, отчасти имплицитно, присутствует в существующих типологических схемах, но пока не был обнаружен в описаниях конкретных языков.

Прежде чем перейти к изложению содержания Части I монографии, которая и посвящена главным образом кардинальной типологической специфике языка фула, полезно обратиться к известной работе У. Чейфа [Чейф 1982], тем более, что ее многократно упоминают и авторы рецензируемой книги. В этой работе Чейф пытается разграничить, концептуально и терминологически, разные способы языковой "упаковки" ситуации, выражающиеся в придании именным составляющим того или иного статуса, или роли. Отвлекаясь от понятий подлежащего и точки зрения (эмпатии), не представляющих здесь особого интереса, из рассуждений Чейфа можно сделать типологические выводы, согласно которым в разных языках наблюдается формализация, грамматикализация а) семантических ролей (Агенс, Пациенс и т.д.), б) коммуникативных ролей (Тема, Рема), в) референтных ролей (Данное, Новое), г) "фигурных" ролей (Фокус Контраста как фигура, противопоставленная фону). Возможны и гибридные системы, в которых одновременно существуют формальные способы маркирования ролей разных типов.

Чего не говорит Чейф, но что известно из других работ, — это участие глагола в указании на статус именной составляющей, в интерпретации актантов в терминах той или иной системы ролей. Один из наиболее исследованных в этом отношении феноменов — это, конечно, активно-пассивные и, шире, залоговые соответствия. По классическому определению Холодовича, которому следуют Коваль и Нялибули, залог есть маркированная в глаголе диатеза. Другими словами, именно форма глагола указывает на то, какова интерпретация соответ-

ствующих актантов (именных составляющих) в терминах семантических ролей (точнее, гиперролей, см. [Касевич 1992]).

Не менее — если не более — известный, хотя рассматриваемый чаще всего отдельно семантико-синтаксический феномен представлен знаменитым делением языков (синтаксических конструкций) на номинативно-аккузативные и эргативные. Здесь уже не форма, а класс глагола — переходный, непереходный — определяет семантическую роль (гиперроль) актантов¹.

Наконец, выделяется так называемый филиппинский тип, когда собственная характеристика именных составляющих, их помеченность специальными служебными словами указывает на коммуникативную роль, а форма глагола — на семантическую роль актанта, отвечающего Теме [Mallinson, Blake 1981; Касевич 1992].

В Части I монографии мы находим по существу открытие еще одного типа взаимодействия глагола и именных составляющих: согласно данным Коваль и Нялибули, форма глагола в фула указывает на Фокус Контраста, отвечающий первому актанту, первым актантам или ядерной (глагольной) синтаксеме, ср. *Miin wujji-i nagge* '[Это] я (а не кто-либо другой) украл корову'; *Nagge ngujji-u-mi* 'Я украл [именно] корову'; *Mi wujji-i nagge nge* 'Я [именно] украл (а не купил и т.п.) корову' (с. 27).

Соответственно в фула выделяются две глагольные парадигмы, нейтральная и контрастная, со своим набором форм каждая. Если существует "филиппинский" тип языков, то отныне следует признать и реальность "фульского" типа, представленного, возможно, также в волоф и хауса (с. 53)².

Повторим еще раз, что перед нами — открытие, заполняющее "пустую клетку", в принципе предусмотренную существующими теориями, предметную область которых можно кратко очертить следующими вопросами: Роль какого типа приписывается в

¹ Разумеется, на семантическую роль актантов обычно указывают и именные (приименные) показатели, но, поскольку их выбор диктуется классом глагола, этот последний выступает определяющим фактором; при несколько ином ракурсе рассмотрения можно говорить о взаимной предсказуемости типов актантов и глагольного класса (подкласса).

² С точки зрения терминологии этот ряд, конечно, не слишком удачен (ведь не говорим мы, например, о трансфиксах как о "семитских" аффиксах, хотя они встречаются только в семитских языках), но терминологический аспект проблемы можно оставить в стороне.

языке именным составляющим? Участвует ли глагол в приписывании соответствующих ролей? Если да, то выражается это выбором формы или класса глагола (включая словообразовательные, деривационные классы, ср. ниже)?

Мы не будем рассматривать видовые парадигмы, также исследуемые в Части I. Анализ фульского вида, предпринятый авторами, представляет безусловный интерес, но его типологические импликации менее выражены. Заметим лишь, что некоторые сомнения вызывает трактовка потенциалиса как вида: и термин, и сам материал плохо согласуются с традиционно понимаемой аспектуальной семантикой. Возможно, здесь имеет место некое сложное переплетение полей аспектуальности, темпоральности и модальности, но категории времени и модальности остаются за кадром рассмотрения, предпринятого в монографии.

В Части II мы находим достаточно подробный и тщательный анализ залоговых парадигм. Соответствующие глагольные формы образуют активные, медиальные и пассивные конструкции. Авторы предварительно кратко формулируют свои представления о принципах анализа конструкций: на семантическом уровне предлагается выделять предикат и его аргументы, на синтаксическом – глагол и его актанты (с. 62–64). Можно заметить, что в семантике здесь выдвигается важное понятие пропозиции, а синтаксис описывается в смешанных терминах: "глагол", частеречная категория, с одной стороны, и "актант", формально-синтаксическая категория – с другой. К тому же систематически употребляется составной термин "глагольный предикат", что также не способствует терминологической определенности. Среди актантов выделяется "главный" (подлежащее, или субъект) и второстепенные (дополнения, или объекты – еще пример терминологической нестрогости: за понятиями субъекта и объекта желательно закрепить семантическую трактовку). Здесь, надо сказать, никак не учитывается сложность проблемы первого аргумента, первого актанта, которые в разных теориях интерпретируются как внешние по отношению к базовой структуре (см. об этом, например [Sells 1985]).

Вызывает сомнения тезис о сосуществовании в пределах одной синтаксической конструкции двух прямых дополнений (с. 76–77), что едва ли возможно просто по определению. Ссылка на местоименные формы (*O hollii ma mo* 'Он показал тебе его', где, как утверждается, присутствуют две

"прямо-объектные формы местоимений") не убеждает, ср. англ. *I have shown him her* – стилистически ущербная, но возможная конструкция, где все же нет двух прямых дополнений.

Чрезвычайно ценным представляется описание функционирования разных залоговых конструкций в зависимости от подкласса глагола, а также от референциального статуса имен и именных групп, замещающих валентности глагола; этот аспект чаще всего недостаточно отражен даже в языках, обладающих несравненно более длительной традицией анализа и описания.

Остановимся чуть подробнее на медиальных и пассивных конструкциях. "К анализу всех медиальных конструкций, – пишут авторы, – мы предлагаем (так в тексте. – В.К.) общий подход, а именно: мы исходим из утверждения, что в основе любого из медиальных преобразований лежит переинтерпретация *роли агенса* исходной активной конструкции" (с. 115). Этот подход иллюстрируется "хрестоматийным примером", где имеем "рефлексивный медиал с агенсом, кореферентным пациенсу": *Inna lootii biyut* 'Мать помыла (так в тексте. – В.К.) своего ребенка' – *Biyiiko lootike* 'Ее ребенок помылся' (с. 116). При этом признается, что «собственно синонимичной данной медиальной конструкции будет следующая активная:

Biyiiko lootii hoore mum 'Ее ребенок помыл сам себя'. Если это так, то реинтерпретации агенса явно нет (мать вообще не участвовала в ситуации) – налицо замена агенса.

О других случаях, наподобие *Fuyre ndee benndi, nde fuyitii* 'Фурункул созрел, он вскрылся (лопнул)', говорится, что здесь «агенса фактически отсутствует (можно считать его устраненным из семантического представления), однако пациент наделен такими свойствами, которые позволяют ему "обходиться собственными ресурсами" для совершения данного действия» (с. 120). В связи с этим следует заметить, что сама идея об "устранении агенса из семантического представления" едва ли может быть поддержана: если лексикографическое толкование данного глагола с необходимостью предполагает семантическую роль агенса, то он не может быть устранен из семантического представления – хотя, конечно, может быть наложен запрет на его синтаксическое выражение, возможна референтная неопределенность агенса и т.п. С нашей точки зрения,

применительно к последнему примеру действительно не приходится говорить о вхождении роли агенса в семантическое представление высказывания – но равным образом и о вхождении пациенса: первому (единственному) актанту здесь семантически отвечает роль а б с о л ю т и в а [Касевич 1992]. Именно эта роль и ассоциируется прежде с неконтролируемыми и/или неориентированными состояниями и процессами, которые в типичном случае передает медий, разумеется, в тех языках, где имеется соответствующая форма или семантически близкие ей дериваты, ср. 'Х плюется' в отличие от 'Х плюет на Y' и т.п.

Очень интересно описание разных видов медия (медий эталонного результата, медий состояния и др., с. 116–126).

Медию в фула противопоставлен пассив, и различие между ними формулируется в книге абсолютно четко. Сравнивая высказывания *Rendere ndee eesike* 'Арбуз "расчленился" полностью' (медий) и *Rendere ndee eesaama* 'Арбуз разделили-на-части' (пассив), авторы пишут, что «в пассиве... где агенс тоже формально не обозначен, конструкция, тем не менее, ясно выражает, что действие по "расчленению" арбуза было совершено каким-то внешним агенсом, но он никак не определен» (с. 128–129). Следует добавить, что, по данным авторов, в фула вообще отсутствует "длинный пассив" – еще одна нетривиальная (хотя и не уникальная) типологическая особенность. В то же время отмечается чрезвычайно широкая сочетаемость показателей пассива с глаголами самых разных классов, в том числе переходных и, в частности, глаголов ненаправленного движения, ср. *Doo dogaa, an-nii maande* 'Именно тут бежали ("бежано"), вот следы' (с. 131). Подробно анализируется иерархия доступности для разных актантов с точки зрения возможности их продвижения в позицию первого актанта при пассивизации.

Как уже отмечалось выше, Часть III книги посвящена явлению, которое авторы назвали "актантно-значимой деривацией глаголов". Если не считать того, что отграничение деривации от формообразования осуществляется за счет своего рода остенсивного определения (дается указание на позицию соответствующих суффиксов), следует полностью согласиться с логикой изложения: после обсуждения форм глагола, меняющих актантную рамку, предпринимается анализ дериватов, производящих тот же синтаксический эффект.

Язык фула замечателен, среди прочего,

разветвленной системой глагольной деривации. Авторы выделяют 10 типов дериватов: адресатив, каузатив, десирконстатив, социатив, реципрок, рефлексив, итератив-интенсив-реверсив, терминатив, дистантив и симулятив. Первые 6 из них и выступают "актантно-значимыми".

Возможно, особенно интересен здесь десирконстатив (показатель – суффикс *-r-*). Как пишут авторы, "общей функцией суффикса *-r-* является маркировка ввода в актантную рамку тех элементов предложения, которые обычно в традиционной грамматике признаются обстоятельством...". (с. 156). Ср. *O jannгии nduu talkuru* 'Он прочел этот документ' (с. 106) и *O jannгии dewtere ndee timmoode* 'Он прочел книгу до конца' (с. 157). Стоит добавить, что к приведенной выше формулировке относительно "элементов предложения, которые обычно в традиционной грамматике признаются обстоятельством" напрашивается продолжение: "но которые в рассматриваемых конструкциях выступают актантами". Ведь употребление суффикса *-r-*, как можно понять, делает эти элементы обязательными в неэллиптических высказываниях и, следовательно, актантами ядерных синтаксисом – производных глаголов.

Эта чувствительность глагола к структуре конструкции весьма любопытна по крайней мере с двух точек зрения. Во-первых, интересно соотношение с залогом: если залог есть маркированная в глаголе диатеза при сохранении или сужении актантной рамки, то "актантно-значимая деривация" есть маркированное в глаголе расширение актантной рамки без сдвига в диатезе. Во-вторых, наглядно видна типологическая специфика такого флективного языка, как фула на фоне изолирующих языков Западной Африки, где широко распространены сериальные конструкции и для расширения актантной рамки добавляется полнозначный глагол, ср. тви *O de afoa ce bohām* 'Он вложил меч в ножны', букв. 'Он взял меч [и] вложил [его в] ножны'.

Завершает основной корпус монографии "Типологическое резюме", где в целом удачно подытоживаются типологически значимые результаты исследования.

В качестве "Приложения" фигурируют "Материалы к валентностному словарю глаголов". Здесь сделан очень важный шаг к построению словаря, который давал бы максимум информации, необходимой для конструирования грамматически адекватных высказываний с использованием соответствующих глаголов. Не секрет, что имею-

щиеся словари и грамматики очень часто не отвечают этой задаче, хотя без ее выполнения говорить об адекватном моделировании языковой системы не приходится.

Разумеется, автор рецензии, не будучи специалистом в фуланистике, не в состоянии оценить достоинства (и недостатки) монографии "изнутри". Но Коваль и Нялибули, надо думать, сознательно отделили в названии книги ее общетеоретическую направленность. Соответственно по поводу двух вопросов, сформулированных в начале рецензии, можно сказать, что авторы умело использовали положения современной типологии для анализа языка фула и существенно обогатили типологию закономерностями, установленными на материале этого языка.

- Касевич В.Б. 1992 – Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Под ред. А.В. Бондарко и др. СПб., 1992.
- Чейф У. 1982 – Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике / Сост. и общ. ред. А.Е. Кибрика. М., 1982.
- Mallinson G., Blake B. 1981 – Language typology: Cross-linguistic studies in syntax. Amsterdam, 1981.
- Sells P. 1985 – Lectures on contemporary syntactic theories: Introduction to government-binding theory, generalized phrase structure grammar, and lexical-functional grammar. Stanford, 1985.

В.Б. Касевич

W. Boryś, H. Popowska-Taborska. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. Т. II. D – J. Slawistyczny ośrodek wydawniczy, Warszawa, 1997. 361 s.

В рецензии на первый том данного словаря [Варбот 1997] уже отмечалось, что этот труд достойно продолжает серию славянских этимологических словарей, являющуюся убедительным свидетельством расцвета славянской этимологии во второй половине XX века. Но особое значение рецензируемого словаря (SEK) определяется тем, что это первый славянский диалектный этимологический словарь, который знаменует собою новый этап в истории славянской этимологической лексикографии.

Включение диалектной лексики в этимологический словарь литературного языка как материала, необходимого для этимологизации его словника, и в этимологический словарь общенародного языка в качестве самостоятельных словарных позиций, необходимых для полноты его историко-культурного представления, является давним и общепринятым методом использования диалектизмов в этимологической лексикографии. Примечательно, однако, что даже известный теоретик этимологии Я. Малькель, анализируя принципы организации этимологических словарей и их типологию, усмотрел в качестве основания для создания этимологического словаря преимущественно на базе диалектных (устных) материалов лишь две языковые ситуации: ограниченность грамотности и использование в письменной коммуникации другого языка или диалекта [Malkiel 1976: 75]. В этом

теоретическом контексте особенно рельефно обнаруживаются успехи славянской этимологической и диалектной лексикологии и лексикографии, которые подготовили фундамент для создания диалектного этимологического словаря как особого вида этимологической лексикографии, и заслуги авторов SEK – В. Борыся и Г. Поповской-Таборской, впервые сформулировавших и успешно решающих задачи словаря этого типа.

SEK – дифференциальный словарь, объектом анализа в котором является лексика, отличающая кашубский диалект (точнее, поморские, словинские и собственно кашубские говоры) от литературного польского языка. Соответственно этимологизация этого массива кашубской лексики не только дает ценные сведения относительно генезиса и истории лексического фонда польского и праславянского языков (для реконструкции и этимологизации которых кашубский материал и ранее широко привлекался), но и выявляет генетические характеристики лексики собственно данного диалекта, ее отличие от лексики общенародного языка, специфику ее связей в славянском континууме. Очевидно, такая постановка вопроса актуальна для этимологической лексикографии многих славянских языков, имеющих хорошо разработанный диалектный лексический материал.

Как и в I томе SEK, составление статей во II томе распределено между авторами: авторство статей на начальные *d, ʒ, ʒ, e, é, ě, h* принадлежит Г. Поповской-Таборской, на *f, g, x, j* — В. Борысу (приблизительно в равных по листажу объемах). Качество начальных звуков лексем, входящих в словник этого тома, определяет, вероятно, в значительной степени решительное преобладание среди них германизмов (особенно на *d, f, h*). Поскольку, однако, доля их была велика и в I томе, следует признать, что специфические заимствования из немецкого языка (особенно из ниже- и средненемецкого диалектов) составляют существенную особенность кашубского в сравнении с литературным польским¹. При этом широко представлены заимствования, относящиеся к сфере морского рыболовства, его условий (орудий, объектов лова, погоды и т.п.), например: *devel* 'вид рыбы, Stromkarpfen', *glapa* 'родлеца', *grėt'is* 'мелкий лед в море', *gronovc* 'род рыбацкой сети', *gróv* 'блесна', *ħafel* 'развилка у весла', *ħafła* 'устье реки', *jejinga* 'прилив и отлив на море'. Однако весьма много заимствований и в других лексико-семантических группах, не связанных непосредственно с обитанием в Поморье и рыбным промыслом, например: *ħinga* 'занавеска на двери', *ħevelta* 'деталь кросен', *ħupa* 'куча', *ħuva* 'старый чепец', *ħlabester* 'толстяк', *ħebłotac* 'болтать'.

При заимствовании нередко происходят семантические изменения, например: *ħejster* 'дятел' < нем. диал. *ħaster, ħeister* 'сорока'; *dera* 'сухотка, чахотка, астма' < нем. диал. *dóhr* 'сухой'; *dėblėc* 'скупиться' < выделять, давать' < нем. диал. *dubbelt, dąpno* 'грустно' < нем. *dämpfen* 'притушить, затемнить'; *gilda* 'беспорядок в хозяйстве, бедность, нужда' < 'цех' < нем. *Gilde*; *gelón* вульг. 'нос' (!) < нем. диал. *Geliün* 'нос корабля'. Очень интересный случай изменения значения при заимствовании немецкого слова под влиянием семантики исконных лексем представляет *filaks* 'грязь на дорогах, особенно торфянистых; жидкое масло': в качестве источника заимствования предполагается нем. *Phylax* 'сторож' > 'кличка собаки', которое в кашубский было усвоено как

апеллятив со значением 'собака', а свидетельствованные значения приобрело вследствие негативных коннотаций обозначений этого животного, что обнаруживается, например, в *pes* 'ненастье, метель, слякоть', *psė* 'тучи, предвещающие дождь'.

Структурное освоение заимствований часто сопровождается в глаголах суффиксацией — суф. *-ovac* (см. *-flišovac, -fudrovac* и под.); см. также оформление типа *drėmni* 'сильный, крепкий' < нем. *drumm* — с суф. *-ni* и *drėvuš* 'упрямец' < нем. диал. *dräven* 'крутить', обнаруживающее актуальные кашубские модели. Интересный случай усечения заимствования (понятого, возможно, как сложение) представляет *felka* 'картофель' < нем. *Kartoffel*.

При весомости заимствований естественно внимание к проблеме непосредственного источника каждого заимствованного слова и его вариантов: ср. *ħalva* 'поллитровая бутылка водки' < н.-нем. *halve*, но *ħalba* < в.-нем. *halbe*. Для подобных вариантов, являющихся параллельными заимствованиями генетически тождественных слов из разных немецких диалектов, предпочтительной представляется если не разработка каждого варианта в самостоятельной статье, то хотя бы представление отсылкой в словнике (ср. помещение в статью *fátka* вариантов *fasa, faska*, хотя в SEK встречается и разработка фонетических вариантов в отдельных статьях, см. *grązlák* и *krąslák*).

Используя в толковании генезиса заимствований версии предшествующих исследователей (особенно Ф. Хинце), авторы нередко и корректируют их решения, предлагая собственные убедительные толкования: см. объяснение *gvačėc* 'размешивать еду ложкой, копаться в еде' < нем. *quetschen* 'давить' (при ранее предложенном возведении к нем. *quetschen* 'тонуть (в болоте)'), *gvđł* 'мелочь' < нем. *Gewöll(e)* 'отрыжка непереваренной пищи у хищных птиц'.

Подавляющее большинство заимствований восходит к немецким диалектам. Есть, однако, и свидетельства более древнего заимствования из германских языков: это собственно кашубское образование *ħqšba* 'кража', толкуемое как производное от утраченного глагола **ħqšic* < **ħqšiti*, восходящего к гот., др.-в.-нем. *ħansa* 'толпа'.

Отношения заимствования между кашубским и немецким были двусторонними, но кашубизмы (или славянизмы) в немецком могут быть отражены в словаре лишь в

¹ Некоторая аналогия этому постоянно наблюдается в русских говорах Сибири, для лексики которых весьма существенной и специфической составляющей оказались заимствования из языков аборигенов (см. [Аникин 1997]).

случае обратного их заимствования из немецкого, типа слав. *děža > нем. диал. *däse* > словин. *dejza*.

Большая часть немецких заимствований, включенных в SEK, засвидетельствована и в других польских диалектах, хотя иногда в отличной от кашубского форме, вследствие заимствования из разных немецких диалектов. Такие различия представлены и для некоторых соответствий – заимствований в кашубском и литературном польском: ср. каш. *harłufła* ‘картофель’ при польск. литер. *kartofel*. Польский литературный язык и его диалекты выступают посредниками в усвоении кашубским лексикой других языков: см. *fåt* ‘большой кусок хлеба, мяса’ < польск. диал. *fałat* ‘кусок, часть’ < венг. *falat* ‘кусок (пищи)’; *farfot*, во мн. ‘лохмотья’ < польск. диал. *farfoi* ‘обрезки ткани, лохмотья’ < исп. *farfado* ‘бахромчатый’. Иногда из польского были заимствованы и собственно славянские лексемы, см. *żąd* ‘старик, нищий’, *ząd*, *ząd* ‘жнец, сжавший последний колос; последний сноп’ и т.п. < польск. *dziad* < праслав. *dědъ (при преимущественном функционировании в качестве термина родства кашуб. *stark*, *stari tatk*, *lólk*, *opa*, *opara*, *grósk* – см. [SEK, II: 109]).

В SEK учитываются различные типы иноязычного влияния на кашубскую лексику, в том числе – калькирование немецких слов, но к последнему, кажется, напрасно отнесены словин. *dřevina* и *dřevizna* ‘столярка – предметы или их части, сделанные из дерева’ (толкуется в SEK, как калька нем. *Holzwerke*), поскольку в словинском представлено не сложение, как в немецком, а суффиксальные образования, причем соответствия для *dřevina* и в русских говорах представляют близкие значения: ср. *дереви-на* арханг. ‘опорная доска и столбики в мялке’, тюмен. ‘свердл., новосиб. ‘деревянная часть какого-либо приспособления, орудия и т.п.’ [ЭССЯ, 4: 210].

Отличия исконной кашубской лексики, включенной во II том SEK, от лексики литературного польского языка в значительной степени обусловлены утратой слов (или значений) в современном польском, тогда как в памятниках они еще сохранялись и нередко функционируют в других польских диалектах или даже в литературном языке в словообразовательно-отличной форме, например: *dobrotni* было известно польскому еще в XVII в.; в соответствии с каш. *gurgotac* есть польск. диал. *zgurgotać*. Соответственно представленная в SEK кашубская лексика

демонстрирует много общих с польским праславянских архаизмов и диалектизмов: см. *jadro* ‘сесть’ (< праслав. *ědro), *jaśc* ‘барсук’ (< *ězvьskъ), *jesora* ‘рыбья кость’ (< *esera), *gana*, *gánba*, *χłqd* ‘сухая трава, будылье’ (< *chlqđъ), *dojka* ‘кормилица’, *gàrcel* ‘горло’ (к *grьbъ), *gřępa*, *gřępa* ‘холмик, пригорок; куча’ (< *grępa, наряду с *gręba, представленным также в других славянских языках), *glomza* ‘творог; рохла, размазня’ (если к и.-е. **glēm-* ‘мазать, лепить’), *gřęzc* ‘пить’ (< *gręziti), *jaskri* ‘ясный’ (< *ěskrъ, при *ěsknъ в других славянских языках).

Вместе с другими диалектами польского кашубский преобразовал некоторые праславянские лексемы – см. *χoja* ‘сосна’ < *chvoja; общими являются и многие новообразования на базе праславянизмов, например: *gardlęc* ‘душить’ – от *gardło*; *gulajka* ‘шарик’ – от *gula*; *χova* ‘скот’ – от *χovac* ‘хранить’.

Большой интерес для уяснения специфики кашубской лексики представляют кашубско-инославянские соответствия на праславянском уровне, не имеющие соответствий ни в истории польского языка, ни в других диалектах. Таковы *zegno* ‘молоки’ (< праслав. *degno или *dęgno), *dom’acni*, *drařa* ‘коготь’, *gliśc* ‘угорь’ (ср. чеш. *hlišť* ‘дождевой червь’), *gona*, *gono* ‘часть поля’, *grable* (при польск. *grabie*), *groχnc* ‘бросить с шумом’, *gronic* ‘предостерегать’ (< *gorniti, каш.-полаб.-луж. диалектизм), *grula* ‘свиноматка, старая свинья’ (при чеш. диал. *grulit*, слвц. *grúliť* ‘хрюкать’), *gruźżęc sq* ‘кочень от холода’ (при в.-слав. *gruźbъ), *gutóęc* ‘лепетать, болтать’, *χęjac* ‘падать (о снеге)’ и ‘убегать’ (< *chyjati), *χlędnc* ‘тонуть, плакать’ (< *chlędnqti), *χoχór* ‘необрезанная живая изгородь’, *rozχolęc sq* ‘расстегнуться’ (к *choliti), *χvasčęvi* ‘жадный’ (ср. чеш. *chvaščivý*), *jaskac* ‘болтать, брехать’, *jačmę* (< *ęčьmu), *jični* (< *ęčьnъ), *jemni* (< *ьmьnъ). Ряд подобных кашубских соответствий для инославянских лексем существенно меняет лингво-географические характеристики праславянских слов: см. *dăcă* (единственный рефлекс *datja в зап.-слав. языках), *dępac* ‘клевать’ (< *dupiti), *dęr* ‘упрямство’ (< *durъ), *zerźlęc* ‘драть на полосы корни и гибкие стволы молодых деревьев’ (< *dřliiti).

В плане реконструкции семантики на праславянском уровне интересны архаичные значения кашуб. *gub* ‘складка’, *χarna* ‘сухая, негодная для корма трава’ (< *chorna).

Особенно существенны и для генети-

ческой характеристики кашубской лексики, и для реконструкции праславянского лексического фонда эксклюзивные праславянизмы кашубского. Среди них преобладают семантические архаизмы типа *dpsac sa* 'подниматься (о тесте)', *godto* 'предзнаменование, новость, весть' (к **goditi*), *govařec* 'шуметь'. Архаизмом может быть и значение *dba* 'мнение', отмеченное в кашубском и кочевском диалекте: ср. гипотезу Махека о родстве праслав. **dъbati* с лат. *dūbāre* 'сомневаться' [Machek 1968: 112].

К числу специфических структур потенциально праславянского происхождения могут быть отнесены *guža* 'опухоль, волдырь' (< **guzja*) и *donqd* 'до того места, до тех пор' (< **do-n-qd*, с местоименным **nъ*, хотя здесь достаточно вероятно фонетическое развитие структуры польск. *doonqd* < **do onqd-*, ср. ст.-слав. *onqdu* и *do onqdě*, чеш. арх. *do onud*, сербохорв. *do onuda*, словен. *do onod*) (см. [ESSJaz, 2: 175, 528]).

Оригинальное развитие праславянского наследия в кашубском представлено также преимущественно в семантическом плане, например: *dār* 'пища, напиток', *dēdac* 'думать' и *dēdlēc* 'сделать, закончить' (к **dudati*), *dv'řnica* 'обширное поле возле усадьбы', *ž' a žela* 'дылда' (< **dęglъ*), *gacęc* 'ставить забор, ограждение' (< **gatiti*), *g'acovac* 'сохранять, страховать' (к **gatiti*), *zagatac* 'загубить' (< **-gatati*, к **gaty*), *gvazdac* 'месить тесто; бродить по грязи, по снегу' (< **gvazdati*), *hojni* 'вежливый, учтивый' (< чеш. *hojný*), *ħilac* 'убегать; поносить; жадно пить', *ħilac sa* 'литься', (< **chyljati*), *jād* 'мелкий град, мелкий дождь, снежная крупа' (= *jād* 'яд'); сомнения автора о пути семантического развития *dęgac* 'много есть' на базе *dęgovac* 'бить', может быть, поможет разветвить семантически аналогичное русск. проторечн. *напихаться* 'наестся'. Морфологические преобразования праславянских лексем определяются грамматическими тенденциями кашубского: см. *glistva* (переход *a*-основы в *-ū-*, характерный для сев.-зап. словин. говоров), *drapeřec* (< **drapežiti*, с подстановкой активного суф. *-er-*); *grónk* (вместо *gārnk*) и *grósc* (вм. *garsc*) – гиперграмматизм.

Что касается предполагаемых случаев фонетического преобразования (нерегулярного!) праславянских лексем в кашубском, то здесь особенно очевидна взаимозависимость этих предположений и этимологических отождествлений кашубских лексем с

праславянскими. Предполагаются, например, вторичная назализация – в случае *dąpla* 'болото' < праслав. **dupъla* 'яма' (с одновременным изменением значения), метатеза в *gruzdac* 'болеть, ныть, мезжить' < **druzgac* 'то же', озвончение согласного в *gurzel* 'нарост на корнеплодах' < *kurzel*, отклонения в рефлексации праслав. слоговых плавных в *dolgas* и *dolžena* 'человек высокого роста, дылда' < **dъlg-*, изменение **b > v* в *ħava* 'сухая ветка или сухойстой' < **ħaba*, **sv > ħv* в *ħvōdac sa* 'чесаться, тереться' (при польск. *świąd* 'зуд', *świędzić* 'чесаться, зудеть'), отсутствие регулярной аффрикатизации **d* в *deba* 'вялый, безвольный человек' (если < **debelъ*), *dęža*, такое же предположение необходимо и для возведения *debra* 'глубокая долина, овраг' к **dъbr'a*.

Народноэтимологические преобразования, анализируемые во II т. SEK, интересны для истории и лексики, и народной культуры, особенно когда их объектом являются исконные слова: см. *zекс* 'коровья жвачка' (из *zegva* под влиянием *zекс* 'деготь', вследствие незнания реалий животноводства), *d'ehnica* 'глиняная миска; толстуха; тыква' (из **dojъnica* под влиянием *děňā* 'тыква'), *g'řmāl* 'шмель; гудящая игрушка' (из *čmel* под влиянием *g'řmāc*), *do, s' evrница* 'гусеница' (из *gqsevница* под влиянием *dpsac*). Разумеется, обнаруживаются и результаты народноэтимологических преобразований заимствований: *dąb'ork* 'ведро из дубовых клепок' (из *vąb'ork* 'ведро' под влиянием *dąb*), *jelehic sa* 'спешить' (из нем. *eilen* под влиянием *jeléh*). Предполагаемое как источник для *h'ajduki* "песчаные пространства, покрытые вереском и сосной" сближение нем. *Heide* 'луг' и венг. *hajduk* 'солдат' семантически не оправдано; правда, известно, что народная этимология провоцируется прежде всего немотивированностью слова-объекта и формальным сходством его с другим словом, часто при отсутствии семантической общности.

Собственно кашубские новообразования составляют незначительную часть словаря II тома SEK. См., например, *dqbora* 'жадина, скряга', *galóna, galuna* 'великан' (ср. ст.-польск. *golemy*), *għotto* 'пест', *gojca* и *gojik* 'знахарь', *għela* 'лень', *goñas* 'гонец', *grąblec* 'морщиться, заскорюзнуть', *gręza* 'мямля, копуша' (от *gręc* 'грязь', 'докучать'), *ħlastavica* 'дождь с молниями', *jadtoba*, 'горе,

беда, гнев' (от *jaditi*, к *jesc*), *jalo'vicé* *Ledum palustre*, *jimě* pl. 'борьба' (от *jinnoс* 'драться'). Авторы внимательно анализируют словообразовательные структуры новых лексем, выделяя специфические. Таковы обилие экспрессивных глагольных суффиксов: *g'ebotěc* 'кое-как резать' (от *g'ebac*) и *g'atotěc* 'щебетать' (ср. ст.-польск. *gatac*) – с суф. *-or-*, *d'erdolěc* 'тащиться' (от *d'erdac*) – с суф. *-ol-*, *duksac* 'хромать' (от *dukati*), *duskac* 'подбрасывать ребенка, пестуя его' (от **dusati*), экспрессивные именные суффиксы *-dra* в *guldra* 'недозрелый фрукт (особенно вишня)' (ср. польск. *gula*), *glabzdra* и *glómzdra* 'неопрятная женщина' (ср. польск. *glamza* 'мямля, копуша' и каш. *glamza* 'то же' и 'творог') и *-da* в *glomda* 'птичий помет' (ср. ст.-польск. *glan* 'слизь') и др., продуктивный суф. *-aj* в *hulaj* 'бездельник' (от украинизма *hulac*) и *has'ajc* 'туча, предвещающая дождь' (ср. *asac*, *hasac* 'ставить паруса'), инновационная суффиксальная последовательность *-vc (> bc)* в *g'ebc* 'печка', редкий суф. *-iga* в *d'émiga* 'снежная метель', специфическая наречная структура *grěbli'ici* 'много' (к *grěbi* 'большой', предположительно, с суф. *-ičě* из имени) и весьма проблематичные именные *grězmac* 'кусочек, осколок' (ср. польск. *gruz* и **makъ?*) и *hoscмак* 'легкомысленный человек' (из *hoc* – междометия-выкрика в танце и *-mac* 'глупец'); наконец, специфические зауподобления типа *glugdac* 'бормотать (об индюках)', *grōzđac* 'гугнить'.

Некоторые из кашубских новообразований связаны отношениями корневой или суффиксальной вариантности с соответствующими лексемами в польском литературном и диалектах: ср. каш. *govařec* – польск. *gwarzyć*, каш. *ħaber* 'хребтовая кость у птиц' – польск. *ħabor* 'кость' (и чеш. *ħabory*), *ħ'amolěc* 'жрать' – польск. диал. *ħamlać*.

Таким образом, во всех статьях рецензируемого тома SEK последовательно прослеживаются семантические и структурные соотношения кашубской лексики с польской, проводится хронологическая стратиграфия кашубских лексем, выявляется специфика кашубской лексики на разных хронологических уровнях, начиная с праславянского.

Разумеется, толкование генезиса такого обширного кашубского лексического массива определило не только включение в статьи словаря многих прежних этимологических разработок авторов, но и выдвижение новых решений. Помимо отмеченных выше в связи с рассмотрением различных

аспектов анализа, следует упомянуть толкование *grěĉa* 'нарост' < **grukja* (на базе и.-е. **greu-* 'сгибать, скручивать'), *gzub* 'дитя' < **kzub* < *kozub* 'брюхо, долбленая бочка', *ħāħac* 'болеть' < **axati*; очень убедительным представляется пересмотр праславянской этимологии глагола *gutorěc* < **gutoriti*, для которого предполагается образование от **gutati* (чеш. диал. *hútati* 'трубить в рог', н.-луж. *hutaś* 'кричать (о сове)' и др.) – при традиционной версии сложения **gu-* и **toriti*.

Некоторые этимологические версии можно было бы, кажется, подкрепить русским лексическим материалом: к толкованию *-garac* в *ħe zgarac* (на кого) 'не выносить (кого-либо)' (из (w)zgarac **ħopеть* симпатией') ср. русск. *разгораться*, *распалаться* – о любых страстях; см. также выше о *děgac* 'много есть'.

Относительно нескольких лексем различных хронологических уровней представляются предпочтительными другие этимологические толкования: *doł'aga* 'растяпа, недотепа', объясненное в связи с **dolati* (вслед за [SP, IV: 69–70]), все-таки вряд ли отделимо генетически от *taġ* 'сила, мощь', *taġi* 'гибкий', а это предполагает исходное гнездо **leġati* 'двигать' [Варбот 1972: 377];

grěĉec 'кое-как писать' может быть не заимствованием нем. *kritzeln*, а производным от *grěĉa* 'нарост' (ср. русск. просторечн. *навалать*, *накатать* 'кое-как написать');

gutac 'собирать, красть' и всю группу продолжений праслав. **gumati* преждевременно признавать экспрессивными образованиями; они естественно сопоставимы с ц.-слав. *gымати* *palpare* и **gъmatati* (чеш. *ħmatati*, польск. *gmatwać* и т.д. – см. об этой группе [Sławski 1952, I: 298]) и **gъmъziti* [Там же]; корень **gъm-/gъm-/gъm-* 'давить, бить' может быть родственным с **zъti*, **zъto* (подробно см. в статье автора рецензии "Вокруг славянского гумна" – сб. в честь 70-летия Вяч. Вс. Иванова, в печати);

для *guĉa* 'нарост, шишка, опухоль' более вероятно, чем контаминация *guĉa* и *grěĉa*, родство с **gukъ* (русск. диал. *гук* 'мыс', блр. *гук* 'росток', укр. диал. *гук* 'стрелка лука') и **gуць / *guĉa* (чеш. *huĉa* 'капустная кочерыжка' и т.д., см. об этих группах в [ЭССЯ, 7: 169, 219]);

хотя *ħaħol* 'бедняк, бедный крестьянин' в конечном счете бесспорно родственно польск. *chochoł* 'чуб', семантика указывает

на ближайшую связь с прозвищем украинцев – *хохол*;

поскольку *zerza* является названием растения *Veronica officinalis* – вероники, ползучего и густоопушенного (ср. русск. *лежанка*, *лежачка* – [Даль I: 181]), то для него сомнительно родство с *žerza* ‘жердь, палка’ (< *žrdb); м.б. скорее *dbrža?;

для *jiverni* ‘истинный’, сопоставимого со ст.-польск. *isterny*, действительно вероятно народноэтимологическое преобразование, но сомнительно влияние *jiver* ‘гнев’; м.б. *věrni?*;

jurk ‘злой дух’ вполне объяснимо из *juřec* ‘раздражать’, *juřec sa* ‘злиться’ (глаголов праславянского происхождения), так что сопоставление с собств. именем *Jur* излишне;

для *jastrox* ‘вол черно-белой масти; кличка быков и волов’ избыточно возведение к дальнему *astrь ‘быстрый’; скорее это метафоризация *jaštrow* ‘ястреб’, ср. русск. *ласточка* – как кличка коров;

сомнения вызывает предполагаемое для обоснования родства *gaguš* ‘карликовая, низкая сосна’ с гнездом *žegti семантическое развитие ‘дрова’ → ‘кривые, низкие деревья, служащие топливом’; ср. в качестве возможного родственного рус. *загогулина* ‘закорючка’;

каш. *glon* ‘толстый ломоть хлеба’ и польск. *gielń* ‘кожура, скорлупа’ могут быть сопоставлены с сербохорв. *glanj* ‘мышечный узел около большого пальца руки’ < *golńb, восходящего к и.-е. *gel- ‘круглое, шарообразное; жать, комкать’ [Петлева 1975: 43–57], что подтверждает версию Шустера-Шевца о происхождении из этого гнезда и лексичской лексемы.

Несколько слов следует сказать об оформлении статей. При следовании в основном принципам четкой хронологизации, принятым в I томе, иногда во II томе SEK проявляется некоторая небрежность в обращении к праславянскому уровню исследования: отсутствуют праславянские реконструкции, например, для *zarna* ‘дерн’, *žerza* ‘жердь’, *dviġac*, *žążęła*, которые были бы полезны даже при всей очевидности и необходимы при заявленных принципах; нередко в толковании образования исконого производного допускается своего рода соскальзывание с хронологического уровня кашубского на уровень праславянского, так что хронология формирования производного остается неясной – см. определение *drizdačka* «от праслав. *drizdati» (значит ли

это, что *drizdačka* – праслав. образование или оно образовано в кашубском от кашубского продолжения праслав. глагола?), *jadovic* ‘сердить, огорчать’ – «глагол с суф. -i от праслав. *ēdъ» (т.е. праслав. *ēdoviti?), сопоставление *domągala* ‘быстрый, сообразительный, умный человек’ (и польск. *Domagala*) с праслав. *domokti при наличии непосредственной производящей основы – польск. *domagać*, размытые определения для *zėvka* – «ср. праслав. *dėvъka zėra ‘дыра’ – «форма связана с праслав. *dirati, как в.-луж. *džera*, н.-луж. *žera*, ст.-чеш. и словц. *diera*». Иногда нелогично распределяется материал между статьями о родственных лексемах: так, праслав. *dudъlati упоминается в статье о *dudle*, а в *dudlac sa* дается сопоставление с польск. *dudlać* и сведения об экспрессивном *l*; *drėvac* рассматривается только в статье о производном *drėvas*.

По-прежнему думаю, что не засвидетельствованные непосредственными продолжениями, но реконструируемые по производным формы должны обозначаться двумя астерисками – ср. «от незасвидетельствованного *gagrac» (с. 168).

Авторы весьма тщательно снабжают каждую словарную статью библиографическими ссылками; более того, аккуратно фиксируется пропуск кашубского материала в статьях ЭССЯ и SP, где он был бы важен для праславянских реконструкций. Поэтомu следует упомянуть, что *dojka* ‘кормилица’, действительно отсутствующее в SP, приведено в ЭССЯ [5: 55], а *dřėžžec (sa)* ‘рассветать’, сопоставляемое в SEK с *brėžgati, с замечанием об отсутствии в SP под *brėžgati, рассматривается в SP [4: 220] под *dreždžati, где и отмечена близость к *brėžgati.

Завершая обзор статей II тома SEK, необходимо отметить важную составляющую авторской работы, имплицитно присутствующую, очевидно, во всех статьях, но обнаруживающуюся в некоторых случаях – это критическое использование поморских, словинских и кашубских источников, с проверкой и правкой форм и значений, сопровождаемыми весомой аргументацией: см. реконструкцию *dzemny* (вместо *dremny*), *drežen* ‘терн’ (вм. ‘дрожжи’), *dadō* ‘однако’ (вм. ‘пока’), *dėpa* ‘низина’ (вм. ‘заросли, кустарника’), а также замечания о вероятности словотворчества составителя словаря (Лоренца) в ряде гнезд – см., например, *duva*.

Итак, II том SEK успешно продолжает реализацию важнейшего для славянской лексикографии в целом, для полонистики и для кашубистики этимологического предприятия. Подтвержден высокий уровень исполнения поставленных задач и выражено не только стремление, но и реальное продвижение работы над словарем весьма энергичными темпами. Это последнее очень важно в отношении перспектив использования результатов словаря в одновременно разрабатываемых славянских этимологических словарях и как пример для славянской диалектной этимологической лексикографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин А.Е.* 1997 – Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.
- Варбот Ж.Ж.* 1972 – Этимология 1970. М., 1972 – Рец.: V. Machek. Etymologický slovník jazyka

českeho. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

Варбот Ж.Ж. 1997 – Этимология 1994–1996. М., 1997. – Рец.: W. Boryś, H. Popowska-Taborska. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. I. A-Ć. Warszawa, 1994.

Даль В. – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. 2-е изд. М., 1955 (= 1880–1882). *Петлева И.П.* 1975 – Этимологические исследования в области сербохорватской лексики: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., Вып. 1–24. 1974–1997.

ESSJaz – Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramaticka a zájmena. Sv. 1/Sest. Fr. Kopečný; Sv. 2 / Red. Fr. Kopečný H. Plevačová. Praha, 1973, 1980.

Machek V. 1968 – Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

Malkiel Y. 1976 – Etymological dictionaries. A tentative typology. Chicago; London, 1976.

SP – Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc. T. I–VII. 1974–1995.

Ж.Ж. Варбот

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ
В ЖУРНАЛЕ "ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ"**

- БЕ – Български език
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВФ – Вопросы философии
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКЯ – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ – Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН), АН СССР
ИЯШ – Иностранные языки в школе
РЯНШ – Русский язык в нац. школе
РЯШ – Русский язык в школе
СБНУ – Сборник за народни умотворения
СТ – Советская тюркология
ФН – Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW – Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfsIph – Archiv für slavische Philologie
AGL – Archivio glottologico Italiano
AKGW – Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL – Acta linguistica
AmA – American anthropologist
ANF – Arkiv för nordick filologi
AO – Archív orientální
APAW – Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC – Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ – Biulétyn Polskiego towarzystwa językoznawczego
BSLP – Bullétin de la Société de linguistique de Paris
BSOS – Bulletin of the School of Oriental studies
BzNf – Beiträge zur Namenforschung
CAJ – Central Asiatic Journal
CFS – Cahiers F. de Saussure
CJ – The classical journal
FPhon – Folia phoniatica
FuF – Finnisch-ugrische Forschungen
GL – General linguistics
HR – Hispanic review
IF – Indogermanische Forschungen
IJ – Indo-Iranian journal
IJAL – International journal of American linguistics
JA – Journal asiatique
JASA – Journal of the Acoustical society of America
JEGPh – Journal of English and Germanic philology
JL – Journal of linguistics
JP – Język polski
JRAS – Journal of the Royal Asiatic society
JSFOu – Journal de la Société finno-ougrienne
JФ – Јужнословенски филолог
KZ – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LaPh – Linguistics and Philosophy
Lg – Language

LIn – Linguistic Inquiry
 LM – Les langues modernes
 MM – Maal og minne
 MSFOu – Mémoires de la Société finno-ougrienne
 MSLP – Mémoires de la Société de linguistique de Paris
 MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
 NSS – Nysvenska studier
 NTS – Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
 PBB – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
 PMLA – Publications of the Modern Language Association of America
 RES – The Review of English studies
 RÉG – Revue des études grecques
 RÉSI – Revue des études slaves
 RF – Romanische Forschungen
 RKJL – Rozprawy Komisji językowej Łódźk. t-wa naukowego
 RKJW – Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego
 RLing – Russian linguistics
 RLR – Revue de linguistique romane
 RO – Rocznik orientalistyczny
 RS – Rocznik slawistyczny
 SaS – Slovo a slovesnost
 SDAW – Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil.-hist., Klasse für Sprachen,
 Literatur und Kunst
 SL – Studia linguistica
 SMS – Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopies a literárnu históriu
 SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
 StO – Studia orientalia
 SWAW – Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
 TA – Traduction automatique
 TCLC – Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
 TCLP – Travaux du Cercle linguistique de Prague
 TIL – Travaux de l'Institut de linguistique
 TPhS – Transactions of the Philological society
 UAJb – Ungarische Jahrbücher
 VR – Vox Romanica
 WW – Wirkendes Wort
 ZAS – Zentralasiatische Studien
 ZCPH – Zeitschrift für celtische Philologie
 ZDA – Zeitschrift für deutsches Altertum
 ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
 ZDPh – Zeitschrift für deutsche Philologie
 ZMaF – Zeitschrift für Mundartforschung
 ZNS – Zeitschrift für neuere Sprachen
 ZPhon – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
 ZRPH – Zeitschrift für romanische Philologie
 ZSL – Zeitschrift für Slavistik
 ZSLPh – Zeitschrift für slavische Philologie

CONTENTS

E.V. Padučeva (Moscow). The compositionality principle in non-formal semantics; V.Ju. Apresjan (Moscow). Concession in language and words with the meaning of concession; A.V. Gladkij (Moscow). A sketch of the formal theory of case; I-E.S. Raxmankulova (Moscow). Sentence-patterns and semantics of the verb in diachrony; G.P. Klepikova (Moscow). On the history of study of the Slavonic dialectal semantics (N.I. Tolstoj's method of "semantic field"); M.M. Makovskij (Moscow). Mythopoeics of writing in the Indo-European languages; O.G. Čupryna (Moscow). Temporum opinio in ancient language and consciousness; M.I. Šapir (Moscow). On the textology of "Eugene Onegin" (orthography, poetics and semantics); **From the history of linguistics:** V.A. Plotnikova (Moscow). Two editorial versions (from the history of work on "The dictionary of Pushkin's language"); **Reviews:** Z.A. Xaritončik (Minsk). E.S. Kubriakova. Parts of speech from the cognitive point of view; I.B. Šatunovskij (Dubna). E.V. Padučeva. Semantic studies (semantics of tense and aspect in Russian; semantics of the narrative); V.V. Krasnjanskij (Orehovo-Zuyevo). Rare words in the works of the XIX century authors. A dictionary. E. Tryjarski (Warsaw). Comparative and historical grammar of the Turkic languages. The word-stock; V.B. Kasevič (St.-Petersburg). A.I. Koval', B.A. Njalibuli. The Fula verb in typological perspective; J.J. Varbot (Moscow). W. Boriš, H. Popowska-Taborska. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny.

Технический редактор *О.Н. Никитина*

Сдано в набор 29.06.99	Подписано к печати 11.08.99	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать.	Усл. печ. л. 13,0	Усл. кр.-отт. 18,6 тыс.	Уч.-изд. л. 15,6	Бум. л. 5,0
Тираж 1407 экз. Зак. 2912				

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
Телефон 201-74-42
Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6